СКИЕ
ЛИРИКИ

БИБЛИОТЕКА
ПОЭТА

ДАГЕСТАНСКИЕ ЛИРИКИ

Советский писатель

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА
ОСНОВАНА
М. ГОРЬКИМ

Большая серия
Второе издание

ЛЕНИНГРАД • 1961

ДАГЕСТАНСКИЕ ЛИРИКИ

Предисловие и общая редакция
Николая Тихонова

Вступительная статья
Н. В. Капиевой и В. Ф. Огнева

Подготовка текста,
биографические справки и примечания
Н. В. Капиевой

Редакция стихотворных переводов
С. И. Липкина

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

С(даг.)1
Д 14

Эмоциональная, полная драматизма лирика народных поэтов многонационального Дагестана отличается не только большим своеобразием, но и высоким уровнем поэтического мастерства, глубоким психологизмом, богатством реалистических подробностей, воссоздающих самобытный характер и условия жизни горских народов Кавказа. Вступительная статья, предваряющая сборник, дает представление о путях развития и национальных особенностях дагестанской лирики.

ПОЭТЫ СТАРОГО ДАГЕСТАНА

Дагестан!

Бледно-зеленые волны с желтой взмыленной гривой тяжело набегают на песчаные плоские берега. За ними раскинулась бурая земля, чуть всхолмленная, постепенно становящаяся дыбом, как будто уводящая к предгорьям, над которыми лежат темно-синие туманы, сползшие с круч.

Углубитесь в эти предгорья, и они увлекут вас все выше и выше; постепенно скалы начнут расти, над ними загромоздятся новые уступы, на них встанут прямые, обрывистые стены. Начнется царство доломитов, огромных обрывов, тесных проходов. И наконец вы увидите далеко внизу под собой сверкающие извилины горных рек, струны ручьев и вспыхивающие на солнце взрывы водопадов.

Но вы углубляетесь в горы... Идете всё выше и выше...

И вот с перевала или с какой-нибудь вершины, с обломка скалы, перед вами откроется величественная картина сотворения мира. В облаках, причудливо раскрашенных, от густо-фиолетового, через все оттенки голубого, зеленого и розового до молочно-белого, возникнут разнообразные горы и хребты самых удивительных форм, несчетные, необозримые, с крутыми ступенями, с махинами снежно-пепельных ледников, с гривами снега на вершинах, с вечными льдами, отполированными столетиями.

Если вы будете странствовать в этих поднятых к небу просторах, пересекая каменную громаду в разных направлениях, вы научитесь различать и отдельных исполинов этой гигантской семьи. Вот, как застывшие волны, высятся Диклос-мта и Тебулос-мта. Вот далеко-далеко возвышается Шахдаг. Вот смягченные расстоя-

нием плечи Базар-Дюзи. Вот Шалбуздаг и где-то за ним — горы, которые будут круто спускаться в закавказские края.

А то возникнет перед вами Аддалла-Миогхель, поднявшаяся над всей каменной свитой; или заиграют в закатных лучах алыми волнами ледники Богосского хребта.

Куда бы вы ни направляли свой шаг, вас будет окружать суровое, выжженное, отвесное море гор, пиков, вершин. По самому верху хребтов, такому узкому, что ваш конь начнет ставить ноги не рядом, а одну за другой, вы пройдете до головоломного спуска в узкую горную расщелину, на дне которой гремит неутомимый поток. И пройдете не раз... Вы приучитесь к бездонному провалу пропастей, к крутизне троп, к тому, что, идя с юга на север или с востока на запад, вы будете встречать только небо, камень и бешеную воду, клубящуюся глубоко внизу.

Потом вы увидите, что этот край каменных богов и туманных демонов населен людьми — гордыми, крепкими, сильными людьми. Это их дома как будто высечены из скал, это их сады зеленеют над выступом под отвесной стеной, это их стада пасутся на альпийских лугах, это их машины бегут по дорогам, сделанным руками, сбросившими гигантские глыбы каменной породы.

Вы спуститесь с гор во влажные, густые, темные леса, напоминающие леса горячего юга, и вас поразят лианы своим разнообразием, как раньше поражали цветы высокогорных лугов.

И всюду — на отвесных скалах, в долинах, под облаками, у самых вершин — вы увидите многоярусные, возносящиеся, как исполинские соты, селения, к которым ведут длинные зигзаги дорог, теряющиеся в горах.

Можно спуститься с этих каменных лестниц на север, в степь, и там после лабиринта хребтов и ущелий вы увидите огромные поля — житницу Дагестана, увидите селения, куда переселились с диких гор их вчерашние обитатели.

У этой удивительной страны, где все-таки главное слово остается за горами, были и сейчас есть замечательные поэты, воспевшие красоты своей родины, ее прошлое, суровое, как скалы, и бурное, как все реки Дагестана, соединенные вместе.

Необычная поэзия должна была родиться в этих необычных краях. И тот, кто сталкивался с нею, придя издалека, не мог скрыть своего удивления, знакомясь с творчеством многочисленных народов, населяющих Дагестан.

Началось это знакомство давно. В 1875 году Лев Николаевич Толстой, выписав из первого выпуска «Сборника сведений о кавказских горцах» тексты нескольких дагестанских песен, послал

их своему приятелю, известному русскому поэту А. А. Фету. Фет пришел в совершенный восторг от этих песен, переложил их в стихи и передал в журнал «Русский вестник», а Толстому ответил стихотворением, в котором описал свое впечатление от прочитанного:

Как ястребу, который просидел
На жердочке суконной зиму в клетке,
Питаяся настрелянною птицей,
Весной охотник голубя несет
С надломленным крылом — и, оглядев
Живую птицу, старый ловчий щурит
Зрачок прилежный, поджимает перья
И вдруг нежданно, быстро, как стрела
Вонзается в трепещущую жертву,
Кривым и острым клювом ей взрезает
Мгновенно грудь и, весело раскинув
На воздух перья, с алчностью забытой
Рвет и глотает трепетное мясо, —
Так бросил мне кавказские ты песни,
В которых бьется и кипит та кровь,
Что мы зовем поэзией. — Спасибо,
Полакомил ты старого ловца!.

Песни, поразившие Фета, были народные дагестанские. Одна из них — отрывок из сказания о Гамзате — запомнилась надолго и самому Толстому. Работая в конце девяностых годов над «Хаджи-Муратом», он вставил в описание последних часов жизни знаменитого наиба Шамиля такие строки «„Что ж, будем биться, как Гамзат“, — подумал Хаджи-Мурат». А Гамзат в песне бился, окруженный врагами, — безвыходно, смертельно.

Ни Толстой, ни Фет не знали тогда, что наряду с народными песнями в Дагестане существовали в их время известные поэты, чудесные лирики, в стихах которых «бьется и кипит та кровь, что мы зовем поэзией».

Поэтов было много, они были все разные. Их судьбы, их образование, их происхождение были так же различны, как различны чуть ли не тридцать языков, на которых говорят в Дагестане. Они жили на севере и на востоке, в лезгинских горах, в аварских долинах и ущельях, и на крайнем юге страны.

Дагестан — страна удивительная еще и в другом отношении. На берегу реки — горной, узкой — могут жить люди одного племени, а их соседи на противоположном берегу могут принад-

лежать совсем к иному народу. Петух кричит под горой в ауле, и на горе в ауле слышен этот крик, так близки друг от друга селения, но люди, живущие в них, говорят на разных языках, у них различные обычаи, они носят разную одежду. Я помню, как однажды, купив на заре в высокогорном Аракуле особые местные, плетенные из толстой шерсти «шаламы», нечто среднее между сапогами и туфлями, я был в тот же день поводом для веселого оживления в селении лаков Кули, куда со своим спутником спустился к вечеру. Там никто не видел подобной обуви.

Дагестанцы всегда любили стихи и песни. В старину были там странствующие певцы-ашуги, иногда слагавшие свои стихи на нескольких языках. Их песни переходили к потомкам, их повторяли ашуги следующих поколений. Всё это сохранялось на память, потому что певцы не владели грамотой. Народ был хранителем песен, и он донес до нашего времени песни многих певцов, живших в давние времена.

Я повстречался раз в Дагестане с таким ашугом. Этот странствующий рыцарь прекрасной дамы — поэзии пристал к нам, когда я с другом горцем направлялся в Казикумух. Этот человек привлек наше внимание. Он был очень разговорчив, как и полагается странствующему певцу, рассказывал много интересного о своей молодости, о старых ашугах, у которых он был учеником. Он вез с собой свой комуз, пел сатирические песенки, рассказывал разные смешные народные истории и анекдоты. В селениях он развлекал молодежь любовными стихами, а стариков ублажал старинными песнями. Он знал много стихов старых ашугов, был умудрен опытом, имел веселый нрав, любил выпить, но крепко держался в седле. Мы путешествовали с ним не без приятности. Иногда мне начинало казаться, что какая-то тень старины лежала на нем, что он — остаток чего-то уже перешедшего в воспоминание. Вероятно, он походил на певцов тех старых, невозвратно исчезнувших времен. Ему неплохо жилось, везде он был желанным гостем — на свадьбах, на похоронах, на пирушках ему отводили видное место. Его охотно угощали, дарили деньги и подарки. Он не был настоящим поэтом и признавался нам, что он только исполнитель, поет песни старых ашугов. И сам тоже сочиняет, но, как он говорил, ему далеко до стариков.

А когда я познакомился с великолепным мастером настоящей народной поэзии Сулейманом Стальским, я испытал большое волнение. Он мне напомнил своего лезгинского предшественника Етима Эмина. В стихах у обоих крестьянская, горская жизнь вставала во весь рост, со всеми ее подробностями, с той только раз-

ницей, что у Эмина она не имела счастливого исхода, а у Сулеймана Стальского она уже вошла в годы, когда Дагестан стал советской республикой, а горы зажили новой, счастливой жизнью.

Конечно, эстафета, которую невидимо передавало время от одного поэта к другому, существует. На развалинах Хунзахской крепости, которые так красноречиво говорили о бурях, пронесшихся над ней, мы сидели писательской компанией и вели беседу о стихах и поэтах. На этот раз хозяином беседы был Гамзат Цадаса. Я смотрел на него — как молодо сверкали его глаза, как лукаво он щурил их, как посмеивался в седую бороду на шутки нашего друга Петра Андреевича Павленко — и думал, что если бы прекраснейший поэт Аварии Махмуд из Кахаб-Росо дожил бы до преклонных лет, он, вероятно, походил бы на могучего Гамзата Цадасу.

Я хочу сказать, что живое ощущение старых поэтов, стихи которых мы сейчас читаем в книге, раскрытой для всех, невольно переносит нас в те времена, когда они жили и творили.

В этой книге представлены и поэты, родившиеся в восемнадцатом веке, но большинство из них — сыны девятнадцатого столетия, а иные окончили свою жизнь и в двадцатом, были активными участниками Октябрьской революции на Кавказе.

Если мы бросим взгляд на условия, в которых жили дагестанские поэты, то увидим, что лишь немногие вкусили радость мирной и счастливой жизни. Большинство из них терпели беды и мучения, потому что окружающая их действительность была очень суровой; только великая преданность поэтическому творчеству, народу, поискам правды и упорство духа позволяли им преодолевать трудности земного бытия.

Темнота и косность быта, разорение горцев, гнет феодалов, ханов, шамхала, разного рода властителей, бесконечные распри, кровавые ссоры племен, война с царизмом, упорно вторгавшимся в горы, — всё это наполняло их жизнь бедами и постоянной тревогой за своих близких и соплеменников.

А когда пришли строгие годы мюридизма, его законы были мрачны и беспощадны. Они запрещали постепенно всё: танцы, песни, курение табака, даже употребление чеснока. Всё, что мешало главному, изгонялось и преследовалось. А что было главным? Непрерывная война против «неверных», постоянная готовность к смерти и рай с гуриями после гибели на поле брани.

В 1859 году Шамиль сдался. Пал Гуниб, последний оплот воинственного мюридизма. Но уклад горской жизни мало изменился. Бывшие соратники Шамиля стали верными слугами царя,

и население гор снова почувствовало их власть. От того, что они стали именоваться приставами, полковниками и воинскими начальниками, не стало лучше жить людям в горах.

Поэтов преследовали, как и прежде, за то, что они в стихах разоблачали злоупотребления ханов, и за то, что они не признавали диких повелений владетельных шамхалов, и за то, что они бросали вызов аульным властям, призывая население к неповиновению, издеваясь над решениями старост. Духовенство по-прежнему преследовало их за равнодушие к исламу, не допуская в исполнении обрядностей никакого вольнодумства.

О чем писали поэты Дагестана?

Они слагали песни об исторических событиях, о походах и набегах, о пленении Шамиля, о войне, длившейся шестьдесят лет, о героях джигитах. Очень многие стихи посвящались любви, рассказывали о судьбе горской женщины, участь которой была тяжелой и беспросветной. Короткая юность в родном селении, а затем — похищение во время вражеского набега или брак по расчету, чужая семья, где — согласно обычаю — свекровь, вспоминая мучения, перенесенные в молодости, изнуряла молодую женщину самой тяжелой работой, стараясь подчинить ее своему хозяйственному порядку, унизить, как бы расплачиваясь за свою поруганную молодость.

В стихах поэтов всех народов Дагестана встречается несчастная любовь, ее муки, убийство соперника, продажа невесты, адат — ревнитель строгости нравов, — трагические истории любви, взятые из жизни.

Стихи о любви пользовались большим успехом у слушателей. Их запоминали и читали друг другу. Вопреки строгости обычаев, жизнь властно брала свое. Несмотря на жестокую судьбу несчастных влюбленных, любовь их оставалась в памяти людей. О ней говорили как о подвиге.

О несправедливости в жизни, о притеснениях властителей, о бедствиях народа слагали свои стихи поэты Дагестана. Жестокими были их судьбы, но они смело встречали даже смерть. Молодой Эльдарилав из Ругуджи, отравленный врагами, умирая, слагает стихи и вкладывает в них всю свою страстную душу. Смертельно раненный Махмуд из Кахаб-Росо говорит остроумный экспромт, как настоящий воин показывая необыкновенное присутствие духа и бесстрашие.

Даргинец Ахмед Мунги из Кубачи — селения, знаменитого своими резчиками по золоту и кости, — воспевая свое ремесло резчика, писал:

Сам резцом хотел бы стать!
Что резьба по серебру?
Мне бы счастьем украшать
Человеческую жизнь.

Из множества дагестанских поэтов-лириков я хочу особо выделить четырех, потому что они так же возвышаются среди остальных, как вершины Диклос-мта, Базар-Дюзи, Шалбуздаг и Шахдаг среди дагестанских гор. Это кумык Ирчи Казак, даргинец Батырай, лезгин Етим Эмин и аварец Махмуд из Кахаб-Росо.

Ирчи Казак был первым кумыкским поэтом. Он начал свой путь с большим успехом, и казалось, удача будет ему сопутствовать. Сам шамхал — кумыкский владыка — приблизил его к своему двору. Но творения Ирчи Казака не могли восхвалять палача народа. Он был сослан в Сибирь. Путь поэта проходит по ссылкам и тюрьмам. Но воля его не была сломлена. Он вернулся, и снова его перо служило народу. Он был блестящий поэт, и его стихи — начало кумыкской поэзии, залог ее поэтического будущего.

Батырай может быть назван отцом даргинской поэзии. Его стих и сегодня поражает своей остротой, чеканной яркостью сравнений. Он человек из аула, близкий к земле, певец крестьянской бедноты. Его стихи — поэтический суд над тупыми исполнителями воли джамаата (общества аула). Батырай признавался, что джамаат брал с него вместо штрафа быка для заклания.

В молодые дни мои
Шесть быков зарезал он,
Шесть бесхвостых бугаев
От коровы озорной.

Етим Эмин — настоящее имя его Магомед Эмин — назвал себя «Етим», что значит — сирота, обездоленный. До него стихи пели, он первый начал записывать их. Он писал на трех языках. Эмин посвятил свое творчество жизни простых людей. Он писал философские и гражданские стихи, оставил замечательную любовную лирику. Он дал лезгинам свой, эминовский язык, который, как пушкинский в России, оказал благотворное влияние на развитие лезгинской литературы.

Махмуд из Кахаб-Росо ближе к нам по времени; он как бы призван завершить огромный путь развития горской лирической поэзии созданием произведений, являющих высокий образец не только дагестанской, но и мировой лирики. Высшим достижением

его творчества была поэма «Мариам». Она была манифестом свободной от адатов и исламских законов любви и звучала как песня возрождения горской женщины. Эта поэма могла явиться только в результате нового и наиболее полного раскрытия темы, над которой работали многие предшественники Махмуда. Песни о любви Махмуда из Кахаб-Росо пелись как народные. Нов и смел его поэтический язык. Я хочу привести здесь прозаический перевод одного его стихотворения, которого нет в настоящем сборнике. Влюбленный юноша решил не добиваться доступа в комнату своей возлюбленной:

...Только ползать мог; я ходить не мог,
на двух ногах не мог стоять.
Я пристыл к земле, я не мог подняться.
А она смотрела с крыши.
У этой стены, в тупике измученный,
подал я сам на себя мировому судье
за то, что рукой я коснулся ее.
На три года решили в Сибирь!
Сердце приняло.
Я был так изранен — и мне ль проиграть это дело?
С решенья суда снял я копию;
и пойдет мое дело в суд окружной.
Там — я мечтал — можно выиграть!
Но там отказали, сказали:
«На весь мир знаменита царевна английская,
и нельзя ее трогать руками!»
Этот приговор бог приведет в исполнение!
Я поднялся, вдоль стен, ковыляя, пошел...

Махмуд из Кахаб-Росо — могучий поэт, великий поэт-лирик. Я когда-то назвал его кавказским Блоком и охотно повторяю это.

...Сегодня мы можем проехать по дорогам Дагестана из края в край. Горы, окружающие нас, покажут те же чудеса восходов и закатов, какими люди наслаждались и сто лет назад. Так же гудят лавины, летя по желобам вниз; так же развевают свои флаги метели у гордых вершин; и так же, как при Шамиле, ревут горные потоки. И все изменилось, все стало другим в стране гор. Новые имена поэтов вписывает жизнь в свои страницы. Имена Гамзата Цадасы, Абуталиба Гафурова, Абдуллы Магомедова,

Казияв-Али, Расула Гамзатова широко известны за пределами Дагестана.

Благодаря усилиям историков, литературоведов, поэтов-переводчиков удалось восстановить многое из большого поэтического наследства, которое осталось нам от прошлого. Общим трудом дагестанских и русских литературоведов и поэтов, с любовью потрудившихся над произведениями старых дагестанских лириков, прекрасная поэзия прошлого, пленявшая сердца современников, будет приближена к советскому читателю, который получит ценную книгу, включающую произведения многих поэтов старого Дагестана.

Николай Тихонов

ДАГЕСТАНСКИЕ ЛИРИКИ

1

Нет, пожалуй, другой горской страны Кавказа, которая за срок немногим более ста лет выдвинула бы одновременно такую крупную плеяду лирических поэтов, как Дагестан с конца XVIII по начало XX века. Дагестанская лирическая поэзия этой поры — блестящее созвездие ярких талантов, сильных личностей, сложных судеб.

Дагестан — страна многих национальностей, издревле живущих в тесном соседстве: аварцев, даргинцев, кумыков, лакцев, лезгин, татов. Поэзия Дагестана многоязычна и разнообразна. У лирики каждого народа свой склад, свои особенности. Аварцы создали лирическую песню-поэму, богатую оттенками настроений, глубиной чувств. Кумыки тяготеют к мотивам гражданским, этическим. Даргинцы — создатели изящной лирической миниатюры и песни-баллады. Свои особые краски в лирике лакцев и лезгин.

И в то же время при всем многоязычии и разнообразии поэзия Дагестана едина. Ее мысли родственны; ее воодушевляли одинаковые темы, ей сияли одни и те же надежды. Народы-соседи, народы-братья прошли общий исторический путь. Они сообща защищали родную землю от врагов. Роднили их труд, быт, общность духовного облика. По единому пути шло развитие их культуры.

Это позволяет и поэзию их рассматривать как одно целое, с единым, хотя, разумеется, кое в чем и разнящимся для каждого языка, процессом развития и обогащения.

Лирика поэтов из народа, выражавших народные чаяния, шла впереди своего века. Ее знаменем было свободомыслие, осуждение и отрицание казавшихся незыблемыми порядков и отношений.

В ней — бунтарство, то потаенное, то открытое, горькая неудовлетворенность окружающей действительностью, жажда свободы.

Личные судьбы певцов часто трагичны. Сосланные, убитые, отравленные, они рано уходили из жизни. А если жили долго, то к старости их ждало забвение и заброшенность.

Лирика старого Дагестана — почти всегда лирика устная. Только в годы, предшествовавшие Октябрю, и в период Великой Октябрьской революции поэты-большевики создали для себя печатную трибуну, издавая свои газеты, журналы. До них горские поэты из народа не знали печатного станка, даже тогда, когда уже имелась типография, в которой книги печатались на языках народов Дагестана. В противовес поэзии духовной, мистической, их лирика считалась «низкой» теми, кто держал в своих руках власть и создавал общественное мнение: горской знатью, мусульманским духовенством, чиновниками. Мало кто из поэтов прошлого оставил по себе рукопись — «Диван», собрание своих произведений. Одни были неграмотны. Наследие других, слагавших стихи на бумаге, потомки не позаботились вовремя сохранить. Лишь изредка попадали в печать отдельные стихотворения старых дагестанских лириков, при этом в изданиях единичных, почти недоступных простым людям. Записи, как правило, велись с большим запозданием.

И все же произведения старых поэтов дошли до нас. Почти всегда поэты были и певцами, сами исполняли свои стихи перед народом. Они были сильны непосредственностью общения с теми, для кого творили. Их печатным станком, их книгой, их редактором была народная память. Кое-что оказалось утраченным, — сохранилось лучшее. Память народа донесла до нашего времени пламя чувств, свет мысли любимых поэтов, немеркнущее сокровище сложной духовной жизни нескольких поколений дагестанских горцев.

2

В 1935 году Сулейман Стальский рассказывал Эффенди Капиеву:

— Когда-то давно в Кюринских горах жил у нас владетельный хан Мурсал. При нем был поэт — бедный ашуг Саид Кочхюрский. Слава Саида шла далеко, а хан не любил, чтобы при нем о других говорили хвалебное. Он скучал. Позвали ашуга. «Пой», — сказал хан, у которого было восемь жен и который скучал на этом свете. Саид спел. «Ты, кажется, хорошо спел, — сказал хан. — Ты мастер,

видно, но почему ты смотришь так дерзко? Ведь здесь присутствуют мои жены... А ну-ка, эй, выколоть ему глаза!» И ашугу выкололи глаза. Я слышал об этом не раз и хорошо помнил это...

Пораженный рассказом, Капиев ввел его в свою новеллу «Одиссея», посвященную иной, более счастливой судьбе прославленного поэта Сулеймана.

Повествование Стальского не совсем точно: Мурсал в конце XVIII века ослепил ашуга Саида не за то, что он не пел о нем хвалебно, а за то, что певец возбуждал среди лезгинских крестьян негодование и гнев против владетельного хана. Но примечательно, что через полтора столетия, уже в наши дни, после гигантского переворота, совершенного революцией, благодарная народная молва еще передавала во всей свежести живое предание о славе и муках певца — защитника народа.

Саид Кочхюрский жил в глухую пору бесправия, когда не было для горца-крестьянина иных законов, кроме прихотей феодала, князька, невежественного и грубо надменного, правившего самовластно и не знавшего удержу своему произволу. Повинности, тяжкие налоги, междоусобные драки дагестанских ханов за расширение владений истощали подданных. Землю гор разрывали на куски; она переходила от одного властителя к другому. Так, лакский Сурхай-хан, прозванный лезгинами Мурсалом, оказался владетелем Кюры. В одной из песен Саид клеймит его словом «чужак», но и «свои» были не лучше. Лезгинский историк и поэт Гасан Алкадари, настроенный весьма благонамеренно и мягкий в оценках, писал в книге «Асари — Дагестан» о прошлом своей родины: «...В Дагестанской области чаще всего в прошлом преобладали насилие и зло, а справедливость и милосердие не применялись. Правители и старейшины, взяв за правило хищение и грабеж, убийство и арест, не делали различия между запретным и дозволенным».[1]

Почти все известные нам песни Саида — это его обращения к хану. Хан то чудится ашугу в страшном сказочном облике змея, купающегося в людской крови, то он видит его в живых чертах «чужака», притеснителя, глухого к нуждам народа. Каждое слово Саида, обращенное к хану, пропитано жгучей ненавистью. Самые страшные проклятия из сложенных народом отбирает он, чтобы бросить в лицо Мурсалу.

---

[1] Гасан Алкадари. Книга Асари — Дагестан. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 46, Махачкала, 1929, стр. 155—156.

Смелость его обличительного языка для своего времени неслыханна, необычайна.

Песни Саида сложены в форме, называемой «гошма». Эта форма известна в Азербайджане и во всем южном Дагестане. Считают, что в лезгинский стих из азербайджанского ее ввел именно Саид, развив и приспособив к родной речи. Три первые строки в «гошма» рифмуются между собой, четвертая — имеет сквозную для всего стихотворения предрефренную рифму и рифму-повтор:

О кровавый хан Сурхай!
Как ни буйствуй, ни карай —
Ропщет разоренный край.
Жди расплаты, черный ворон! [1]

Рефрену Саид придает разящую силу, делает его самой резкой нотой всего стихотворения. Именно так звучит, повторяясь каждый раз с новой интонацией, обращение к Мурсалу — «черный ворон» в песне «О гроза!», откуда взято приведенное четверостишие.

Краски стихов Саида мрачны и скупы. То тут, то там вспыхнет в строке слово «кровь». «Халат мой белый шерстяной от крови ал», «струится кровь», «кровавый хан»... Свет черен для лишенных зрения глаз поэта, беспросветна жизнь. «Звезды, очи и сердца гасит мертвый мрак», «свет, где тьма, где правды нет». Или — опять о хане: «черный враг», «зловещи и черны твои дела...» Образы сумрака, черноты, тьмы очень часты у Саида.

Мир темен еще и потому, что ашуг не знает, как его изменить. Ограниченный воззрениями и верованиями своей эпохи, своего класса, Саид не видит еще и не может видеть путей освобождения от давящего, страшного гнета. Поэт лишь негодует: «Терпеть нам это все до коих пор? Когда, скажите, грянет час расплаты?»; предрекая тирану народную кару, взывает к помощи неба: «Аллах, когда ты скосишь палача? Тот долгожданный час увижу ль я?» Но взрывчатая ненависть и яростный протест, живущие в его песне, разжигают в душах угнетенных лезгинских крестьян волю к борьбе, мечту о свободе. Саид бесстрашно утверждает, что и простой труженик — человек, достойный света и радости, что и на всевластного хана есть карающая рука. Поэзия Саида — первая зарница в глухой ночи, ранняя предвестница будущих очистительных гроз.

---

[1] Здесь и далее переводчик будет указываться лишь в том случае, если цитируемое стихотворение не вошло в настоящее издание.

3

Не прошло и двух десятилетий после смерти Саида из Кочхюра, как в маленьком Муслим-ауле в Кумыкии родился новый дагестанский поэт, которому суждено было обогатить свой народ песнями необычайной красоты и силы. Это — Ирчи Казак, сын землепашца, сам крестьянин, до дна испивший чашу жизненных бед.

Творчество Казака многим обязано устной поэзии кумыков. Его песни в свою очередь вошли в фольклор. Будучи грамотным, он все же чаще пел, чем писал. Его стихи звучали из уст. Имя Ирчи, данное ему народом, значит «певец».

Исследователь творчества Казака, кумыкский критик Камиль Султанов делится своими наблюдениями о том, почему «порою бывает очень трудно установить, что принадлежит Ирчи Казаку и что — фольклору». «Казак — собственное имя, — пишет Султанов. — Но в глубокой древности у кумыков казаками назывались также дружинники феодалов, их вооруженные всадники. Судя по песням, эти всадники не всегда были послушным орудием в руках феодалов. В песнях казак нередко противопоставляется тому феодалу, у которого он находился на службе. В дни сражений со своими врагами феодал нуждался в сильных, храбрых людях, которых он вооружал. После битвы он изменял свое отношение к ним. А эти гордые и вольнолюбивые люди из народа не могли примириться с таким унизительным отношением и вступали в конфликт со своим феодалом, которого они выручали в тяжелые для него дни. Они уходили от него и мстили ему. Таков сюжетный стержень кумыкских народных песен из цикла «Къазакъ йирлар». Песня прославляет неимущих храбрецов, позорит богатых трусов. В этих песнях казак иногда выступает и в качестве певца, поет о своих страданиях и обидах...

Случилось так, что собственное имя — Казак — совпало с названием этих песен. Поскольку поэзия Ирчи Казака своими корнями уходит в народное творчество и при его жизни песни его не записывались, произошло смешение стихов знаменитого певца с народными песнями».[1]

Однако усилиями дагестанских писателей и ученых ныне выявлены песни, принадлежавшие подлинно Казаку. В текст некоторых поэт, кстати сказать, вплетал свое имя — своеобразная подпись, свойственная поэзии Востока, и устной и письменной. Отличают

---

[1] Камиль Султанов. Поэты Дагестана. Махачкала, 1959, стр. 3—4.

стихи Казака не только по содержанию, но и по необыкновенной красоте языка, смелости аллитераций, оригинальности рифмы, — в фольклорных произведениях она часто едва намечена, у Казака же доведена до совершенства.

Дерт гетерми тююн таймай юрекден,
Шынжырли бутьав таймай билекден?
Шынжыры шылбыр-шек-шегине матайлар,
Гюнлери гюмез, жумасы йылдан оьте айлар? [1]

По одной звукописи этих «бейтов» — двустиший, не говоря уже об их смысле, каждый кумык, даже неискушенный в поэзии, скажет, что принадлежат они Казаку.

Молодость поэта прошла в труде на чужих землях. Подневольный, нерадостный труд батрака он первым в кумыкской поэзии взял темой для песни и показал его во всей реальности:

Чужую землю пашем на равнине,
Чтобы арбузы выросли и дыни.
Мы страстно жаждем тихих дней, без ветра.
О, если б солнце глянуло отныне!..

«Эй, эй», — кричим, но плуг волы не тянут,
Трава цветет, а на нее не глянут.
Мученья мы неслыханные терпим.
О, скоро ли нас мучить перестанут?

Многие песни Казак посвящает размышлениям о достоинстве и чести. Униженность, бесправие, бессилие бедняка, «низкорожденного» — перед знатью гнетет его. Песни рано принесли ему славу и почет. Сам шамхал — всесильный кумыкский владетель — приближает его к себе. Можно было бы успокоиться, довольствуясь этим возвышением. Но, кажется, именно став ближе ко двору, Казак особенно ясно увидел, как низок и бесчеловечен шамхал, как бесчестна, ничтожна, труслива окружающая его знать, для которой батраки гнут спины на пашне. Вынужденный по обычаю

[1] Перевод дает некоторое представление о звукописи Казака:

Годы заточенья с каторжной похлебкой,
Кандалы со звоном, с крепкою заклепкой.
Месяцы дороги, полные скорбей,
Наши руки, ноги пухли от цепей.

оказывать шамхалу и его окружению видимый почет, Казак внутренне не может примириться с освященной веками покорностью, с молчаливым пресмыкательством перед феодалом. Он воспитывает в приниженном бедняке чувство собственного достоинства:

Словно скакун, по вершинам летящий,
Словно клинок, беспощадно разящий,
Если живет в тебе дух настоящий,
Гордым и сильным должен ты быть!

В своих стихах Казак часто говорит о «высокородных» без должного почтения, хотя, как певцу шамхала, ему приходилось петь и песни, прославляющие знать. Его шуточный «Рассказ про ежа», воровавшего чужие дыни, высмеивает «знатнейших по крови» и очень напоминает устные басни, бытующие у всех народов Дагестана. Под звериными масками, действующими в этих баснях, можно легко угадать живых персонажей человеческого общества.

Так же как и безымянные творцы «казацких песен», поэт «прославляет неимущих храбрецов, позорит богатых трусов». Только горечь и гнев его песен глубже, безысходнее. Времена изменились. Бунтарю-храбрецу теперь никуда не уйти, не скрыться от феодала. «Пустых», свободных земель уже нет. Все меньше возможность славой, завоеванной на поле битвы, добыть свободу. Еще в 1776 году шамхал присягнул на верность русскому царю. На родовых шамхальских землях возникают русские крепости и города: Темир-Хан-Шура, Хасав-Юрт. При поддержке самодержавия кумыкские ханы еще крепче зажали в кулак своих подданных. Мечта о свободе, воплощенная в «казацких песнях», еще продолжает жить, но само слово «казак» во времена поэта приобретает иной смысл. Оно означает теперь «бедняк», «батрак».

Конец 50-х годов принес Казаку страшные несчастья — он был сослан в Сибирь. Настроения Казака сложны, противоречивы. То он с отвращением говорит: «Мне у ханов прощенья просить неохота», то надеется смягчить шамхала покорностью. Смирив гордыню, Казак обращается с просьбами о заступничестве к жене шамхала, княгине Райханат. Он умоляет властителя:

Пусть навек позабудется старое зло!
Станьте добрыми, ханы, скажите нам слово,
Вы сильнее и краше коня вороного,
Словно синие своды небес, вы сильны, —
Неужель мы былой не искупим вины!

Все было тщетно. Казак убедился, что милости ждать неоткуда. Он укрепился в намерении быть твердым, стойкостью победить «палача-супостата».

Семь месяцев пути в кандалах. Осужденных гнали по этапу... Трудно сказать, какими местами шел Казак на каторгу, где формировалась его партия ссыльных. Он бегло упоминает в стихах Москву, Минск — все это чужое, непонятное ему: земля, люди, язык. Гордый, сдержанный, терпеливый — истинный горец, он страдает от унижений, от издевательств конвойных, непривычных морозов, валящей с ног усталости. Его гнетет необходимость молчать и покоряться: «Мы познали тюрьму, скорбь и стыд непрестанный, а тюремщики кличут нас так: аристаны.. »

Патетические, написанные «пером тоски и муки» стихи «Как я мог предвидеть коварство хана», «Осень голубая, как марал», знаменитое «Письмо из Сибири», созданные в годы ссылки, дают право говорить о том, что в тяжкую пору испытаний поэт стал мудрее и человечнее, научился яснее разбираться в причинах народных бед. Братским состраданием проникнуты его слова о товарищах-узниках, русских людях, людях разных языков:

Много здесь бедняков, здесь невольников много,
Их печаль бесконечна, их доля сурова...

Казак увидел, что насилие и зло царят во всей Российской империи, что не только на его родине принижен страдающий труженик. Жизнь повсюду одинаково беспощадна к бедному, «низкорожденному». Пожалуй, впервые поэт так отчетливо ощутил себя одним из многих.

Я и я, я и я, — все такие, как я,
Для меня, для тебя здесь одна колея.
Этот мир — солончак, мы звеним кандалами,
И таких же, как мы, поведут вслед за нами.
А когда не погонят таких же, как мы,
День их будет как ночь — и темнее тюрьмы.

До таких вершин социального прозрения в старой кумыкской поэзии не поднялся никто, кроме Казака. Талант его, словно сталь в закалке, окреп в испытаниях. Лучших стихов он уже не создаст. Все, что написано им в ссылке, бесконечно разнообразно по сложности чувства, отличается особенной приподнятостью поэтического языка, смелостью и новизной образов.

Казак вернулся на родину около 1861 года: время крестьянской реформы в России, ломка старого, рост новой силы — пролетариата, время первых признаков проникновения капитализма на Кавказ. К той поре Дагестан как область вошел в состав Российского государства. Власть шамхала над кумыкским крестьянством по-прежнему остается неограниченной (даже после того, как титул его был упразднен), однако укрепляется и новая власть: всюду хозяйничают русские военные и чиновники.

Ему ничего не простили — он в опале. Поэту претит торгашеский дух, жажда наживы, отравляющая народ. Близкая к Каспийскому морю Кумыкская плоскость первой была втянута в орбиту капиталистического развития. Господин Купон уже примеривался, как бы половчее перерядить гордого горца в костюм европейского лакея. Стяжательство растлевает человеческие души. Рушатся вековые понятия о чести, морали, достоинстве, певцом которых был Казак. Не честь и не боевая доблесть героя, а деньги, богатство приносят человеку почет в этом новом складывающемся обществе. Новое поразило Казака еще и тем, что бедняку ничуть не стало легче — труженик так же бесправен, как и при старых порядках.

Немногие последние стихи Казака, дошедшие до нас: «Иные времена», «Письмо Магомед-Эфенди Османову», созданное поэтом в 1872 году, незадолго до смерти, — полны горького сарказма, сетований, осуждения «проходимцев», «загребающих поживу», «торговцев, обманщиков». Казак изменяет своим высоким патетическим интонациям. Эти стихи сатиричны, образы их будничны.

Бедняков обдирают мошенник и плут,
Клячу жалкую за скакуна выдают,
За копейку родного отца продают,
Ложь и подлость кругом, Магомед-Эфенди..

Люди низкими стали, душою кривят,
Друга друг предает, сын — отца, брата — брат,
Всюду злоба, доносы, наветы, разврат,
Всё пошло кверху дном, Магомед-Эфенди.

«Иные времена» — иные темы, иные герои. Поэт далеко ушел от своих ранних стихов, близких к «казацким песням». Несколько позже его критику капиталистического строя подхватит М.-Э. Османов, к которому обращены приведенные строки.

Казак умер на рубеже двух эпох. Понимание общерусской

действительности было у него, в силу вполне понятных исторических и личных причин, ограниченным. Вряд ли он слышал что-либо о волне революционно-демократического движения 60-х годов. Не было ему, вероятно, известно и то, что почти в одно время с ним изведал судьбу каторжника гениальный русский писатель, создавший затем свои «Записки из мертвого дома»... И что два-три года спустя, когда он, Казак, затравленный, томился в Дагестане, самодержавием был угнан на каторгу великий сын русского народа Чернышевский... Но и певец Казак не остался обделенным «царской милостью»...

Познав все тяготы феодального угнетения и всем своим творчеством восстав против него, Казак не принял нового, нарождающегося в горах капиталистического уклада, не нашел в нем ничего положительного. Поэту оказались открыты лишь самые отвратительные его черты: стяжательство, продажность, обман. Судьба Ирчи Казака была трудной судьбой бунтаря. Творчество — песней протеста против угнетения горской крестьянской бедноты. Никто в дагестанской поэзии XIX века не воплотил так вдохновенно, ярко мечту трудового человека о справедливости, жажду равенства и свободы.

4

У лезгин в XIX веке на смену трагической грозной поэзии Саида Кочхюрского приходит светлая и скорбная песня Етима Эмина. Эмин живет и пишет в одно время с Ирчи Казаком. Жизнь, естественно, дает им общие темы, будит сходные мысли. Но характеры их дарований, эмоциональная окраска их творчества ни в чем не схожи.

Принимая, так же как и Казак, все муки и беды народа, Эмин не суров, скорбь его мягче, лиричнее. Он полон участливого внимания к крестьянским будням со всеми их тяготами, любит шутку, умеет ценить и воспевать скромные радости жизни, которых на его долю выпало, увы, так мало. Начал Етим Эмин с любовной лирики и во многом в этих первых своих стихах был традиционен. По канонам старой поэтики восхваляет он красоту. Его метафоры, несколько книжные, навеяны классической поэзией Востока, особенно Азербайджана, страны-соседа. Старую восточную поэзию он хорошо знал и одним из первых дагестанских поэтов ввел в поэтический обиход народа образы «Лейлы и Меджнуна».

Любимая в стихах Эмина — «джейран», «райский цветок» или «ключ рая», стан ее он сравнивает с «чинарой», лоб с «белым мра-

мором»... Не столь уж свежи и сравнения, найденные им для описания любви: «пылающий огонь» или «неизлечимый недуг»... Однако, плененный этой привычной образностью, он вкладывает в нее нечто свое, новое для лезгинской поэзии. Ново отношение Етима Эмина к любви и любимой. Любовь он превозносит как чувство, взывающее к долгу и чести, возвышающее человека. В стихотворении «Что к чему подходит» он соколу «отдает» полет, старикам — свет мудрости, а любви — «безмерный срок и верности залог»...

Етим Эмин отзывчив и внимателен к любимой, он называет ее «сестрой мечты», просит «без страха» открыть перед ним свои мысли.

В стихах Эмина о женщине нет ничего унижающего ее. Они благородны, человечны. Эмин пристально вглядывается в женские характеры и судьбы. Не надо искать у него прямого протеста против бесправия женщины. Этого нет. И все же вряд ли в лезгинской поэзии даже сегодня найдется другой поэт, создавший такое богатство прелестных женских портретов, как он. Счастливая красавица с добрым сердцем и девушка, мучающая любимого своими прихотями; верная возлюбленная и возлюбленная-ветреница; любимая покинутая и любимая, отданная другому... Для каждого образа Эмин находит какую-то живую черточку. Он пытается проникнуть в духовный мир женщины и понять его, а это уже очень много. Сын своего века, Эмин не восстает против религии и ее канонов. Он просто с хитрой усмешкой описывает «рай» двоеженца, и говорит здесь уже не высоким условным, а богатым в своей простоте, живым языком народа:

Две жены — это тысячи тысяч ссор,
Две жены — это драка, война, раздор.
Если женщина с женщиной вступит в спор —
Им без сабель на той войне хорошо.

Любовная лирика Эмина тесно смыкается с жанровой. Непринужденно чередует он радость и печаль, смех и слезы, патетическое и бытовое. Это разнообразие интонаций и оттенков в стихах — его поэтическое открытие, черта творчества, присущая у лезгин ему первому.

Етим Эмин — человек образованный, писавший на трех языках; но по образу жизни и мышления поэт «простонароден». На действительность он смотрит глазами крестьянина и слагает песни, посвященные делам, заботам и радостям бедняка. Будничность

этих стихов особая, жизнерадостная, искрящаяся затаенной, чуть иронической усмешкой. В них нет ничего книжного, заимствованного. Они также открытие Эмина. Эмин показал своим землякам, что не существует для поэзии низких тем, что предметом песни может быть всякая малость, ибо и в ней частица жизни.

Эмин не только принес в родную поэзию новое содержание. Годы поэтического труда сделали его блестящим виртуозом формы. Ему многим обязано лезгинское стихосложение, он разрабатывает и совершенствует форму «гошма»,[1] внесенную в лезгинскую поэзию, как уже говорилось, Саидом Кочхюрским; разнообразит ритм и строку, совершенствует форму. Он применяет свободные широкие размеры: шестнадцати-, одиннадцати- и десятисложную строку, а также размеры краткие, стремительные — четырех- и пятисложные. Вот образец его краткой строки, показывающий, кстати, и богатство его рифмовки. Рядом перевод, почти буквально передающий звучание подлинника.

Гуьзел Тамум, Ая фагьум Зи ччанда гум Кьекьвезава!	Мутится ум От черных дум, В душе огонь — Пойми, Тамум!

От лирики любовной, и не отказываясь от нее, Эмин в зрелую пору своего творчества пришел к стихам гражданского звучания — обличительным, философским.

Предсмертные стихи Эмина — вопль гнева и тоски, крик о помощи. Но в них и мысль о грядущем, пробивающаяся сквозь отчаяние, надежда на новую силу, силу единения угнетенных:

Но дружба есть! В согласии желанном
Пастух, чабан стоят единым станом, —
И жизнь уже не кажется обманом,
Не застлан день туманом в этом мире...

---

[1] Следует отметить, что стихи, написанные строфой «гошма», есть у Ирчи Казака. Поэзия народов Дагестана развивалась в общении и взаимосвязях. Действовали и общие связи с соседями. Азербайджанские мотивы проникали непосредственно (их приносили отходники, побывавшие в Баку, Шемахе, Кубе) и через книгу. Казак еще до ссылки мог быть знаком со сборником произведений Вагифа. Впервые, собранные Мирза Юсуфом Карабаги Нероесовым, они были изданы в 1856 году в Темир-Хан-Шуре. Мог читать их и Эмин.

Мы не знаем еще поэзии Етима Эмина во всей ее полноте, но и сейчас мы можем сказать: таких строк нет ни у его предшественника Саида Кочхюрского, ни у его современника — Ирчи Казака.

Эмин облагородил чувства своего народа, расширил его мышление. «Эминовский» язык считается классическим у лезгин по ясности и богатству. А ведь ученые современники, и в первую очередь поэты-мистики, черпавшие вдохновение не из живой действительности, а из бездн религиозной схоластики, должно быть, считали Эмина поэтом грубым и пустым, мужицким и крамольным. Невзирая на силу, блеск и певучесть его стиха, поэта и принимать во внимание не желали. А того вернее — боялись! Случайно ли имя Етима Эмина — «Сироты», чьи песни запомнило и свято из поколения в поколение хранило крестьянство, — не упомянуто в длинном перечне лезгинских поэтов и ученых, составленном уже упоминавшимся историком Г. Алкадари? Они ведь современники, Эмин и Алкадари, и оба — поэты... Многие из писателей, упомянутых в списке Г. Алкадари, ныне начисто забыты. Етиму Эмину народ дал имя основоположника лезгинской литературы.

5

Даргинец Батырай Омар Оглы — поэт замечательнейшего своеобразия и таланта. Он один из самых известных и любимых дагестанских лириков прошлого. А между тем и его жизнь не изучена, да и творчество собрано не полностью. Совсем недавно газета «Дагестанская правда» сообщала о находках экспедиции студентов-филологов. Среди их записей были новые, ранее неизвестные песни поэта.

Критика пыталась в свое время представить Батырая каким-то отщепенцем, оторвавшимся от своей среды и чуждым ей. В качестве доказательства при этом проводилась параллель между Батыраем и великим поэтом французского средневековья Франсуа Вийоном. Верно ли такое сопоставление и объясняет ли оно что-нибудь? Нет, конечно, и оно давно отвергнуто. Жизнерадостный охотник до рискованных приключений и бесшабашный весельчак, Батырай — кровное дитя своей крестьянской среды. Он неразрывно сросся с жизнью земли, с бытом даргинского аула, хотя и тяготился ограниченностью, замкнутостью этой жизни, хоть и бунтовал против нее.

Понятие «мир» — общество, которое так часто в стихах Эмина, живет и в песнях Батырая, только он говорит «свет».

Будь неладен этот свет...
Что за подлая пора!
Сокол дохнет на руке,
Мясо ж вороны едят.
Да померкнет этот свет...
Что за подлая пора!
Конь у стойла позабыт,
А ячмень ослам дают.

Батырай лишь на год младше Казака. Он на семь лет старше Эмина. Но жил он гораздо дольше своих прославленных современников. На склоне лет, к концу XIX столетия, когда талант его достиг высот расцвета, Батырай, не осознавая, вероятно, до конца того, что происходит, видел внедрение и упрочение нового уклада — капитализма, шагнувшего с равнин в горы. Он, кстати, первый из горских поэтов упомянул в песне дельца новой складки, «арендатора», а купец, торгующий за прилавком и берущий в обмен за товар «белые деньги», фигура не редкая в его поэзии.

«Свет», в котором живет Батырай, приволье для торгашей и стяжателей, некогда так яростно проклятых Ирчи Казаком. Новые отношения утвердились. Богач теперь важное лицо в ауле. Хоть и не родовит, да богат слабоумный Минатла-Баганд из песни Батырая, и прославленный поэт вынужден кланяться ему. Теперь право и сила не только на стороне родовитости, но и на стороне богатства. Труженику, «бесталанному сироте», по меткому слову Батырая, нечего надеяться «найти в суде отца». Крестьян преследует и гнетет вечная нехватка хлеба. Сам о себе Батырай иронически говорит, что он «тонок, как слюда», похож на «долинную лису», от голода грызущую собственное тощее тело.

Видя всю неустроенность и застарелую несправедливость жизни, Батырай не может молчать. Он еще не знает, что надо делать, как надо бороться. Но он протестует песней. Убийственно язвительные характеристики дает он чванливым и жадным старшинам. Горечи полна его песня о герое, который посмел восстать против царских законов. Жизнь трагически коротка для героя в этом враждебном всему доброму, честному обществе:

...Кремневку точит ржа,
Конь хороший в западне.

А прославленный храбрец
Сослан в царскую Сибирь.

Певцу такого страстного творческого напряжения, каким был Батырай, нужен выход из душного, тесного круга повседневной жизни с ее мелкими интересами, большими горестями и редкими радостями. Батырай нашел выход в двух излюбленных бессмертных темах всякой истинно народной поэзии — темах героики и любви.

Цикл песен о герое, созданный поэтом, относится к числу лучших образцов этого жанра в дагестанской поэзии. Все достойное похвалы, что видел Батырай в своем народе, что ценил и любил в нем: смелость его, прямоту, независимость, честность в дружбе, непримиримость к врагу, сочувствие к угнетенным и презрение к угнетателям, чувство долга перед родиной и гордое равнодушие к смерти, — все это воплотил он в образе безымянного народного героя, всеми этими качествами наделил храбреца своих песен.

Это любимое его создание:

Ой храбрец мой дорогой,
Златоглавый мой храбрец,
Ой храбрец, проворный друг,
Синей ласточки быстрей!
Сколько б песен я ни спел —
Песни храброму пою:
Ибо, где случится, он
Против ста пойдет один.

Герой Батырая — друг всех отважных, гроза для всех трусливых, дрожащих, словно от бури, при встрече с ним; в тени его оружия укрывается целое войско, и грудь его коня служит надежной защитой целому каравану.

Батыраю было около тридцати лет, когда сдался в плен Шамиль. Он свидетель кавказской войны и современник прославленных воинов имама, героически сражавшихся против царизма. Да что говорить о далекой эпохе Шамиля! Батырай несомненно знавал (а может быть, и пел для них) всадников Дагестанского конного полка. Вооруженные не мечами и даже не кремневками, а вполне современными ружьями и пушками, они участвовали в турецкой войне 1877—1878 годов и в других военных действиях. Но напрасно мы будем искать в героическом цикле поэта подлинные житейские черты горского воина, подлинные имена, как например у аварца Магомед-Бега. Не похож герой Батырая и

на джигита, воспетого Ирчи Казаком, — этого рыцарски благородного смельчака, наделенного реальными крестьянскими чертами.

Всем строем метафор и сравнений, всеми поэтическими приемами героический цикл Батырая, фантастически отразивший боевую историю гор, вырос на почве народного сказочного эпоса. В нем вековые героические традиции и воинский дух народа преломились совершенно своеобразно.

Храбрец Батырая рожден в кованной из серебра броне, и первая игрушка его — меч, положенный отцом в колыбель для забав дитяти. Блеск его доспехов затмевает сияние луны, одет он в золото, дом его устлан драгоценными коврами. Так же великолепен и верный друг героя — быстроногий конь. Подкованный чистым серебром, он догоняет сокола на лету и на скаку сокрушает горы.

Ты руками в плен берешь
Волчьи стаи на степях,
Ловишь сокола конем
На подъемах Эндери.

Коль в пути застанет ночь —
Вся земля тебе постель,
Одеяло — небеса —
Серебром расшитый шелк.

Героическое всегда влечет к себе людей, в какой бы неожиданной, далекой от современного восприятия форме оно ни проявлялось. И, вероятно, поэтому нам не кажется ни смешным, ни наивным богатырь-храбрец Батырая, скачущий на врага, держа за гриву чудище-дракона, хватающий змею вместо плети в пылу боевой схватки.

Нечто от чудесной сказки, с ее яркими, щедрыми образами, смелой гиперболой, непринужденной манерой обобщения, лежит в каждой из этих маленьких песен, через край насыщенных блестящей могучей фантазией. Здесь Батырай неповторим. Подобий его героическому циклу в горской лирике XIX столетия нет.

Не менее высок Батырай и как поэт любви. О нем бытует в народе легенда, утверждающая, что ему запрещали петь в присутствии женщин. Женщины «теряли разум», услышав его голос... Бесспорно, за давностью времени события в легенде сместились. Явление общественного порядка, когда власти налагали на певца запрет за его крамольные песни, стало объясняться силой личного его обаяния.

Сам о себе Батырай шутливо говорит в одной из песен:

Хоть совсем невинен я,
Точно книжное письмо, —
Почему ж я матерям
Красных девушек не люб?
Хоть безгрешен я совсем,
Точно ангел в небесах,
Что ж косятся на меня
Жен красивейших мужья?

Любовные песни Батырая замечательны высокогуманным отношением к женщине. Как и у Етима Эмина, женщина у него достойна лучших человеческих чувств. Только он говорит об этом смелее, горячее, громче. Не мудрено поэтому, что его любовные песни являлись своеобразным вызовом обществу, что на вольнодумца-поэта косились ревнители адата, «жен красивейших мужья» и старухи — матери красных девушек.

Почти всегда в его поэзии, как и в жизни, на пути любящих сердец стоит преграда. То это горные хребты, разделяющие их, то людские пересуды и сплетни соседей, подобно «солдатам на часах» стоящие вокруг любящих, то это страшное бесправие девушки, не смеющей поднять краешек платка, низко надвинутого на глаза по адату, то корыстолюбие или чванство родителей возлюбленной... Даже сама любовь не приносит людям радости в том безрадостном, тесном мире, в котором жил Батырай. Даже любовь там бывает жестока, словно «волк к уворованной овце», страсть беспощадна, «как к закованному в цепь горцу в каторжной тюрьме беспощаден белый царь».

Люди стремятся уйти от любви, избегнуть ее. Многие любовные песни Батырая полны этим томлением:

Не хочу твоей любви —
Сердцу скорбь она сулит, —
Даже если бы ко мне
В знойный день она пришла
В виде родника со льдом;
Гнет любовь к земле людей,
Как траву весной гроза.

И все же, убегая от любви и страшась ее, Батырай снова и снова возвращается к ней, и она вдохновляет его на лучшие создания.

Прелесть поэзии Батырая в капризных, грациозных, всегда до дерзости смелых сравнениях и метафорах.

Образы его нередко странно и непривычно звучат в переводе. Кому из русских или европейских поэтов пришло бы в голову сравнивать стан любимой с телеграфным столбом, а глаза ее с фарфоровыми стаканчиками телеграфа? (Такое сравнение могло бы быть лишь пародийным.) А Батырай сравнивает:

Телеграфный столб в пути —
Гордо поднятый твой стан.
Ослепительны глаза,
Как фарфоровый стакан.
Брови — точно в два ряда
Вдоль стаканов провода!

Нужно захотеть и суметь войти в образный мир Батырая и посмотреть на предметы его восхищенными глазами. Для него телеграф — чудо, явление непонятное, таинственное, необычайное. Это то доброе, новое, что шло в горы от России, от русского народа, это удивительно, а значит — достойно песни![1] И песня возникает, и она так хороша, что диву даешься, услышав ее впервые, и уже забываешь о том, что это, может быть, странно, может быть, даже непоэтично с общепринятой точки зрения.

Стилистические особенности поэзии Батырая чрезвычайно разнообразны. Он любит живую речь с пожеланиями и проклятиями, вопросами и сетованиями, нежным или гневным обращением. Все его песни — это непринужденная беседа лицом к лицу со слушателями или взволнованное размышление вслух наедине с самим

---

[1] Свидетельство того, как потрясал телеграф воображение горца, можно найти в хронике дагестанского историка Мухаммеда Тахира ал-Карахи «Блеск дагестанских шашек в некоторых шамилевских битвах». Рассказывая об отъезде Шамиля в 1869 году в Мекку, Мухаммед Тахир пишет: «Он отправил сообщение об этом из Анапы по протянутой нитке, называемой — телеграф. Сообщение достигло Темир-Хан-Шуры через 4 примерно часа после полудня того же дня. И, хвала Аллаху, заставляющему трудиться тварь для твари. Посмотри, что из двух вещей наиболее удивительно? Доставка ли сообщения из Анапы в Темир-Хан-Шуру в течение примерно 2 часов пути, а пути между этими двумя городами около 2 месяцев ходу торгового (каравана), или же посылка царем Шамиля таким образом в Хадж?» *(Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи о дагестанских войнах в период Шамиля. Изд. Академии наук СССР, М. — Л., 1941, стр. 304—305.)*

собой. Он слагал стихи экспромтом, на пирушках, в кругу друзей, среди народа, под звуки излюбленного — «с перламутровой резьбой» — чунгура. Батырай певец-импровизатор в самом точном смысле слова. Он много разъезжал по соседним аулам, охотно вступал в поэтические состязания с прославленными певцами, и известен лишь один случай, когда он оказался побежденным в таком песенном споре (кубачинцем Ахмедом Мунги, о котором будет сказано далее). Очень часто поводом для песни Батыраю служило какое-нибудь определенное лицо. Таковы его обращение к богачу Бангуле или экспромт на рождение внучки. Современники его свидетельствуют, что он никогда дважды не повторял уже спетого.

Любимейший прием Батырая — иносказание, аллегория. Нигде, ни в одной любовной песне нет у него имени любимой. Даже само слово «любимая» поэт исключает из своих песен. Возлюбленная у него то «аравийский голубок», то «семицветный цветок», то даже «беззаботная пчела». Есть у него песни о лисе с красноватой спиной, о тонущем корабле, о драгоценной лозе, растущей в «государственном» саду, — все это песни о любимой.

Так же часта у Батырая образная параллель. Метафоры почти всегда идут в паре в его любовных песнях-миниатюрах. «Любовь — страсть», «коршун — змей», «лиса — пес», «сокол — лев», «золото — серебро» — параллелей этих множество, они весьма разнообразны у поэта. В постоянном виртуозном применении этого приема сказывается близость Батырая к народной песне даргинцев. В ней они привычны и узаконены.

Стихи Батырая за немногими исключениями очень кратки. Две-три, самое большее четыре строфы — вот их обычный размер. Строка чрезвычайно сжата и до краев наполнена контрастным содержанием, отсюда необычайная трудность перевода Батырая на русский язык. Мерный, однообразный ритм его песен, близкий к русскому семисложному хорею, в то же время весьма гибок, подвижен, изменчив, а кажущаяся простота формы делает эту трудность еще большей.

В близости Батырая к родной природе — великое и положительное отличие творчества неграмотного народного певца от письменной поэзии классовых горских верхов. Она брала свое начало в религиозной литературе и была полна реакционных понятий, мистических образов и формул.

Батырай совершенно равнодушен к религии, игравшей такую огромную роль в жизни его эпохи. Песни его свободны от образов, навеянных исламом. Лишь в очень редких случаях поэт ис-

пользует понятия религиозного обихода, да и то иронически переосмысливая и преломляя их:

Чтоб в глазах твоих читать,
Разве ты святой Коран? —

обращается поэт к любимой. Или же, шутливо восхваляя ее мудрость, просит:

Ты со всяким говоришь,
Точно кадий. Может быть,
Для твоих учеников
Я гожусь в учителя?

В этом равнодушии к религии и даже некотором фрондировании Батырай близок к великому аварскому лирику Махмуду и невольно заставляет вспомнить о нем. Но Махмуд, новаторски разрушая традиционную поэтику и ее религиозное обрамление, все же с большим блеском использовал некоторые элементы этой поэтики. Батырай же опирался только на поэтику народную, с ее реалистичностью, непосредственностью, ясностью.

6

Современниками Батырая, хотя они и творили позже его, были певцы Ахмед Мунги и Сукур Курбан. Последний жил долго и застал гражданскую войну в Дагестане. Слепой певец ходил с поводырем с одной позиции на другую, вдохновляя партизан. Его основной жанр — героическая баллада, обычно разрабатывающая трагические сюжеты.

Ахмед Мунги, как уже говорилось, вступил однажды в песенное соревнование с Батыраем. Победил он прославленного поэта следующими, сложенными в его честь, строфами:

Звонкой песней зазвени,
Неизменный мой чунгур!
Нынче славить я хочу
Батырая от души.
Как целебная трава,
Как волшебное питье,
Песнь твоя живит людей,
Урахинский Батырай.

Горы в лад с тобой поют,
Море плещет им в ответ.
Бьются в лад сердца у нас,
Песням радуясь твоим.

Победителем Ахмед Мунги был признан за свою скромность и за то, что так хорошо сказал о любви кубачинцев к Батыраю.

По преданию, Батырай ответил ему такими стихами:

Говорят, мудрец Лукман
В море книги утопил...
Из неведомых глубин
Уж не ты ли их достал,
Мой собрат, Ахмед Мунги?
Песне радуюсь твоей![1]

Этим ответом Батырай отдавал должное уму и песенному дару Ахмеда Мунги. Ведь мудрец восточных преданий Лукман только потому и забросил в море книги, что в совершенстве овладел всей земной премудростью.

Ахмед Мунги слагал стихи на кубачинском языке (одно из наречий даргинского). Художник-ювелир, замечательный мастер, он внес в горскую лирику совершенно новые мотивы, воспел свой труд, сложное, тонкое ремесло златокузнеца. Его «Песня молодых кубачинцев» — ода любимому художеству:

Молоды у нас сердца,
И на весь прославлен свет
Почерк тонкого резца
Кубачинских мастеров!

Горская народная песня также нередко рассказывает о судьбе кустарей-мастеровых. Особенно богаты этими сюжетами лакцы. Но такую гордость и жизнеутверждение, как у Ахмеда Мунги, в безымянных песнях встретишь не часто.

Труд гравера, ювелира дал поэту многие образы его стихов. Ахмед Мунги сравнивает дарование певца с резцом. Он хотел бы, подобно резцу, который украшает серебро узорами, «счастьем

---

[1] Песни Ахмеда Мунги и Батырая перевел Магомед-Расул Ибрагимов.

украшать человеческую жизнь». С изящной чеканкой сравнивает он красоту девушки. Жалуясь, как и Батырай, на горести жизни, Ахмед Мунги для этих жалоб находит образы из своей любимой стихии:

Золото у одного,
Мастерская, мастера...
Я ж на медный перстенек
Блеск фальшивый навожу!

Для Ахмеда Мунги мир не замыкался пределами родных гор, как для многих его предшественников. Он пел о странствиях кубачинцев по дальним странам и городам... «Резцу» его принадлежит едва ли не первый в горской поэзии образ европейской женщины — «мадам», француженки, выдержанный в иронических тонах...

7

В плеяде дагестанских поэтов XIX века почетное место занимает группа поэтов-«просветителей». Это Гасан Алкадари, Магомед-Эфенди Османов, Юсуп Муркелинский, Гасан Гузунов, Манай Алибеков. Их деятельность падает на последнюю треть века. Объединяет их сравнительно высокий уровень образования (М.-Э. Османов, например, преподавал на Восточном факультете Петербургского университета), знание многих восточных языков (Муркелинский знал семь чужих языков, Алкадари — персидский и азербайджанский, Османов — татарский, азербайджанский и т. д.), кроме того, любой из них в совершенстве владел арабским, говорил и писал по-русски.

Общим был для них интерес к истории своего народа. М. Алибеков собирает кумыкский фольклор, пишет исследование о кумыкской свадьбе, адатах. Алкадари известен исторической хроникой «Асари — Дагестан» (на азербайджанском языке). Перу Османова принадлежит «Сборник ногайских и кумыкских народных песен».

Много сил отдали «просветители» и организации школ для бедных, музеев. Муркелинский, например, будучи во Владикавказе кадием мечети, создал примечетскую школу, где дети изучали русский язык, арифметику, арабский и другие предметы. Алкадари, вернувшись из ссылки, куда выслало его русское правительство, основал первую среди лезгин светскую школу, в которой сам преподавал философию, историю, физику.

Примечательна широта интересов этих людей. Гузунов изучал философию, природоведение, интересовался современными ему научными проблемами. Муркелинский глубоко знал восточную классику. Алкадари был знаком с астрономией, географией, геологией. Многосторонние знания характерны и для Османова.

«Просветители» писали о равенстве наций, о свободе вероисповедания, стремились к введению светского образования.

Они много путешествовали, видели иные края и, возвращаясь в Дагестан с его замкнутой жизнью, боролись против косности во всех ее проявлениях. Алкадари звал горцев «совершить поездки на пароходах и по железным дорогам». Общим было утверждение, что народ спит, что он должен пробудиться, прозреть и т. д. Поэты-«просветители» апеллируют к «разуму», смеются над родовыми предрассудками, называя их «товаром лежалым», над идеей знатности:

Князь — не муж, рожденный князем.
Муж, рожденный честным, — князь, —

писал М.-Э. Османов.

Горячие призывы к просвещению разбивались о трезвое сознание своего бессилия:

Но яркая роза, при всем своем великолепьи,
В цветник превратит ли глухие, бесплодные степи? —

сетовал Г. Алкадари.

Гасану Алкадари вторит в «Жалобе на жизнь» Ю. Муркелинский: он не верит в возможность переделать мир, он кончает стихи горьким признанием собственного своего несовершенства. Это понятно. Мало было тогда людей, подобных «просветителям», трудно было рассчитывать на просвещение народа, угнетенного царизмом, разорванного географически, этнографически, социально и духовно. И все же в конечном счете поэты-«просветители» сеяли добрые семена новой идеологии.

Они, как Г. Гузунов — резкой басней, как М.-Э. Османов — частушкой-«обличением», как М. Алибеков — «жалобами», напоминающими сегодняшнюю форму стихотворных фельетонов, разоблачали власть имущих: плутоватых дибиров, ханжей-кадиев, жестоких самодуров-ханов, царских чиновников-взяточников.

В поэзии «просветителей» XIX века нашел выражение процесс роста народного самосознания, исторического самоутверждения Дагестана. Разгром мюридизма, окончательно сорвавший шоры с ра-

зума, приобщил горцев к высокой и прогрессивной культуре России, к ее передовым общественным течениям, — вот из каких источников развивалась поэтическая и общекультурная деятельность поэтов-«просветителей».

Значение ее для развития дагестанской лирики трудно переоценить. Но с точки зрения художественных достоинств очень часто это еще были попытки влить новое вино в старые мехи, использовать арабистские формы для принципиально нового, прогрессивного содержания. На их стихе еще лежит сильный налет дидактики, нравоучительности, басенной морали.

Расцвет дагестанской лирики связан с именем аварского поэта Махму́да из аула Кахаб-Росо. Если сравнить дагестанскую поэзию с горной цепью, то Махмуд — ее высочайшая вершина. Однако к ней ведет ступенями еще ряд вершин...

Народный поэт Дагестана Гамзат Цадаса в своих воспоминаниях о Махмуде в числе его предшественников называет Эльдарилава и Чанку.

8

Эльдарилав из Ругуджи умер совсем молодым. Вероятно, ему не было и тридцати лет, когда на пиру из руки его выпал кубок с вином. Оно было отравлено. Есть разные версии о причине отравления Эльдарилава. Но ясно одно, что и его трагическая судьба — следствие того же социального неравенства, которое разбило в те времена не одно горячее сердце... Нам остались его лирические стихи: послания к любимой, его последняя песнь, которую он, по преданию, сложил, уже испытывая предсмертные муки.

Вижу мужество юного Эльдарилава.
Яд приняв, он хватает комуз и поет.
Он последнюю песнь, умирая со славой,
Посвящает тебе, непокорный народ, —

говорит Р. Гамзатов в поэме «Горянка».[1]

Стихотворение Эльдарилава «Сон» по тем временам неслыханно «фантастично»: отец сам приводит к бедняку свою богатую дочь в жены. Идея равенства людей уже ясно звучит в таких стихах поэта, как «Меседо»: «Из ниток простых и она точно так же, как смертные все, создана». Герой Эльдарилава «темный, без-

---

[1] Перевод Я. Козловского.

родный». Героиня говорит: «Поднимись, *кто б ты ни был,* ко мне на балкон...» Чем же победил красивую дочь богатея «безродный» горец? Любовью, силой страсти, верностью. Эльдарилав в этом стихотворении любопытно строит сюжет. Реплики девушки в диалоге, насыщенные сначала грубым поношением зарвавшегося бедняка, постепенно «теплеют», в них появляются сначала смущение, затем ряд уступок, а в конце пробуждается ответное чувство. Здесь уже — правда, пока несколько грубоватое — начало той диалектики чувства, которую разработает Махмуд.

В «Песне строителей дороги» Эльдарилава намечена и другая линия поисков горской лирики XIX века — ее крепнущая связь с реальной жизнью, освобождение от оков книжной схоластической поэзии арабистов. В песне дана зримая картина строительства. Мы, например, можем представить себе ширину дороги — требования технические: чтоб могли проехать рядом русская коляска и арба... Последнее звучит и иносказательно.

Эльдарилав сам был исполнителем своих песен. «Не красотой я был известен, — говорил он, — не обаянием знаменит. Знали меня по исполнению песен под бубен, по моему таланту слагать песни».[1]

В искренней поэзии Эльдарилава еще нет той свободы в выражении личного чувства, какая, получив разгон в стихах Чанки, в полный голос зазвучит у великого Махмуда. Но уже Эльдарилав посмел петь любовь открыто и, может быть впервые в аварской поэзии, бросил так дерзко вызов идее знатности рода, потому что видел в ней препятствие любви.

9

Это было в конце прошлого века. В аварском ауле Батлаиче, близ Хунзаха, появился новый мулла — Тажутдин. Он происходил из бедного рода, рано остался сиротой.

Тажутдин учил детей в низенькой конурке, которая сохранилась и по сей день. Рано проявившаяся тяга к творчеству, окружение (мать его была известной исполнительницей традиционных причитаний, брат и сестра — хорошие певцы), учеба у видных арабистов — все это подготовило поэта, по тем временам, превосходно. Псевдоним его — Чанка — значит «дитя неравного брака». Имя это связано с любовным посланием Тажутдина к красавице Гулишат,

---

[1] Подстрочный перевод.

дочери богатого человека из соседнего аула. Подпись под этим посланием стала впоследствии знаменитой.

Имя Чанки гремело в горах. Его стихи, образные, яркие, покоряли воображение горцев удачным сочетанием приемов арабской поэтики с безыскусной песней аварцев. Мастерство Чанки отточено. Многие его мотивы встретим мы в творчестве Махмуда. Это, а также тот факт, что Махмуд был муталимом Чанки, давало повод считать Чанку как поэта выше Махмуда. Это не так. Однако именно Чанка внес в аварскую поэзию многие образы реалистического плана. Чанка вышел за пределы романтических абстракций арабской поэзии. Мы найдем в его творчестве (здесь его роль подобна аналогичной роли Батырая в даргинской лирике) живые черты аульного быта, слова нового обихода («казна», «отставка», «пенсия»), пришедшие с русским проникновением в Дагестан, последовательную разработку нового круга параллельных сравнений:

Когда б за стройность награждал невест
Правитель, восседающий на троне,
Ты не один уже имела б крест,
Как самый храбрый в русском гарнизоне.

Когда б красою плеч определять
Царь степень чина повелел в указе
И стал в горах погоны нашивать,
Была бы ты сардаром на Кавказе...

Еще глухо, но прозвучат в стихах Чанки и намеки на социальное объяснение жизненных процессов. Он пишет стихи о земляке, погибшем в русско-японской войне. В устах муллы кощунственно вольное обращение с Кораном:

Хотела б я книжкой божественной стать,
Что издана в Мекке. Ведь мог бы тогда
Любимый меня на ладонях держать,
И я б никакого не знала стыда.

«Порой спотыкается даже святой», — говорит Чанка в одном из своих стихотворений.

Последние годы жизни Чанки — это тяжелый нравственный надлом, уход в религию. Умер он по дороге в Мекку, до этого эмигрировав в Турцию.

Дело, начатое Эльдарилавом и Чанкой, довел до конца Махмуд. Начало раскрепощения личности, первое — еще робкое — обращение к народному кругу образных представлений, которые мы наблюдаем у Чанки, в творчестве Махмуда получат полнозвучность и широту. Махмуд и тему свободной любви сумеет поднять как знамя борьбы с наследием феодально-исламской старины. Его разрыв с прошлым бесповоротен. Такого революционного заряда, такой убежденности и, главное, такой многосторонности выводов у Чанки мы еще не находим.

Чтобы лучше представить себе роль Махмуда в истории дагестанской поэзии, следует остановиться на проблеме любовной лирики, поскольку она, как мы видели, встала в центре творчества крупнейших горских певцов второй половины XIX века.

Кризис феодально-исламской идеологии, последовавший за крушением мюридизма, имел в горах значение своеобразного «ренессанса». Право на свободную любовь означало многое — освобождение от вековых предрассудков, бунт против религии, утверждение гуманизма.

Подвиг Махмуда станет понятным, если мы реально себе представим то время. Махмуд жил в обществе, религия и законы которого веками внедряли презрение к женщине, рассматривали ее как существо низшего порядка, бессловесную собственность мужчины. Кумыкский поэт Манай Алибеков записал в конце XIX столетия адаты своего народа. В его записях есть глава «Отношение жен к мужьям». Каково же было это отношение? «Жены не знали и не спрашивали, что делает муж, что он брал и что давал. Если даже они их спрашивали, то порядочные мужья отвечали: «Не в свое дело не вмешивайся». Порядочные жены делали все, что скажут мужья, и не разбираясь, правильно это или нет. Когда мужья уходили куда-нибудь, то жены не спали до их возвращения и не клали постель из опасения, что если придет с их мужьями кто, то придется им стыдиться перед ними. Были такие из мужей, которые давали развод своим женам за то, что застали их спящими. Порядочные жены не ели при мужьях и даже воды не пили на их глазах. Они не называли мужей по имени из уважения к ним. Родственникам своих мужей они давали особые почетные имена, не называя их настоящим именем. С отцами мужей они не говорили до смерти»[1]. Замужняя женщина не имела своей собствен-

[1] Манай Алибеков. Адаты кумыков. Дагестанский сборник, т. 3, Махачкала, 1927, стр. 100.

ности («Имущество жены хорошо в котле», — гласила пословица). Она не могла выступать свидетельницей в суде — присягу за нее приносил муж или брат. Таково было положение женщины в быту и в обществе. С теми или иными отклонениями оно всюду одинаково в старом Дагестане, да и за его пределами — в Чечне, Кабарде.

А вот взгляд на женщину. У Г. Алкадари читаем в «Асари — Дагестан»: «Вещи, считавшиеся среди дагестанского простонародья в прежнее время признаком счастья (удачи). 1-е. Достать себе Коран, написанный выдающимся почерком. 2-е. Красивая жена из числа двоюродных сестер. 3-е. Верховой жеребец из породы светло-серых лошадей».[1] Последовательность этого перечисления не требует объяснений. Женщина — вещь! Алкадари ссылается на «простонародье». Но Коран, переписанный рукой каллиграфа, или карабахский жеребец — приметы богатства, принадлежность аристократии. Алкадари судит с точки зрения общественной верхушки. Взгляд на женщину в трудовых низах был сложнее, ибо здесь женщина была не забавой и не прислужницей праздного мужчины, а помощницей, хозяйкой, опорой благосостояния семьи.

Отношение горца к женщине предопределялось религией, шариатом. Коран учил горца тому, что если мужчине «возвестят о рождении у него дочери, его лицо омрачается, и он словно задыхается от огорчения». Он разрешал имамам брать по девять законных жен, а остальным верующим — по четыре; благословлял выдавать замуж «малолетних», распоряжаться судьбой женщины не только деду ее или отцу, но и всему мужскому «восходящему колену».

Все предопределено Кораном. Только понятие «любовь» ни разу не встретится в нем, и нет этому слову толкования, хотя несколько глав («Корова», «Женщины», «Свет», «Развод») подробнейшим образом толкуют отношения мужчин к женщинам, положение женщины в обществе и семье. Коран говорит не о любви к женщине, а о «любви к такому удовольствию, как женщина», и ставит его в один ряд с «удовольствиями» от «драгоценных вещей из золота и серебра, а также коней, помеченных знаками».[2]

Горянка лишена была счастья выбора в любви. Если у нее не было отца или братьев, ей, для того чтобы выйти замуж, тре-

---

[1] Гасан Алкадари. Книга Асари — Дагестан. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 46, Махачкала, 1929, стр. 148.

[2] Коран в переводе с французского А. Николаева. Издание М. В. Клюкина, стр. 82, 256.

бовалось разрешение опекуна или, наконец, кадия того аула, в котором она жила. Ее умыкали, выменивали на коней, быков, оружие... Батырай сравнивает любимую со «златотканой парчой», которой торгуют купцы. Если же девушка, отчаявшись, убегала против воли отца или братьев с любимым из дому, бежавшую, как и ее избранника, родственники безнаказанно могли убить. Замужество для девушки означало не венец любви, а прощание с нею.

...Но вернемся к Махмуду.

Кавказским Блоком назвал Н. Тихонов знаменитого аварского лирика, жившего в начале нашего века и покорившего своими песнями о любви родные горы.

Махмуд для поэзии Дагестана был более, чем новатором. Он был богоборцем. Рабыня шариата и адатов, горянка в песнях Махмуда увидела себя романтически прекрасной и дерзко свободной. Аварский Петрарка через всю жизнь пронес образ своей Лауры. Имя ее Мариам. И назвал ее Махмуд так потому, что увидел однажды в темной божнице закарпатской хаты лик девы Марии... В ее образе ожили черты далекой возлюбленной Муи, разлученной с ним, сыном угольщика, теми законами гор, которые мало отличались от закона равнин: он был беден, она богата.

Махмуд, как и его наставник Чанка из Батлаича, у которого он научился мастерству поэзии, как и даргинский поэт Батырай, отразил в своем творчестве пробуждение личности после разгрома мюридизма. Замкнутой ограниченности горской жизни приходил конец. Махмуд опирался в своем творчестве на традиции горского фольклора с его стихийным материализмом.

Широкую известность получили «кощунственные» строки Махмуда, обращенные к Аллаху:

Райский сад не стану славить,
От него меня избавь.
Можешь рай себе оставить,
Мне любимую оставь.

Муллы и кадии в гневе прозвали Махмуда: «саяк», то есть бродяга, забулдыга. Легенда о Махмуде — ловеласе и бродяге — была распространенной и ошибочной. Даже причина смерти поэта (он был убит в 1919 году) имеет две разные версии: классовую расправу над ним и месть из ревности. Нет, мы не собираемся наделять Махмуда аскетическими чертами, это было бы вопиющей натяжкой, но есть основания полагать все же, что не было случайным сближение поэта с большевиками, как и ненависть

к нему Гоцинского — главы контрреволюции в Дагестане, впоследствии объявившего себя «имамом».

Прекрасные стихи Махмуда имели истоками своими народные песни. В них Махмуд находил прежде всего изумительные образцы жизнелюбия. Герой одной из горских песен, умирая, просит оставить щель в каменной нише его гробницы: он хочет слышать ржание своего коня и шорох шагов жены, когда она пойдет к роднику. Разве не похоже на эти строки махмудовское:

Ветер жизни тогда на могилы дохнул,
И вдыхали тот запах, знакомый и милый,
Опочившие души, покинув могилы.

Надо знать суровость ислама, чтобы оценить степень подобной вольности!

Но главная тема Махмуда — любовь к женщине. Любовь безрассудная, всевластная, презирающая феодальное мракобесие, откровенно чувственная.

Смотрю на тебя, перед чудом немея:
Весь мир, словно в зеркале, вижу в тебе я!

Если сравнение любимой с солнцем было не ново в аварской поэзии, то образ любимой: от нее, как от солнца, «забегали блики по стене, по дверям, осветив потолок», — явился уже смелой метафоризацией, нововведением Махмуда.

Гамзат Цадаса в своем исследовании, посвященном творчеству Махмуда, справедливо утверждал, что стихи его неверно выводить из арабской литературной школы. «Народная сила и природные способности» сделали Махмуда великим поэтом. Но, конечно, было бы другой крайностью полностью отрицать известное влияние восточной культуры стиха на образную ткань стихов Чанки, Махмуда, даже самого Гамзата Цадасы. Да и странно было бы думать, что насаждаемая с XVII века арабская письменность, переводная литература Востока, издавна известная грамотным аварцам, не оказала влияния на формы и образы дагестанской национальной поэзии. Тем более, что многие поэты были в юности муталимами-арабистами. Но, по наблюдению С. Липкина, — переводчика и толкователя Махмуда — даже в тех случаях, когда Махмуд использовал образы арабской поэзии, они под его пером волшебно превращались в образы дагестанские, «подобно тому

как, например, классические герои Расина, носившие греческие имена, оставались истыми французами».[1]

Книжная поэзия арабистов в лирике Махмуда, проникаясь народным мироощущением, видоизменялась по образу и подобию поэзии устной. Здесь Махмуд, вслед за Эльдарилавом и Чанкой, резко расходится с поэзией «просветителей», у которых законы метрики, традиционные приемы арабской классической поэзии чаще оставались каноническими.

Стихи Махмуда изящны, образны, исполнены страсти. В них, как и вообще в аварской поэзии, аллитерационные созвучия (заменяющие рифмы) располагаются обычно «змейкой»: конец первой строки — начало второй — середина третьей — конец четвертой. С. Липкину удалось в ряде мест достигнуть этого и в русском переводе. При этом переводчик избегает однообразия, варьируя (в соответствии с богатыми возможностями русского стиха) рифмы с внутренними созвучиями, например:

Тяжкий жребий *несу,* ночую в *лесу,* —
Не являюсь ли я любимой во сне?
Я в безлюдье живу, забыт для *земли,* —
То не твой ли *вдали* платок промелькнул?

Более известен другой перевод поэмы «Мариам», Э. Капиева, основанный на иных переводческих принципах. В переводе Э. Капиева не сохранен звуковой рисунок аварского стиха, но найденный русский эквивалент исполнен поэтичности и страсти.

«Мариам» вызвала неописуемый взрыв ненависти к Махмуду на его родине. Влиятельные люди, духовенство постарались сделать жизнь поэта невыносимой. Гнев этот понятен. Махмуд бросил вызов всему строю жизни, моральным устоям общества. Он дважды оскорбил ислам (восторженно сравнив женщину с христианской иконой и сорвав с любимой черный платок адатов). Непререкаемость царской власти и власти вообще ставилась под сомнение:

Что жизнь без любви? Кто не любит — сгорает,
Не стоит любви даже царская власть!

За образом женщины, протестующей против адатов, нельзя было не почувствовать бунта личности — протеста человека новой эпохи, идущей на смену средневековью.

---

[1] Махмуд из Кахаб-Росо. Песни любви, М., ГИХЛ, 1959, стр. 8.

Образ любимой у Махмуда в известной мере романтизирован. Но было бы ошибкой видеть в этом только дань кругу условностей восточного стиха. Под пером Махмуда романтизация образа героини предстала как обобщение лучших духовных качеств женщины-горянки, ее мыслей и чувств.

Да, реальная горянка того времени не могла открыто говорить о своем чувстве или рассуждать о своем праве на счастье. Женщина лишена была права отвергать или принимать чувство мужчины, а потому и страдания отвергнутой или обманутой страсти — частая ситуация в поэзии Махмуда — могут показаться «нереалистическими», выдуманными. Но в том-то и новаторство Махмуда, что он дал голос горянке, как бы раскрыв перед всем миром ее запечатанную исламом душу. То, что горянка думала, стало словом. Поэт не только развернул в диалоги внутреннюю исповедь сердца горянки, он показал становление чувства, муки совести, нарастание и тонкие оттенки страсти. Тут Махмуд, конечно, опирался на ростки этого качества в народной поэзии. Вспомним прозаическую запись одной такой горской песни Львом Толстым. Женщина обращается с мольбой к богу защитить ее от собственной страсти, с которой нет сил совладать ей в одиночку. Песня целомудренна, в ней и муки горянки, и страх, и раскаянье перед чем-то непостижимым... Но у Махмуда диалектика чувства дана в зримой и развернутой картине великолепных и неповторимых поэтических образов.

Мы говорили, что Махмуд многое взял у Чанки. Сравнение сходных мотивов обнаруживает и их различие в трактовке темы. Уже цитировалось стихотворение Чанки о том, что если бы за красоту давали общественные награды, его любимая заслужила бы самые высшие из них. У Махмуда есть внешняя тому аналогия:

Если б люди прославили сильную страсть,
Я бы стал над землею могучим владыкой.
Утвердил бы над миром я царскую власть,
Если б мир трепетал пред любовью великой.

Чанка первый сказал, что любовь выше всех жизненных ценностей, он поставил в центр своей поэзии живую человеческую личность, ее судьбу, но только Махмуд посмел сам раздавать «награды», отказавшись признать право «царей» и «сардаров» на оценку силы любви и красоты человека.

Это не единственный пример того, как Махмуд завершал темы, начатые до него. Лирика его — итог исканий всего XIX века в дагестанской поэзии.

Мы видели, например, как в споре матери и дочери, традиционном жанре горской поэзии — диалоге, дочь либо склонялась перед матерью, либо диалог обрывался на полуслове. Таково было веление жизни, времени. У Махмуда в стихотворении «Мать и дочь» — впервые в лирике гор — мать пасует. Побеждает, ликует гордое чувство свободного выбора! Большой поэт поднялся над частным фактом, он угадал его преходящее значение, показал перспективы.

Есть у Махмуда стихотворение «Сон». Солдат на чужбине видит сон: с ним любимая, ее руки на шее героя, он выходит на балкон, громадные толпы людей пришли к нему, и в их числе... цари земные, шахи, беки, султаны. Герой «благосклонно и милостиво» обещает их принять по очереди. Но ему нужна не высшая власть, а любовь единственной... Если сопоставить арабскую «несибу» (воспоминание о красавице) «Сон», текст которой приводится в одном из трудов Ю. Крачковского,[1] «Сон» Эльдарилава, стихи того же названия Чанки и Махмуда, мы получим всю гамму постепенного перехода от бесплотной схемы и «возвышенности» арабского источника к буйной, неуемной силе подлинного чувства. Земной человек с земными чувствами в стихах Махмуда окончательно побеждает условный образ арабской несибы с ее, условной же, передачей душевного состояния влюбленного.

Надо сказать, что Махмуд — продолжение и развитие не только аварской лирики. Его новаторство шире, оно простирается на всю поэзию Дагестана.

В старой горской любовной лирике нет углубленности, есть лишь предельная точность изображения, вещность образов. Батырай еще не заглядывает в глубину любящих сердец, не рассказывает о чувствах сложных, развивающихся или изменяющихся. Он чаще всего говорит о данном, единственном мгновении.

А Махмуд?

По традиции он в зачине «Мариам» обращается к солнцу с просьбой передать любимой послание от него. Гордого тура отправляет к ней с весточкой о себе. Он еще, подобно Меджнуну, «лишь со зверем делится своей печалью». Но сквозь это привычное обрамление поэтической мысли прорастает новое содержание. Оно ломает старую форму. «Мариам» — не традиционная песня о неразделенной любви. Это поэма с широким лирическим фоном. В ней

---

[1] Ю. Крачковский. Арабская литература на Северном Кавказе. Изв. Академии наук. Отд. литературы и языка, 1948, т. 7, вып. 1, стр. 22.

есть лирический сюжет, есть движение. С необыкновенной легкостью и естественностью поэт сочетает рассказ о себе, о чужих городах, о войне, о далеком родном ауле, где в «красивых нарядах из редкой парчи» поднимается на крышу она, единственная, Мариам-Муи. Все связано единым подтекстом — томлением по недостижимому. Счастья нет, овладеть им невозможно! Так совершается переход от традиционного зачина к новаторским интонациям и образам финала:

Горят и страдают, лишаются сил,
Стоят паровозы, придя на вокзал.
Вперед наступают и пятятся вновь —
Весь мир стал желаньям моим вперекор..
Воюет со мною и спорит судьба.
Ах, это бывает... Не надо скорбеть!
О, как же нам писем давно не несут!
О, как же давно... Если б нам позабыть!..[1]

Многоголосое звучание, полифонизм чувств, углубленность в себя — вот то новое, что свойственно поэзии Махмуда и что вело к лирике наших дней, горской советской лирике.

Махмуд последовательно закрепляет начатое Батыраем, Чанкой и другими поэтами изменение лексики. Цивилизация, новый быт входят в его стихи не отдельным вкраплением непривычных слов, не только как предмет сравнений, а часто уже как сама фактура стиховой ткани: «Хорошие фабрики есть у печали, не надо ни топлива им, ни воды», «Из бисерных буквиц газету печатай», «Гласят королей манифесты про то, что ты, как никто, надеваешь чохто», «Везде падишаха парит самолет, тебе подражать он красавиц зовет», «Как ездок на подъемной машине в Тифлисе». В «Письме из казармы» найдем многие детали войны 1914 года.

Махмуд создал великолепные образцы реалистических обобщений, освободив формы арабской поэзии от их схоластики и укрепив связи письменных форм с образностью устной песни; он необычайно приблизил поэзию к жизни, введя в нее широкое и «общеинтересное людям» (Л. Толстой) содержание. Недаром слава Махмуда в горах непревзойденна, а очень многие его строки стали пословицами.

---

[1] Перевод Э. Капиева.

11

Особая, интересная страница горской поэзии — творчество женщин.

Надо сказать, что горянка никогда не находилась в положении рабы в полном смысле слова, хотя участь ее и не была завидной. Это относится прежде всего к женщине из трудовой семьи. Национальное своеобразие формирования ее нравственного облика заключалось в действенности ее роли в семье. Лев Толстой в одном из вариантов повести «Казаки»[1] пишет о превосходстве горской женщины в быту, видя его в том, что она — «орудие материального благосостояния», несмотря на то что, по воле восточного воззрения на женщину, она удалена от общественной жизни и принуждаема к работе.

Чувство личного достоинства высоко развито в горянке. Вероятно, родовое понятие чести относилось не только к мужчине. Фольклор дает образ решительной, волевой горянки, иногда встающей во главе отрядов, сражающихся за свою родину (лакский героический эпос о Парту-Патиме). Известно, что по древнему адату женщина из рода кровника могла вызвать мужчину для поединка на бурке. Есть все основания полагать, что женщина в семейно-родовом укладе играла более важную роль, чем та, какую ей позднее уготовил ислам.

Женщины-поэтессы — Анхил Марин, Щаза из Куркли — не писали стихов. Они их пели, произносили. В горах каждая женщина поэтически оплакивала мертвого мужа, отца, брата.

Просматривая имеющиеся записи этих плачей, мы редко находим в них индивидуализированный образ, чаще — обобщенный, с устойчивыми условно-поэтическими ходами. Не конкретный образ мужа или брата возникал перед горянкой в плаче, а лирическое отражение ее чувства. Это было искусство, не только обряд.

Творчество женщин-поэтесс, очевидно, вырастало отсюда.

В XIX веке мы имеем уже первых «профессионалок», систематически слагавших песни, молва о которых выходила за пределы аула, а слова песен запоминались последующими поколениями.

Так, в памяти народа живет легендарная аварка Анхил Марин, которой жилами зашили рот, чтоб она молчала, но поэтесса, разорвав губы, как рвут цепи, пропела песню. Аварцы прозвали ее «сладкогласой».

---

[1] Л. Толстой. Полное собр. соч., т. 90, стр. 153.

Так, до наших дней, и в сохранившейся переписке, и в устной передаче, дошла трагическая повесть о несчастной любви Патимат из Кумуха.

Так, до сих пор в горах помнят голос красавицы Щазы из Куркли, ее неповторимые песни о силе первой любви.

Творчество каждой из них глубоко индивидуально.

Аварская поэтесса Анхил Марин отличалась силой духа, непреклонностью, бросала вызов общественному мнению:

Пусть пальцами тычет в меня хоть весь свет,
Пройду не сутулясь: кремневой я стала.

В этом отношении Анхил Марин достойна стоять в одном ряду с поэтами аварского «ренессанса», о которых шла речь выше.

Патимат более лирична, созерцательна. Страдание, отчаяние, мольба — вот главные черты ее песен. Она была образованна. В ее стихах-посланиях то и дело встречаются книжные ассоциации из арабских источников. Она была богата. В круге образных ее представлений «мягчайшее ложе», «мускус и амбра», «верные слуги», «мрамор», «хризолитовый сад» и т. д. Даже телеграфные провода у Патимат — «серебряные». Но мужество ее, скрытое раздумчивой лиричностью, велико. Она, может быть, впервые в горской лирике изображает колеблющегося мужчину и смелую, требующую открытой любви женщину. Патимат принадлежит отважный образ — просьба водрузить на ее могиле «знамя любви», «чтоб ветер нагорный его развевал».

Песни Щазы — народные по духу миниатюры. Их филигранное мастерство, глубокая проникновенность поразительны. Для Щазы — все в прошлом. Она стала певицей после коварного обмана любимого, после того как была изгнана из отчего дома и проклята. Поэтому ее песни — почти всегда воспоминания, очищенные от всего случайного; скорбь спрятана глубоко, чувства просветлены временем. «Чуть вздохну — под потолком всколыхнутся облака», — так велико ее горе, так безмерно ее ощущение всеобщей печали. Образы Щазы более обобщены, нежели образы Анхил Марин и Патимат. Щаза более философична. Вот одна из ее миниатюр:

Ранней юности любовь,
Видно, точно цепь, куется.
Как ни рвут ее потом —
Цепь нигде не разорвется.

Веру первых, ранних лет
Серебром, как видно, кроют.

Как ни трут ее потом,
Серебра вовек не смоют.

Но, несмотря на индивидуальные отличия, стихи женщин-поэтесс имеют и нечто их объединяющее. Это прежде всего открытое требование равных прав на свободное изъявление чувства, торжество всесильной власти жизни над узкими догмами религии, упорство, вплоть до готовности умереть за любовь, глубокое благородство. Поэзия женщин-поэтесс раскрывает прекрасные черты духовного облика горянки. Недаром Р. Гамзатов скажет:

Как чуду, в горах Дагестана
Я сам удивлялся не раз,
Что тысячи строк безымянных
Сложили горянки у нас.

Их песни живут, словно злато,
В них каждое чувство остро.
Услышав их, я виновато
Свое отстраняю перо. [1]

12

С 60-х годов XIX века в Дагестане начинается активное социальное расслоение. Русский капитализм постепенно проникает в страну гор. Строятся дороги, в Баку на нефтепромыслах ширится спрос на рабочую силу. Нужда гонит горцев на заработки в город. Крестьянская беднота занимается кустарными промыслами.

Этот процесс отражен в горской лирике. Наиболее непосредственно он запечатлен в поэзии поэтов-рабочих Гаджи Ахтынского, Махмуда из Куркли, Магомеда из Тлоха.

В горской поэзии все острее становится классовое самосознание. Отчетливо поляризуется разделение на богатых и бедных. Идущее от горских «просветителей» начало — утверждение равенства людей, гордость личными достоинствами, а не наследственным правом — получает чисто крестьянскую форму выражения.

Магомед из Тлоха говорит о богачах:

Живут, не ведая трудов,
Как на кормах готовых скот.

---

[1] Перевод Я. Козловского.

В стихах Гаджи Ахтынского, носящих характер эпистолярный, выражены тоска по дому, гнев по поводу всевластия денег, скорбь об утраченной патриархальной крестьянской нравственности. Так, в стихотворении «Твой сын» поэт говорит о том, как нужда и рабские условия труда приводят к разложению патриархального горского закона чести. Здесь Гаджи близко подходит к одной из тем последнего периода творчества Ирчи Казака и М.-Э. Османова — критике капиталистических отношений.

На некоторых стихах видна печать двойственности мировоззрения поэтов-рабочих. У Магомеда из Тлоха взрыв ненависти к поработителям, призывы к бунту сменяются нотами смирения, апелляцией к «горской чести»: живи правдиво, будь сдержан, люби честный труд. Однако крепнет и классовое чутье: «Русский царь деньгу кует, чтоб народ держать в узде». Крестьянин-горец еще склонен идеализировать горскую честь, но врага своего — русский капитализм — он видит все отчетливей. Постепенно научится он различать врага не в «русском» обличье, а в классовом.

Любопытно новое решение любовной темы. У Чанки, Махмуда это — всевластное чувство; оно является своего рода символом духовного освобождения и рассматривается в его решающей фазе — победит ли свободная страсть? У поэтов-рабочих, в условиях относительного ослабления позиций ислама, сфера иная, менее идеальная, более практичная. Мать и дочь у поэта-рабочего спорят не о праве выбора, а о том, сможет ли дочь выкормить ребенка. Вместо гнета темных адатов приходит новый гнет, социально-экономический, материальный гнет капитализма. О нем с гневом говорит Гаджи Ахтынский:

О, нефтяные промысла!
Тюрьма, что вышки вознесла!
Томящим думам нет числа —
Вдали от мест родных, дружище!

Развитие жизни Дагестана, расширение кругозора людей труда привели к тому, что любовь, которая жгла сердце лирического героя, тоже расширила свои границы:

Гаджи страдает от любви
К тебе, беспечный Дагестан.

Так перебрасывается мост к поэзии открыто гражданской. Ее создало новое поколение горцев, тесно связанное с русской прогрессивной культурой, обладающее опытом практического познания классовых противоречий.

13

У порога новой литературы — советской дагестанской литературы — стоят имена поэтов-революционеров.

Поэт и первый драматург страны гор Гарун Саидов, поэт и журналист Зейналабидин Батырмурзаев — представители дореволюционной горской интеллигенции. Их культурно-просветительная и революционно-пропагандистская работа в развитии культуры родного народа огромна.

Гарун Саидов покинул Дагестан уже зрелым человеком. В Московском коммерческом институте он впервые столкнулся с революционерами-марксистами, участвовал в подпольных кружках. До самой смерти, пока белогвардейская пуля близ аула Цудахар не оборвала его жизнь, он боролся на стороне революции словом и делом. Перу Гаруна Саидова принадлежат горские революционные песни. Такова знаменитая «Партизанская песня». Она была чрезвычайно популярной в годы гражданской войны.

Высокое сознание своего долга перед народом поднимало даже пейзажную лирику Г. Саидова до больших гражданских тем. Так, начатое в духе традиционного горского раздумья, стихотворение «Если ветер подует» вырастает до призыва подняться над привычным бытом, над жизнью покорной и бескрылой к жизни исторической. Традиционный параллелизм образов природы и человеческого бытия использован по-новому. Сравнения, терпеливо развертываемые, изобличают опытного учителя, пропагандиста:

Если я поднимаюсь
На высокую гору,
Что я вижу в дороге?
Только серые камни.

Но когда поднимусь я
На высокую гору,
То весь мир предо мною,
Пред моими глазами.

Постепенно, но неукоснительно подводит поэт читателя к нужным выводам.

Поэты-революционеры — люди нового склада. Ученая арабистика для них совершенно не имела значения, хотя они были с нею знакомы. Тут они далеко ушли от Махмуда, не говоря уже о «просветителях». Они — трибуны, люди со сложившейся революционной программой. Они — писатели в современном понимании

говорившие с массами печатным словом. Они — первые переводчики Крылова, Лермонтова, Л. Толстого.

Их стихи близки не только к устной горской лирике, но и к русской агитационной поэзии. Они ставили перед собой новые поэтические задачи: не только «обличали», «скорбели» или даже «возмущались» (подобно поэтам-рабочим — Магомеду из Тлоха или Гаджи Ахтынскому), они поднимали народ на революционную борьбу. Отсюда полное обновление образной системы, лексики — энергия, императивность, сжатость и строгость. Новая образность — символика революции, выраженная через образы родной природы: зари, утренней звезды, горных потоков, рассеивающихся туманов.

Поэты-революционеры написали немного; их руке чаще приходилось сжимать оружие, чем перо (хоть и перо было их оружием!), но значение их в истории дагестанской лирики огромно. Они впервые на деле показали, как создается революционная поэзия. Они явились прямыми предшественниками советских поэтов публицистического, агитационного склада.

14

Когда оглядываешься на путь, пройденный дагестанской поэзией за столетие, невольно задаешься вопросом: почему так велико было в жизни горцев значение лирики?

XVII—XVIII века для Дагестана были периодом широкого распространения арабской письменности. Конечно, арабские книги, даже приспособленные к чтению на основных языках (аджам), писались не для народа, в массе своей неграмотного. Позднее возникновение печатной литературы, недостаточное развитие книгопечатания сделали устную лирику эстетической школой народа, дневником его души. Воспитатель духа народа, лирика облагораживала человека.

В лучших своих образцах любовная лирика воспринималась как лирика гражданственная и очень часто бунтарская; она разрабатывала одну из важнейших социально острых тем — тему раскрепощения женщины. Ведь положение женщины — важнейший показатель степени общественного развития, уровня духовной жизни народа.

Общественное значение любовной лирики усиливалось еще и тем, что она была одной из форм борьбы против ислама. А что такое ислам в горах вплоть до XX столетия? Мы видели, что запоздалый путь исторического развития страны гор, духовное средневековье как следствие экономической застойности не могли не уводить об-

щественную мысль Дагестана в религиозную схоластику. Устная поэзия была сперва робкой, а потом все более широкой отдушиной для свободомыслия народа.

Освободительное движение Шамиля имело и свою религиозно-идеологическую изнанку. Мюридизм насаждал свирепые догмы шариата, он одел народ в железную броню религиозных ограничений, душил его запретами: ни песни, ни танца, ни музыки, ни свободного общения мужчины и женщины в обществе.

Лирика, разрывая эти путы, несла светское, гуманистическое мировоззрение. Предмет народной лирики — все богатство человеческой жизни, во всем многообразии ее проявлений. В лирике предстает внутренний мир человека, утверждается благородство и значительность интимных чувств, правда о них. Тягостному контролю религии над мыслями и поступками человека приходит конец. Идея земного счастья, красоты жизни — торжествует.

Таким образом, лирика Етима Эмина, Казака, Батырая, Эльдарилава, Чанки, Махмуда несла новую идеологию. Поэзия их утверждала права личности, показывала иллюзорность преимуществ, даваемых происхождением и богатством, противопоставляя им достоинство, ум, одаренность.

Огромно влияние старой лирики, особенно любовной, на творчество первых советских народных певцов: Гамзата Цадасы, в поэзии которого мы находим прямые уроки «просветителей», и Сулеймана Стальского — в стихах, посвященных равноправию женщины, защите ее достоинства, необходимости просвещения.

Советская дагестанская поэзия — плоть от плоти и кровь от крови устной народной дагестанской лирики.

Русский язык сблизил разноязыкие образы дагестанской поэзии. Героическая линия Батырая, его гиперболы, его динамика, напряженный и тонкий лиризм Махмуда, эпический размах Казака и грустная мягкость Эмина — вся богатая палитра горской лирики стала общим достоянием аварца Расула Гамзатова, лакца Юсупа Хаппалаева, даргинца Рашида Рашидова, кумыка Анвара Аджиева и многих других современных поэтов Дагестана.

Лирики прошлого живут в народной памяти. Их поэзия оплодотворяет искусство современного Дагестана.

Н. Капиева
В. Огнев

АВАРЦЫ

ЭЛЬДАРИЛАВ ИЗ РУГУДЖИ

Точная дата рождения Магомеда Эльдарилава из Ругуджи неизвестна. Современный аварский поэт О. Г. Шахтаманов, занимавшийся собиранием произведений Эльдарилава в аулах, сообщает, что, по свидетельству долгожителей Ругуджи, поэт умер в возрасте 27—29 лет. На надгробной плите Эльдарилава высечена дата смерти — 1882 год. Таким образом, приблизительно время его рождения — 1853—1855 год.

Учился Эльдарилав при мечети аула Батлаич, а затем в Чохе. В Чохе он и погиб.

Рассказывают, что Эльдарилав полюбил знатную девушку — дочь чохского наиба — и был из-за нее отравлен.

Существует и другая версия. Выдающийся знаток старой аварской поэзии народный поэт Дагестана Гамзат Цадаса писал: «Умер Эльдарилав как-то по-глупому — какая-то женщина влюбилась в него и по совету знахарей подсунула ему средство «на взаимную любовь». Эта «присушка» оказалась ядом». (Г. Цадаса. Махмуд из Кахаб-Росо. Альманах «Дагестан». Махачкала, 1957.)

Песни Эльдарилава стали народными.

СОН

Аллах милосердный, всевышний владыка,
Что нынче за чудо привиделось мне.
Не каждому диво такое, поди-ка,
Дается, о боже, увидеть во сне.

Привычно сложив перед грудью ладони,
В молитве тебя я восславил, аллах,
И вскоре заснул на просторном балконе,
И сон перенес меня прямо в Хунзах.

В чью саклю попал? О, луны озаренье!
Согласно закону, в положенный час
Хунзахской водой совершив омовенье,
Я, стоя на бурке, читаю намаз.

Вдруг в комнату входит почтеннейший старец.
Его борода, словно иней, бела.
А следом — таких я не видел красавиц —
Нарядная девушка в саклю вошла.

«Откуда ты родом?» — спросил старика я.
— «Весь век я в хунзахской живу стороне».
— «А девушка эта кто ж будет такая?»
— «Приходится девушка дочерью мне».

И вышел старик, сединой убеленный,
Оставив нас с девушкой наедине.
И девушку обнял я, страстно влюбленный,
Она отвечала взаимностью мне.

Я чуда такого не видывал, право,
Всех девушек краше она и милей.
Идет как плывет, — настоящая пава,
А ликом — серебряных денег белей.

Поет ненаглядная, словно касатка,
А пляска ее — что хмельное питье.
И сердце мое замирает так сладко
От смеха, и танцев, и песен ее.

Душою и телом я весь в ее власти,
Пленительны чары ее волшебства.
Мы, с нею пылая, сгораем от страсти,
И кажутся музыкой наши слова...

Проснувшись, глаза протираю невольно,
С тревогой ищу продолжение сна.
Аллах милосердный, мне грустно и больно,
Не вижу я девушки. Где же она?

Горька для обманутых горечь обмана.
Я самый несчастный теперь человек.
Ужели все было проделкой шайтана?
Ах, если бы мог я проспать целый век!

Прости меня, господи, разве я волен
Забыть мной целованную во сне?
Как будто я ранен, как будто я болен,
Кто сварит лекарство целебное мне?

Прошу тебя, память, ты сердце не мучай,
От горя и так я почти не живу.
Какой удивительный, сказочный случай:
Влюбился во сне, не забыл наяву.

Зовут на обед, подают ли мне ужин,
Съезжаются ль гости из разных сторон —
Я к пище теперь, как больной, равнодушен,
И долго ко мне не является сон.

Но вот, запоздав, подойдет сновиденье,
И девичьи руки меня обовьют,
Земные достанутся мне наслажденья,
И станут часы быстротечней минут.

А днем я печален, как смертник на плахе,
И девушки не посещают мой дом...

О, если вам быть доведется в Хунзахе,
Запискою ей сообщите о том.

МЕСЕДО, ДОЧЬ АЛДАНА

Утром, выйдя на улицу, слышишь повсюду,
Что краса Месед о уподоблена чуду.
Ввечеру, если мимо мечети пройдешь,
Где, веселье справляя, шумит молодежь,

Слышишь вновь, что зовут красоту ее дивом,
Что мила Меседо даже старцам строптивым.

Словно шелк голодинский, спадают с плечей
Волны кос, отливающих мраком ночей.
Словно ласточек гнезда в горах Дагестана,
Высока ее грудь, украшение стана.
Лоб — белей, чем папирус, и брови на нем —
Воробьиные крылья; глаза подо лбом —
Виноград из Гимри, наливающий соки.
Спелых яблок хайдакских румянее щеки.
В милом рту ряд жемчужин, хвалимых молвой,
Лепет уст — будто ласточки щебет живой.
Речь пленительна, и — восхищенье для взора —
Стан точеный, прямой, как бутылка из Цора.
Кожа гладкая, нежная, словно атлас, —
Так рисуют тебя, дочь Алдана, у нас.

Черт возьми вас, джигиты! (Твержу я в обиде.)
Вы, в ауле красотку подобную видя,
Безнадежною страстью горите всегда.
Ах, чтоб вас поразила лихая беда,
Как вы можете быть равнодушны? Ужели
В ней вы джина иль гурию рая узрели?
Вы поймите: из ниток простых и она,
Точно так же, как смертные все, соткана!

Дал я клятву бороться — сдержу ее строго,
Предо мною большая открылась дорога.
Помолясь, я поклялся любою ценой
Раскрасавицу сделать своею женой.
Не помешкав, пустился к балкону я смело,
Где прекрасная в ярком наряде сидела
И, на плечи накинув кусок кисеи,
Косы дивные, косы тугие свои
Расплетала неспешно перстом непорочным,
Напевая, резвилась — ягненком молочным,
Иль, спиной повернувшись к востоку, она
Вышивала по бархату, рвенья полна.

«Асалам алейкюм! Пусть, как пчелка летая,
Не тупится иголка твоя золотая!

Пусть по ткани узор всё красивей бежит!»
— «Благодарствую! Ты не ко мне ли, джигит?
Ой, боюсь, как бы не было шума большого, —
Что, мол, нужно джигиту из рода чужого?»

— «Разговоры людские — как дым на ветру,
Только мир между нами послужит к добру.
Что нам сверстники — их пересуды без прока!
Коль сойдемся с тобой — нам не бросят упрека».

— «Слушай крепко: с тобой мы не крови одной,
Чтобы нам сочетаться, как мужу с женой.
Ведь орла не осилит ворона худая.
Ты не враг мой, чтоб, древний закон соблюдая,
Мне с тобой разговоры о мире вести.
Не бывает ворона у пальмы в чести.
Род мой знатен и славен, чиста я душою,
Словно райский хрусталь; мне обидой большою
Прозвучали слова твои, — гнев ли уйму?
Нет достойной цены мне в богатом дому,
Хадижат я подобна, Египта владыке, —
Понимаешь ли ты, невоздержноязыкий!»

— «Ладно, девушка, слово дай молвить и мне.
От джигитов узнав, что красою втройне
Превосходишь ты сверстниц, речами зажженный,
Я к тебе устремился, как привороженный.
Страсть мне душу томила, как тяжкий недуг,
Слезы ели глаза, и лекарство от мук
Раздобыть я пришел, — да наградою вечной
Будут райские кущи тебе, безупречной!
Не останься ж глухой и холодной к мольбе, —
Что́ терзаний сношу из-за страсти к тебе?
Верно, даже Аюб не мытарился боле,
Сил моих не хватает — изныл я от боли.
Неужели в тебе на страданья в ответ,
Белокрылая горлинка, жалости нет?
Я нашел бы сочувствие и в иноверце, —
Иль воистину черствых черствей твое сердце?
Ты лишь властна горящего страстью спасти!»
— «Я отвечу со всей прямотою, прости.
Хоть речей твоих склад благозвучен, прекрасен,

Толку всё же от них, что солдату от басен.
Говоришь ты красно, ты настойчив и рьян,
Но слова твои мне, как глупцу Алкоран.
Ты напрасно стараешься — еле их слышу.
Не взошла я в наряде цветистом на крышу —
Что ж избранницей ты называешь меня?
Я на площадь не вышла, глаза подчерня, —
Что ж ты лжешь про красу мою, ноешь про жалость?
Людям сказочной птицею я не казалась,
Но и пестрой вороной мне быть не идет.
Я — как яркая роспись у ханских ворот.
От солдатского взгляда не сгину ль бесславно?
Но меж сверстниц не сыщешь горянки, мне равной!
Я красой — как луна и как солнце горю —
И за это создателя благодарю».

— «Ты послушай меня, справедливости ради:
Не взошла ты на крышу в цветистом наряде,
Но в душе у любого блестишь, как алмаз.
Не сурьмилась и не подводила ты глаз,
Собираясь на площадь, — но всё же нимало
О красе твоей речь у ключа не смолкала.
Словно «папа» и «мама» на устах у ребят,
«Меседо!» — с обожаньем джигиты твердят.
Словно в сердце абида — обличье святого,
Образ твой пред глазами стоит у любого.
Дай притронуться к телу, коснуться лица,
Пред которым склоняется взор мудреца
И алимы с ума сведены повсеместно.
Дай коснуться рукою мне груди прелестной,
Ослепившей джигитов, — сколь тягостна страсть,
Столь могуча любви благодатная власть!
Ах, не стала бы жажда в груди неуемной!
Иль сгореть от любви огневой суждено мне?
Ты не веришь словам, ты — бесстрастна к мольбе, —
Или должен ходатаев слать я к тебе?
Мук сердечных Коран мне слагать ли, взывая:
О аллах, заступись, близко смерть роковая!»

— «Слушай крепко, джигит, что скажу я в ответ!
Знала райский диван я с младенческих лет, —
На извозчичью тройку сменю его, что ли?

Ведь привыкшая к лакомствам, жившая в холе,
Сухарей зачерствелых не примет душа!
Воспротивятся родичи, злобой дыша,
Браку с темным, безродным, марающим глиной
Лик прекрасного солнца, ни в чем не повинный.
Несравненна моя молодая краса:
Разостлались по стану, как шелк, волоса,
И заморского жемчуга тело белее, —
Зря ты думаешь, пес, что поддамся тебе я!
На руках моих перстни играют, маня,
Звезд ярчайших сиянье — глаза у меня.
Я как ханская дочь, — нету в крае пригожей,
Неужели достанусь я этакой роже?»

— «Обижаешь меня, дай аллах тебе рай!
Сжалься — яду не лей, мне погибнуть не дай
От любовных, от глупых моих помышлений!
Я не спорю: красы твоей нет совершенней.
Почему ж ты со мною надменна, груба
И словам не внимаешь, в которых — мольба?
Всех красой ты затмила, как гурия рая,
Всем ты ангелам ангел, моя дорогая!
Ты — луна молодая, ты — чудо-звезда,
По ночам озаряющая города, —
Так могу ль не кричать о любви злополучной?
Ты — воркун-голубок, соловей сладкозвучный!
В сердце речи твои распалили костер,
Виноград ты, роскошно созревший средь гор!
Всю округу с ума сводит взор твой невинный,
Хвост коня ты черкесского, пышный и длинный,
Голодинский ты шелк, пестроцветный, тугой,
У людей твои отняли косы покой.
Злой недуг мне ниспослан аллахом, и ты лишь
Тот недуг, как единственный лекарь, осилишь!
Ты — причина ему, и, безмерно любя,
У кого мне лечиться, как не у тебя?
Нет иного пути, нет иной мне дороги.
Что мне делать с недугом? — твержу я в тревоге.
О красавица, смилуйся, выход найди,
Обними и прижми к вожделенной груди!
Если в черной беде ты мне будешь опорой,
Скажешь мне: «Я твоя» — без укора, без спора,

Песнопеньем клянусь, взросшим в сердце моем,
Несказанно довольна ты будешь потом».

— «О аллах, что за юноша? Сладу с ним нету!
Не отступит он, не подчинится запрету!
Он упорен, как жгучее жало огня, —
То не демон ли сам искушает меня?
Слушай, юноша, также любви благородной
В одиночестве я ожидаю бесплодно.
Но герой, рисовавшийся грезе моей,
Был нарядом богаче, осанкой стройней.
Что ж, спокойным упорством желанье во мне ты
Пробудил, — я свои отменяю запреты.
Поднимись, кто б ты ни был, ко мне на балкон,
А шелка отложу до других я времен,
Чтобы имя желанное вывести ныне
Золотою иголкой на грубой холстине.
Ты хранить у себя будешь этот платок,
Как любви моей, верной и крепкой, залог».

Словно демон, охвачен желанием жадным,
Очутился я вмит на балконе нарядном,
И прижал я к груди дар господень благой —
Меседо, дочь Алдана, — дрожащей рукой.
О дальнейших событьях любовь золотая
Мне велит умолчать, над душою летая.
Рядом с сердцем я ткань ощущаю платка,
Что расшила искусно любимой рука.
Скоро свадьбу в дому моем шумно сыграем,
Приходите же всею округой, всем краем!
И уверьтесь: не тот станет девушке мил,
Кто пред нею колена свои преклонил,
Станет тот лишь избранником прекрасноликой,
Кто ее завоюет любовью великой.

ПЕСНЯ СТРОИТЕЛЕЙ ДОРОГИ

С письмом от Хуршил-Магомета приказ
Светлейшего князя — потребовал с нас,
Чтоб тотчас до самого Казикумуха

По горным грядам, где сурово и глухо,
Мы стали к Хиндаху прокладывать путь.
Чтоб зря не петлял он, взбегая на круть,
Чтоб горские арбы и русских коляски
Там рядом проехать могли без опаски.
Со звоном кирка ударяет в гранит,
Льет пот по вискам и глаза нам слепит.
Дауд, беспощадный и неумолимый,
Вконец поизмаялись, изнемогли мы!
Как эта дорога средь каменных груд,
Нас мучишь, надсмотрщик свирепый Дауд!
От Омиралава приходится худо —
И он и Али дополняют Дауда.
Не режет им сердца наш тягостный стон,
Им только б хлестать, что ни день, своих жен!
А ты, барабанщик с башкой кривоватой,
Шайтан тебя с черною долей сосватай,
Чем свет ты нас будишь, служака тупой,
И только в потемках даешь ты отбой!
Мы дом свой покинули, горем влекомы,
И тащим едва мы лопаты да ломы.
Ведет нас дорога, что строим в горах,
К ущелью аварскому Хари-калах.
Кирками тупыми долбим поневоле
Гранит вековечный, ладони мозоля,
Гнем спины упорно с рассвета до тьмы.
Куда вдохновеннее были бы мы,
Копая могилу для тех, кто повыше...

СМЕРТЬ ПОЭТА

Своим соперникам на зависть,
Обрел известность я кругом —
Не потому, что я красавец
Или слыву весельчаком.

А потому, что пел сердечно
Я о любви в своих стихах.
И больше всех меня, конечно,
Ценили девушки в горах.

Я был в аулах наивысших
И в Темир-Хан-Шуре бывал.
Красавиц сказочных на крышах
В нарядах ярких я видал.

Ох, остроклювые чувяки
И дорогие хабало,
Владелиц ваших помнит всякий,
Как вспомнишь — на душе тепло.

Но в Чохе больше, чем где-либо,
Красивых видел я невест.
Влюбился там я в дочь наиба
Еще в минувший свой приезд.

И вот, должно же так случиться,
Письмо Мирзоев мне вручил.
Повелевает в Чох явиться
Наиб Инкава Исмаил.

А с ним я был не просто дружен,
Но дружен близко, видит бог,
И, как наиба, я к тому же
Его ослушаться не мог.

К Али Амирову я сразу
Пошел, чтоб дал он мне совет,
Мол, должен этому приказу
Я подчиняться или нет?

Почтеннейший из ругуджинцев,
Он был в делах знаток большой,
На чей совет я положиться
Мог со спокойною душой.

Меня он мирно от поездки
Хотел отговорить сперва,
Потом вспылил, и стали резки
На этот счет его слова.

Прислушаться бы мне, но где там!
Все доводы отбросив прочь,
Я пренебрег его советом:
Наиба виделась мне дочь.

Я не испытывал тревоги,
Вооружился и верхом
Пустился в путь, но по дороге
К Хуршилову заехал в дом.

Три дня гуляли мы сначала,
Затем письмо мне дал кунак,
И на углах письма стояла
Печать наиба — важный знак.

Приехал в Чох — и прямо к другу,
Но только сел я на топчан,
Как слышу вдруг: на всю округу
Вблизи ударил барабан.

Зурна откликнулась, и в паре
Пошли вовсю они играть.
Явился тут знакомый парень
И стал на свадьбу приглашать.

«Я не пойду, не жди, мой милый», —
Сказал я, выйдя на балкон,
Но затащить почти что силой
Сумел меня на свадьбу он.

А там уже царит веселье,
На каждом праздничный наряд.
Мужчины пьют хмельное зелье,
И сласти девушки едят.

Гуляют шумно офицеры,
Пируют чохцы-молодцы,
И гордость их не знает меры.
Иль впрямь бессмертны гордецы?

Я встречен ими честь по чести
И обижаться не могу.
Сижу не на последнем месте
Я в их пирующем кругу.

И ту, в ком я души не чаю,
Немало удивившись, вдруг
На плоской крыше замечаю
В кругу судачащих подруг.

Она казалась куропаткой
Среди ворон. И вижу я,
Что знаки подает украдкой
Мне ненаглядная моя.

Но горцы устремили лица
Вдруг на меня. И отчего
Вино так часто стало литься
На дно стакана моего?

Раздались крики: «Спой что-либо...»
Мне песня принесла успех.
Что я воспел в ней дочь наиба,
Все догадались, как на грех!

Одни ушли, покинув праздник,
Другие пить могли три дня.
И офицеры с неприязнью
Теперь смотрели на меня.

Известно: гордецам из Чоха
Я ненавистен был всегда,
А тут и вовсе дело плохо —
Со всех сторон глядит вражда.

На сердце у меня тревожно —
Вокруг соперники одни.
И пить и есть я осторожно
Стараюсь то же, что они.

Был самовар — урод проклятый —
На край стола поставлен тут.
Гляжу, тревогою объятый,
Мне чашку чая подают.

«Чтоб зазвенел твой голос чудно,
Мол, чашку чая выпей, друг».
Я выпил. Петь мне стало трудно,
И бубен вылетел из рук.

Но подхватил его я снова,
Запел, не свесив головы.
Мол, нарвались не на такого.
Пал духом, думали? Увы!

И, выразив им уваженье,
Папаху сняв, я вышел прочь.
Мне вскоре на краю селенья
Наиба повстречалась дочь.

Она стоит и плачет горько.
И я, не чая в ней души,
Спросил: «О ясная, как зорька,
Кто умер у тебя, скажи?

Зачем, когда пируют люди,
Покинула, в слезах, гнездо?»
— «Печальней дня уже не будет, —
Мне отвечала Меседо. —

В питье твоем была отрава,
Не понял знаков ты моих.
Без жениха осталась пава,
Покинул милую жених.

Испил ты черный яд коварства.
Аллаха я молю сейчас,
Чтоб он послал тебе лекарство,
От неминучей смерти спас.

Всем сердцем я к тебе стремилась,
Теперь печали предаюсь».
— «О, если бог пошлет мне милость,
Я счастья нашего добьюсь.

А коль не избегу могилы,
Свиданье ждет на небе нас.
Прости, мой дух теряет силы,
Язык немеет в первый раз», —

Так отвечал я ненаглядной,
Той, без которой свет немил,
И, в путь отправившись обратный,
Я в Чохе сердце позабыл.

Я, умирая, молодежи
В свой смертный завещаю час:
Носите траур вы, но всё же
Пусть радость не покинет вас.

Душою сокрушаться долго
По всем умершим вам нельзя,
Иначе жизнь пройдет без толка,
Пройдет без радости, друзья.

Нагрянет старость к вам, и будет
Не до веселия тогда.
Цените, молодые люди,
Веселье в юные года.

Все в мире смертны, и, поверьте,
Я мысль о чохцах прочь гоню,
Но знаю, не уйти от смерти
Поставившим мне западню.

АЛИ-ГАДЖИ ИЗ ИНХО

Али-Гаджи, сын Гази-Магомеда, родился в ауле Верхнее Инхо. Год рождения не установлен. Обладал замечательным голосом, славился не только как поэт, но и как исполнитель своих песен. Автор многих лирических стихов, сатир, направленных против стяжательства и лицемерия мусульманских священнослужителей, стихотворных философских афоризмов, вошедших в аварский язык как поговорки.

Умер в 1889 году в кумыкском ауле Эндери.

КАК ГОЛОДНЫЕ ВОЛКИ

Как голодные волки хватают овцу,
Так тебя на кладбище уволокут.
Как барана, жалости не испытав,
Бросят в могилу тебя,
Наспех насыплют бугор земляной,
Поспешно в твой дом побегут,
Равнодушно молитвы пробормотав,
Наследство делить начнут.

И мулла и дибир придут в твой дом —
И я, мол, наследник! И я!
И без хлеба оставят детишек твоих,
Обнищает твоя семья.
И молитву гнусаво затянут потом,
Не стыдясь ни стен, ни людей,
Заберут всё добро,
Растащат твой дом,
Обездолят твоих детей.

* * *

Чтобы лопнули вы, будун и дибир!
Вам молитва —
Что крысе мешок пшена!
Муталимы, чтоб съели вас муравьи!
Вы — воришки,
Совесть ваша черна.
Вы — ханжи, побывавшие в Мекке святой,
За подачкою бегающие с сумой,
Чтобы треснули толстые шеи у вас!
Эх, молитвенники! Вы в Мекку пошли,
Но трясетесь, завидев красотку вдали.

* * *

Эта крепость из красных камней сложена,
В ней из белого камня башня одна.
На стене белогрудый сидит голубок,
Словно белый благоуханный цветок.

Что же жгучая жажда мне печень палит?
Нет напитка, который ее утолит!
Если ветку в цвету в Таибе сорвать,
То нельзя ее в грязь по дороге бросать.
И грешно опоганивать грязью чужой
Сокровенное, чем дорожишь, как душой.

Если подлость ты девять раз совершил,
Если доблесть ты только раз проявил,
Как поверишь ты, с честной сошедший тропы,
Похвале бестолковой, ничтожной толпы.

Если в жизни ты был хоть раз подлецом,
Пусть ты девятикратно был честным потом,
Похвала, что тебе изречет диван,
Это будет не правосудье — обман.

Ключ с собою унес я от сундука.
Пусть найдет прозорливый разгадку замка.
Кто умом одарен, кто достойно живет,
Ключ для этих речей сокровенных найдет.

* * *

Ты книжку пустую под мышкой таскаешь,
По ней на вопросы невежд отвечаешь.

Гаданье по звездам под локтем пригрей
На радость обманщиков и знахарей.
Ты трижды гадальные камни бросаешь,
Кого ты гаданьем своим утешаешь?
Ведь если бы песню ослу ты завел,
От песни не развеселился б осел.
Пусть бубны и дудки веселую грянут,
Бараны плясать и под бубен не станут.
Коль мудрые ум твой не тронут слова,
То, верно, пуста у тебя голова.

Бездушных не тронешь ты словом душевным,
Нельзя им помочь в их уделе плачевном.
И знай, что ослу неизвестна цена
И свойства породистого скакуна.
И тот, кто телячьи хлева очищает,
Едва ли привычки орлиные знает.
Запомни две-три прибаутки смешных
Для этих — в папахах — медведей лесных.
В запасе держи два-три ласковых слова
Для тех, кто вцепиться друг в друга готовы.
Да не позабудь — пригодится в пути —
Ошейники для дураков припасти,
Да чтоб бубенцы на их шеях бренчали,
Чтоб их издалека везде узнавали.
За труд выдавай пред отходом ко сну:
Помои — ослу, а зерно — скакуну.
Кустарник бесплодный, разросшийся в чаще,
Не сравнивай с пальмою плодоносящей,
И не обижайся ты в сердце своем
На тех, кто добро не считает добром.
Ведь очень смешон, кто досадою дышит
На тех, кто цветов аромата не слышит.
Тому, с кем вовек не сойдешься душой,
Махни, уходя, на прощанье рукой,
И не отвечай болтунам болтовнею,
Их молча минуй и останься собою.

* * *

Ты сам разгадку находи
В сокрытом смысле этих строк,
Что затаен, как адамант,
В серебряной шкатулке слов.

Иносказаньям, корни чьи
Коран питает и Хадис,
Нужны вниманье и уход,
Как чистокровному коню.

В народе Имры Кайса я
Не обрету себе друзей,
Хоть мастерским их языком
Болтать нечистый обучил.

Поймет достойный тайну слов
И поучение прочтет,
А те — невежды и глупцы,
Добра от зла не отличат.

О ДРУЖБЕ

Не ахти какой клад —
непостоянная дружба.

Если четверть мерки поверх
Всыпать в полное жита саба́ —
Не поместится в мерке зерно.
Если спросишь меня,
Чем я больше всего огорчен? —
Это тем, что в медовом кувшине на дне
Оказались мусор и грязь.

Умный сам убежит от родни,
Что на родственных похоронах
Затевает ссоры и спор.
Мне противна недельная ваша любовь,

Что становится ссорой на день восьмой,
Не ахти какой клад —
Эта непостоянная дружба.

Дней и ночей не счесть,
Жизни дорога длинна,
Кто мне недруг, кто друг,
Под конец лишь покажет она.
Много слышал я дружеских клятв поутру,
Ну а тех, чье сердце со словом в ладу,
Распознаешь лишь ввечеру.
Я не тронусь раскаяньем целой толпы,
Если сам не увижу грехов,
От которых она отреклась.
Не поверю я дружбе вчерашних врагов,
Пока сам не увижу: живут
Они в мире, в согласьи, в ладу.

Если б слушал глупец мудреца,
Облегчилась бы участь глупца.
Он бы понял: от вздора
Разгорелся раздор,
И глупец не страдал бы,
Если б он распознал,
Что он глупость свою
За ум принимал.

И не гибли бы попусту люди у нас,
Если б поняли и сказали они:
«Братья, наше невежество — бешеный пес,
Что кусает нас же самих».
Если б поняли люди, что глупая спесь,
Как гадюка, гнездится средь нас
И приносит нам смерть,
То они бы избегли беды.

* * *

Коль имею хлеб пшеничный,
Кукурузу есть не стану.
Если есть волы для пашни,
Не впрягу в ярмо телят.

На вдову невесту-деву
Не сменяю даже спьяну.
И пока есть мед пчелиный,
Что мне кислый виноград!

* * *

Ну и мельница в Зонобе,
То не мельница, а горе,
Как у норовистой клячи
Жерновов ее повадки.
Умоляю я: «О боже,
Будь ты сам судьею в споре
Залихи и Исмаила,
Сокола и куропатки!»

ПОЯВЛЕНИЕ СЕДИН

Как я ни крепился — осилило время,
И старость свои предъявляет права.
Как ни прикрывал я папахою темя,
А всё ж поседела моя голова.

Душе моей с телом поспорить охота,
Она не сдается, она молода.
Зависимо тело от круговорота
Часов, что безжалостны к людям всегда.

Душа моя бедного тела моложе,
Упрямо годам не сдается она.
Морщин на ней нету — не то что на коже,
И держится прямо — не то что спина.

Привет, седина! Ты не слишком ли рано
Явилась, не званная мною родня,
Вплела в мои волосы клочья тумана,
Легла на лохматой груди у меня?

Тому, кому гость оказался бы в тяжесть,
Пусть счастья не будет во все времена,
Но выразить я недовольство отважусь
Поспешным приходом твоим, седина.

Уж лучше бы камень свалился на плечи!
Ко мне ты, как гостья, нагрянула вдруг.
Тебя угощать мне, белесая, нечем,
Мне даже с тобой поболтать недосуг.

Уйди, ради бога, иначе померкнут
И дни моей жизни, и песен слова.
Недавно гнездился на темени беркут,
А нынче гнездится слепая сова.

Ужель не вернется мой полдень вчерашний?
Ужели возврата минувшему нет?
Был волос мой черен, как борозды пашни;
Как снег на вершине, он сделался сед.

Нет, с крыши сову не прогонишь, покамест
Погибнуть гнезду не наступит пора.
И снег не растает, он старый упрямец,
Покуда, как лошадь, не рухнет гора.

Есть ханы на свете, цари и визири,
У каждого много и власти и сил.
О волос седой, в человеческом мире
Сильнейшим из белых царей ты прослыл.

СОВЕТЫ МУДРОСТИ

Когда жесток правитель и суров,
Спокойствия не знает мирный кров.
Приходит ночь, пора бы и уснуть,
Но сон бежит от ложа бедняков.

Осенний иней жжет траву — конец весенним всходам!
Мой друг, у времени свой счет удачам и невзгодам.
Но мудрость учит: средь людей не будь высокомерным,
Не то испепелит тебя позор пред всем народом.

Твори добро, пока должны внимать твоим приказам,
Земля кругла, и может всё перевернуться разом.

Не всё то правда, что душе понятно,
Что сердцу ненасытному приятно,
Но всё добро, что от людей ты видел,
Сторицей людям возвращай обратно.

Не зазнавайся, оседлав лихого скакуна,
Ведь скромность и тому, кто стал начальником, нужна!

Сладкого покоя ждать,
Не набив трудом мозоли, —
Как несеянное жать
Без серпа на голом поле.

Кто дома печален — не весел и на годекане,
Мне речи постылы, тоска мне стеснила дыханье...

Не может быть опорой на чужбине
Тот, кто объят на родине гордыней.

Вот истина, что памятна немногим:
Народ не хвалит тех, кто пренебрег им.

Кизил тупым не срубишь топором,
Расхлябанное войско ждет разгром.

Если в человеке нет отваги,
Не прославиться вовек бедняге:
Горсть чужой муки наверняка
Долго не прокормит бедняка.

АНХИЛ МАРИН

Анхил Марин родилась а ауле Ругуджа, предположительно — в 1862 году. По преданию, в 1882 году, в год смерти Эльдарилава, которого она любила, Марин было около двадцати лет. Ею были сложены стихи на смерть Эльдарилава.

Аварцы называют Марин «сладкогласной». В своих песнях-импровизациях она разоблачала темные дела правящей верхушки — наиба, богачей. За дерзкие песни наиб Араш приказал зашить певице рот. Страшным усилием воли разорвав губы, она продолжала петь.

Умерла Анхил Марин в 1905 году.

Ее песни вошли в аварский фольклор.

ПРИДИ, ЯСНООКИЙ...

Держать всё равно мне пред богом ответ.
Приди, ясноокий, и, что б ни случилось,
Сольемся с тобой мы, забыв целый свет,
А после сдадимся разлуке на милость.

Запомним навеки те вешние дни,
Когда мы бросались в объятья друг другу
И гурии нас окружали одни,
Стремясь оказать нам любую услугу.

Пусть белую грудь мою змеи пронзят,
Что жарко дышала любовью земною.
За то, что был страстным очей моих взгляд,
Пускай их засыплют сырою землею.

Вся горечь кончины лишь мертвым ясна,
Ужель перестала ходить по земле я?
О камень могильный, где надпись видна,
Ужель ты несчастной любви тяжелее?

Ужель осквернится мечеть оттого,
Что я появлюсь в ней, хоть я не святая?
Иль тень упадет от греха моего
На тех, с кем несется ладья золотая?

В богатую сбрую сама облачу
Еще не объезженную полукровку,
Когтистого беркута я научу
С бубенчиком звонким охотиться ловко.

Какие к любимому думы пришли,
Скажи мне, итарку — волшебная птица?
Поведай, орел, проплывая вдали,
Куда в своих мыслях любимый стремится?

Нам, видно, мой сокол, расстаться пора.
Давай предадим наши клятвы забвенью.
Погасим любовь, словно пламя костра,
Базарного люда мы стали мишенью.

На кручи взлечу, поселюсь вдалеке
От пестрых ворон и всезнающих улиц,
На сваях жилище построю в реке,
Чтоб сплетен не слышать кудахчущих куриц.

Шипящие гадины, долго иль нет
Вонзать в мое имя вы будете жала?
Пусть пальцами тычет в меня хоть весь свет,
Пройду не сутулясь: кремневой я стала.

ЧТОБ ТЕБЯ ПОРАЗИЛА СТРЕЛА

На охоте мне сокол попался в силки,
Провела с этим соколом сладкие дни.
Многих сплетниц чернили меня языки,
Но сегодня иное болтают они.

Сыплет яд мне на сердце безжалостный слух:
Мол, другая у сокола нынче в чести.

Тяжело, словно спину сломали мне вдруг
И тяжелую кладь заставляют нести.

Гордый сокол мой, пусть тебя ранит стрела,
Сизый голубь мой, пусть тебя пуля сразит.
Грех тебе: ты спалил мое сердце дотла,
Мне с другой изменил, — нету горше обид.

Я с тобою доверчивой слишком была,
Из-за этого в сплетнях тону я сейчас.
Постоянства мужского в тебе не нашла,
Человеком считая, ошиблась сто раз.

Хоть, как целый аул, я рассудком сильна,
Не сумела любви своей скрыть, видит бог,
Мир на чести моей не нашел бы пятна,
Ты вошел в мое тело, как в ножны клинок.

Драгоценнейший яхонт, упавший с горы,
Из жемчужного моря коралл дорогой,
Разве сделалась хуже я с этой поры
Иль в красе уступила подруге другой?

Пусть достанется тело мое воронью,
Если раз хоть с другим, как с тобою, была!
Ни тебя, ни соперницу я не виню,
Оба счастливы будьте, мне жизнь немила.

Если правду способна любовь замарать,
То не хватит воды, чтоб влюбленных отмыть.
Если страстью горевших неверными звать,
То с крестом на груди должен каждый ходить.

КУРБАН ИЗ ЭНХЕЛО

Никаких биографических сведений о Курбане из Энхело собрать не удалось.

МОСТ К ТЕБЕ ПЕРЕКРЫТ

Мост к тебе перекрыт. У моста — часовой...
Хоть не вижу тебя — говорю я с тобой.

Телеграммой летит мой рыдающий стих.
Боль разлуки с тобой лишь сейчас я постиг.

Подтвердилась молва. Ты смириться должна.
Ты силком отдана. Ты — чужому жена.

Пташка вешняя! Мне эта мука невмочь!
Ну, не плачь — ведь слезами теперь не помочь.

Не тоскуй. Позабудь. Знать, судил так аллах...
Если б знал я заране об этих делах!

Скакуна бы откормленного оседлал,
Поскакал бы в потемках, сжимая кинжал.

Жениха твоего я рассек бы мечом,
На коне ускакал бы с тобою вдвоем!..

День без глаз твоих ночи казался темней, —
Сколько ждет меня этих бессолнечных дней!

Не увидимся вечером — ночью не спать...
Сколько впредь мне бессонных ночей коротать!

К небесам устремляется страждущий ум,
Дух бунтует и плачет, смятен и угрюм.

Как охотник в лесу, сбилось сердце с пути.
Где мне на́рочных взять, чтобы сердце найти?

Только вряд ли обратно вернется оно:
Ведь любимой вернуться в аул не дано...

Где, любимая, ты? Отзовись. Покажись.
Эх, трава ты весенняя, горькая жизнь!

Неказистая жизнь, ты — мученье одно.
Видно, маяться до смерти мне суждено.

Если б пламя, мою охватившее грудь,
Можно было бы в грудь ненаглядной вдохнуть!

Если б взгляд ее огненных, нежных очей
Превратился бы в свежий, весенний ручей,

Чтоб сбегала по склонам живая вода,
Чтоб влюбленных она исцеляла всегда!

Ты мне в душу вошла — и к другому ушла.
Ты одна в этом сумрачном мире светла;

В пестром мире, где столько напастей и лжи,
Что мне делать, скажи? Умереть прикажи!

Ты чужая навек. Холодна ты, как снег.
Я охвачен огнем... Дьявол сердце рассек.

Счастье, где ты? Следы твои втоптаны в грязь.
Кобылицею шалой любовь пронеслась,

Как дитя, изнемогшее без молока,
И зову я, и жажду... Но ты далека.

Как прикована к пище мечта бедняка,
Я прикован к тебе лишь... Но ты далека.

Ясно видится мне по ночам, в тишине:
Вот проснулась ты вдруг... Повернулась
во сне...

Не могу... Отзовись. Есть ответ мне иль нет?
«О мой яхонтоустый! Услышь мой ответ!

Всё равно мне — забудет аллах иль простит.
Милый, страх я забыла — забуду и стыд.

Не хочу я со светлой любовью твоей
Стать в угрюмой могиле добычей червей.

Я сгораю, скорбя. Я вздыхаю, любя.
Обнимаю влюбленной душою тебя!

Как мечтают о рае в кромешном аду,
О тебе я мечтаю... К тебе я приду!

Пусть всю землю засыплет сплошной снегопад —
В сокровенных ущельях снега не лежат.

Лед растает... Отъестся горячий твой конь.
В край чужой мы ускачем от злобных погонь.

На лугу на чужом мы цветочки помнем,
Встретим вешнее солнышко, милый, вдвоем!

Если ветер попутный бежит над волной —
Далеко уплывает корабль золотой.

Коли страсть обоюдная в душах сильна —
Нам поможет она, окрылит нас она...

Божья воля тебя помогла мне спасти.
Если б вечно ей с нами идти по пути!»

НРАВ КОБЫЛИЦЫ

Нрав кобылицы у милой моей —
И подступиться к гордячке не смей!
Ноги волочит — как будто бы тянет
Волос, увязший в липучей сметане,
Крутится, как под седлом стригунок...
Ишь ты — молчит... Ну, взгляни хоть разок!
Важничать стала, надменничать стала,
Выси достигла, видать, небывалой!

«Звездной достигла бы я высоты,
Если б подставил мне лестницу ты,
Если помог бы ты мне, мой любимый,
Рай на земле бы с тобою нашли мы.
Как я звала, как молила: приди,
Нежно прижмись к белоснежной груди!..
Я б на груди тебя холила, милый,
Словно бы цветик, тебя я взрастила.
Был равнодушен ты, был не ретив,
Ты бессердечно сгубил мой порыв.
Доля девичья горька и сурова —
Выдали замуж меня за другого.
Таю от горя, как лед по весне.
Мыслимо ль спорить с супругом жене?
Парень горячий, охотник удалый!
Наша удача навек запоздала.
Взглядом лукавым не целься, стрелок,
В шелковый я залетела силок.
Милый, не мучь, уходи поскорее —
Люди шушукаться станут, глазея,
Сплетник задумает — дьявол родит,
Муж телеграмму получит...
О стыд!
Муж мой ревнует к тебе и поныне.
Как он лютует со мной! Как с рабыней...»

— «Знай же, краса:
лишь в могиле сырой
Брошу охотиться я за тобой,

Очи землей не засыплет покуда —
Целиться я в ненаглядную буду».

— «Как же мне быть и куда мне идти?
Денно и нощно сижу взаперти.
С кем же бедой поделиться? Не знаю.
Дома родня осаждает дурная.
Слышат лишь стены тоски моей стон,
Дух мой смятенный скорбит, угнетен.
Как поступить мне, любимый мой, друг мой?
Шагу ступить не дает мне супруг мой,
Зорко следит он, боится — уйду.
Как одолеть мне лихую беду?
Что за судьбина мне выпала злая!
Жизни такой и врагу не желаю.
Жизнь эта лишь для собак да коров.
Мне опостылел супружеский кров.
Хоть и молюсь я на Мекку, но сердцем
Стала склоняться порой к иноверцам...
Сердце любимое встретив опять,
Стала отныне вдвойне я страдать.
Коли тебя я в ауле не встречу,
Коль не услышу я ласковой речи, —
Есть не могу я и спать не могу,
Дома солгу что-нибудь и бегу;
Только б в глаза твои глянуть, мой друг,
Радость моя, мой позор, мой недуг!
Схвачена петлей покорная шея,
Гибну в тюрьме я — а выйти не смею.
Не убежать от тоски и любви...
Ставь свой капкан и добычу лови!»

— «Пусть же сгорит твоя черная сакля,
Долго вздыхал я — и вздохи иссякли.
Долго я маялся — видит аллах!
О, замолчи! Сколько яду в словах!
Чтоб ты растаяла льдинкой весенней,
Может, хоть в этом найду утешенье?
Ранишь ты в спину — а грудь пронзена!
Кинь меня, сгинь ты, чужая жена!
Душу ты ранишь пленительным взглядом,
Плоть мою жалишь невидимым ядом!

Много красавиц с ума я сводил —
Только тебе я и чужд и немил...
Всё вспоминаю я радость былую,
Глухо стенаю в ночи и тоскую.
Счастьем в тумане меня поманя,
Горе надело хомут на меня.

Пусть бы весь мир от меня отвернулся —
Я б от напасти такой не согнулся,
Но повернулась ко мне ты спиной —
Вмиг я согнулся, утратил покой.
Сброшен с коня, не стерплю я, однако,
Чтоб оседлала свинья аргамака!
Долго ли буду смирять свою прыть?
Дважды мне, что ли, положено жить?
Скоро я выберу ночь потемнее —
С мужнина тела нарежу ремней я!
Жизнью постылою не дорожа,
Вытащу душу из тела ежа —
Пусть он не мучит тебя, обнимая...
Может быть, ночка не выдаст немая.
Но, коль написано мне на роду, —
Что же! В Сибирь я в железах пойду.
Не возвращусь я в аул опостылый —
С милой родня здесь меня разлучила».

— «Добрый мой, душу не мучай мою.
Вместо воды слезы горькие пью.
Ты не гарцуй понапрасну над бездной.
Что суждено нам с тобой? Неизвестно.
Град благодетельным ливнем считая,
Ты от посевов не жди урожая.
Станешь по-волчьи, хороший мой, выть,
Если с волками пришлось тебе жить.
Я обучилась коварству в неволе...
Невмоготу мне притворствовать боле.
Знать, ты со нравом моим незнаком...
Ты подсоби — и покину я дом.
Пусть меня держат в железной темнице,
Пусть я под пытками буду томиться,
Пусть я сойду в подземельную тьму, —
Милого к сердцу я всё же прижму!

Пусть хоть мученья, и стыд, и бесчестье,
Пусть на мгновенье, — но будем мы вместе!
Будь начеку с иноходцем своим —
Мы убежим, удалой, убежим!
Кров мы с тобою отыщем повсюду,
Денно и нощно работать я буду —
Незачем будет трудиться тебе,
Свет мой в моей бесталанной судьбе!
Для дорогого на всё я готова,
Слово даю тебе, строгое слово!
Так же, как тянут по волнам паром,
Жизнь свою будем тянуть мы вдвоем!»

МАГОМЕД ИЗ ТЛОХА

Магомед, сын Кура-Магомеда, родился в 1868 году в ауле Тлох. Учился в мечетской школе, неплохо знал арабский язык. Бедность рано погнала его на заработки. Восемнадцати лет он, покинув родные горы, уезжает в Баку. Работает кочегаром в Балаханах.

В 1905 году Магомед, находясь в Баку, участвовал в рабочих восстаниях. Во время одной из схваток с полицией был ранен. В 1906—1907 годах за причастность к революционной деятельности сидел в бакинской тюрьме.

В 1917 году, в дни Октябрьской революции, Магомед находился на заработках в Нижнем Новгороде. Вернувшись вскоре в аул, занялся крестьянским трудом.

Дата смерти поэта не установлена.

УБЬЕМ БЕДНОСТЬ

Я песнь о бедности спою.
Джигиты, слушайте меня!
Хулой убогому житью
Та песня полетит, звеня.
Ах, чтоб сгорела ты, нужда!
Чтоб ветром пепел разнесло!
Как люди долгие года
Выносят этакое зло!
Хоть яростью кипи, а всё ж
Не миновать невзгод и бед.
Куда, спасаясь, ни пойдешь —
Вмиг за тобою зло вослед.
Увы, не выпроводишь вон
И не удушишь нищеты,
И как бы ни был ты умен,
И как бы сведущ ни был ты,

Но мудрецом, коли убог,
Не назовут — пустой ты звук,
Хоть вытвердил бы назубок
И дюжину и две наук!
Да, никому охоты нет
Внять мудрой речи бедняка:
Его сужденья иль совет
Не принимают без смешка.
Промолвит слово богатей —
Считают истиной его.
Хоть схватку с полчищем затей
Один, стране на торжество,
Один хоть крепость захвати,
Коль нищий — не превознесут.
Зато теперь у нас в чести
Иные люди — там и тут.
Наследьем дедов и отцов
Живут, не ведая забот,
Живут, не ведая трудов,
Как на кормах готовых скот.
Словечка не обронят зря,
И взоры в сторону родни,
Как будто в облаках паря,
Бросают свысока они.
На годекане каждый львом
Глядит, а как в поход — овцой:
Мгновенно в строе боевом
Стушевывается герой.
В ауле их весома речь,
Мастак из них любой болтать,
А в тяготах — готовы лечь,
Лягушкам силою под стать.
Встревожится аул — полны
Смятенья, прячутся в кусты;
Коль раздается клич войны,
У них подводит животы.
И эти люди бедняков
Не ставят ни во что всегда!
Как жребий нищеты суров,
Что за несчастие нужда!
Одежда — грязное тряпье,
Одна и та ж — за днями дни;

Из года в год еда, питье —
Остатки жалкие одни.
Посеял ржицу — урожай
На гречку обменяй тотчас;
Барана заколов, продай
Да сыру накупи в запас.
Несет на рынок масло, мед
Бедняк, а сам как жердь худой,
Он брынзу черствую жует,
Хлебает пахтанье с водой.
Зерном, размякшим в кипятке,
И кашицей мучной он сыт.
По праздникам он в казанке
С крапивой тесто кипятит.
Простая жизнь его грустна.
В отрепьях, голоден и бос,
Влачит он долю чабана,
Пасет чужих коров и коз.
Чем жизнь свою в труде губить,
Чтоб набивал богач суму,
Не лучше ль, в самом деле, быть
Ослом у бедняка в дому?
Повсюду — произвол и спесь,
Мир погружен во тьму ночей;
Спасенья нет ни там, ни здесь
От гнета жадных богачей.
Лишь благосклонны к беднякам
Имущих жены, и подчас
Их нескудеющим рукам
Обязан и слуга у нас.
Богат несчастьями бедняк,
Счастлив богач в дому своем;
Хоть люди те же мы, но как
На свете разно мы живем!
Богатым — мясо в дом тащи,
Сыры и виноградный сок,
А нищим — кости да хрящи,
Водица, брынза да чеснок.
И всё ж мы радости полны,
Что наяву, а не во сне,
Хотя б с какой-то стороны
Мы с богачами наравне.

И пусть им дан удел благой,
А мы страдаем и молчим,
Но женский пол и пол мужской
У них и нас неотличим.
Мужчина — жилист, худощав,
А женщина кругла, полна.
Нет у него на это прав,
Но власть была б ему дана —
Из золота бы произвел
Себе подобных богатей,
А мы из глины или смол
Своих лепили бы детей.
Эй, молодцы, доколь терпеть
Мы будем бремя тягот злых?
Коль в чаще волк или медведь,
Идем и убиваем их!
С врагом расправившись, потом
В Сибирь на каторгу идут.
Но вот нужда ввалилась в дом,
Напор ее упрям и лют.
Всем ненавистная, она
Изламывает нам житье!
Друзья, пробудимся от сна,
Восстанем и убьем ее!
Освободясь от вечной тьмы,
И от лишений, и от бед,
Покажем наконец и мы,
Что родились людьми на свет.
Уж лучше б не рождаться тем,
Кто злу открыт со всех сторон,
Кто в мире одинок совсем
И благами не наделен.
Ведь ветру легче деревцо
Свалить, лишенное корней.
Вот доброе тебе словцо —
Храни его в душе своей!
Сообразуя с нищетой,
В которой сызмала зачах,
Свой вид, и скромный и простой,
Будь сдержан в мыслях и речах.
Отбрось ненужное в пути,
С достойным будь всегда знаком;

Большое мимо пропусти,
А с малым — становись рядком.
Не изменяй словам своим,
Чурайся всяческой вины,
Для кривды будь неуловим
И с юных лет до седины
Честь неизменно береги,
Жалей другого, как себя!
Коль нужно, тягот не беги,
Свой незаметный труд любя!

ДОЧЬ И МАТЬ

Дочь

О мать дорогая, родимая мать!
Хочу я о страсти своей рассказать:
На дочку влюбленную ты погляди —
Костры полыхают у дочки в груди,
Печаль разгорается синим огнем!
Обсудим судьбу мою, мама, вдвоем.
Ты кадием быть в этом деле должна,
Пусть строг приговор твой — мне ложь не нужна,
Суди справедливо бессчастную дочь.
О мама! Советом должна ты помочь.
Я выросла, мама, я стала большой,
Уже для любви я созрела душой —
Томит меня мука бессонниц ночных...
Неужто не сыщется, мама, жених?
Где суженый мой? Скоро ль замуж пойду?
Ах, мама, я корчусь, сгораю в аду!
Мужья у ровесниц, семейный уют,
В домах у них мальчики, мама, растут!
Ты держишь меня, точно клад, под замком...
Неужто вдвоем мы весь век проживем?
Иль ждешь ты, о мать, чтоб состарилась я?
Иль хана каджарского хочешь в зятья?
А может быть, русского ждешь ты царя,
Чтоб взял меня в жены, любовью горя?
Наверно, мечтаешь за дочь свою взять
Ты яхонтов мерку, родимая мать?

Но нет в этом смысла, родная, пойми!
Мне скучно свой век коротать за дверьми,
Мне тяжко... Спаси меня, мама, скорей —
Иначе сгорю я в горниле страстей!

Мать

Ой, доченька, рано! Дитя, не страдай —
Дозреть еще мясу и косточкам дай.
Ой, детка моя, ох, кровинка моя!
Кого же ты просишь у бога в мужья?
Когда приезжали к нам хана сынки,
Искали твоей, моя рыбка, руки —
Отвергла я сватов: мол, дочка мала...
О дочь! Ты как лампа из Ревзы светла.
Ах, лучик мой солнечный, мира звезда!
Казалось мне — будешь ребенком всегда...
Да, многие юноши ловят твой взгляд,
И смотрят вослед, и, вздыхая, грустят...
Так ты влюблена, голубица любви?
Откройся, избранника мне назови.
Неужто я стану помехой для вас?
Дочурка! Умру за тебя хоть сейчас!
Хоть гурией ты и не стала пока,
Люби кого хочешь, коль страсть велика!
Ну как допущу я, чтоб юная дочь
Могла от недуга любви изнемочь?
Давно ли я грудью кормила тебя?
Ты плачешь, скорбя, ты тоскуешь, любя,
Ты стала невестою, вышел твой срок,
А мне удивленье, а мне — невдомек,
А мне-то — как будто всё было вчера:
И ты малолетка, и я не стара...
Так вправду ровесницы дочки моей
Мужей завели, нарожали детей?
Как кормят детей — не пойму, хоть убей,
Коль грудки лишь зреют у детки моей?

ДЕНЬГИ

Слушай, неимущий люд,
Песнь правдивую мою:

О монетах я пою,
Хоть они меня бегут.
Я пою для бедняка,
У кого копейки нет. . .
До чего же велика
Власть блистательных монет!
До предела я постиг
Их значенье,
Цену их.
Деньги есть — ты царь и бог,
Денег нет — удел твой плох.
Деньги могут убивать,
Деньги могут предавать,
И прославят вас до звезд,
И отправят на погост.
Ханам золото — как щит.
Мир забрали деньги в плен.
У черкесов,
У чечен —
Злое золото царит.
Золото, безбожный бог!
О, когда бы только смог
Я разрушить твой престол!
Если б силы я обрел. . .
Коль богат — хвала и честь!
Ведь любой пастух-балбес
Вознесется до небес,
Коль деньга у парня есть.
Я клянусь вам, что везде
Деньгам — слава и почет.
Русский царь деньгу кует,
Чтоб народ держать в узде.
Даже ханская жена
Сядет рядышком с тобой,
Коль карман твой дополна
Золотой набит деньгой.
Но монеты от меня
Вдаль бегут, звеня, маня:
С бедняком не по пути —
Богатей у них в чести!

МАГОМЕД-БЕГ

Никаких биографических сведений о Магомед-Беге собрать не удалось.

ПЛЕНЕНИЕ ШАМИЛЯ

Из Тифлиса царский сардар выезжал,
Сундуки с собою золота взял,
Чтобы щедро наибам подачки давать,
Чтоб кадиев, забывших честь, подкупать.
Лорис-Меликова повез он с собой,
Генералов своих он поставил в строй.
На Евангелье руку он положил,
Перед образом он обет возгласил.

И поклялся страшною клятвой сардар:
«Или весь Дагестан будет мною взят,
Или всех сгублю я своих солдат,
Но не отступлю ни на шаг назад!»
И когда он слова такие сказал,
Царь ему солдат без счета прислал.
Сколько он людей ни губил на войне,
Пополненье из Питера шло вдвойне.
Шли полки грузин — с барабаном, с зурной;
Растревожили их былою враждой:
Дагестанцев, мол, надо всех перебить,
За отцов ваших надо, мол, отомстить.

Как муравейник перед дождем,
Царское войско кишело кругом.
С пушками шел сардар в Дагестан,
С теми пушками он захватил Ереван.
С громом бесчисленных батарей,

С огнем керосиновых фонарей,
С обозом свинины и сухарей,
С бочками спирта шел он в поход,
За месяц службы платя, как за год.

С обозной прислугой, чтоб ставила стан,
С медалями и крестами идя,
С компасами и часами идя,
С полками, не видевшими Дагестан,
С карабахцами, что вели караван,
С инженерами из страны англичан,
С перебежчиками, что хуже врагов,
С отборной конницей казаков
Из Тифлиса царский сардар выезжал.
Меликова он к себе вызывал,
Клялся клятвой большой самому царю:
«Шамиля возьму, Дагестан покорю!»

Ох, какие, сардар, ты лелеешь мечты!
Неужель Дагестан завоюешь ты?
Или совесть наибы могут продать?
Нет, вовеки такому стыду не бывать!

Много воинов храбрых таится в Чечне,
Не снимают оружья они и во сне,
А коней их и птица не может догнать.
Много можно в Дарги добровольцев поднять.

Как стреляют они из пищалей, взгляни,
Сами делают порох отличный они.
Много львов буртанайских стоит на горах.
Поминая аллаха, на легких конях,
Ручку сабли заветной сжимая рукой,
К конским гривам припав, полетят они в бой.

А ведь с сорокатысячным войском и встарь
Приходил ты к нам, сардар-полуцарь.
Но чеченцы разбили войска твои в прах,
Ты все пушки оставил в чеченских горах.

Ты велел по убитым в трубы трубить,
Петь молебны велел, в барабаны бить.

Наказан судьбой ты вернулся домой.
Так встретим мы вас и на этот раз,
Чтоб ты проклинал рождения час.

Наибы в медалях хоть с виду львы,
А в деле — где доблести их? Увы!
Черкески на них дорогого сукна,
Да страхом душа под черкеской полна.
И только чеченцы — стальные сердца —
Решили до смертного биться конца.
Чеченцы обету и чести верны,
И сабель их курдских удары грозны.

Ах, если бы жив был Хаджи-Мурат!
Живыми враги не ушли бы назад.
Будь жив он — славный Ахвердилав,
Бежал бы сардар, полки растеряв.
Вина ли на русских? — О, страшная быль! —
За деньги наибами продан Шамиль.
Предатель царю посланье писал,
Предатель царя в Дагестан призывал.

Пылали пожары, сужались круги,
Шамиль поневоле покинул Дарги,
Ушел с приближенными он и с семьей,
Под пушками скрытыми в чаще лесной.

Солдаты сардара в Согри прорвались,
И, бросив оружье, андийцы сдались.
Как встал на Садурской равнине сардар,
Сдались багалинцы — и молод и стар,
И дрогнул душой Магомед-Алим,
Отважный правитель южных долин.
Казалось, что нет ни меча, ни щита,
Что сопротивленье — пустая тщета.
Хунзахцы от общей борьбы отреклись,
Бойцы хебдавальцы за меч не взялись.
Мужей гидатлинцы не дали своих:
Ущерб нанесен, мол, имуществу их.
Откалывался от имама народ,
Смятение было в умах и разброд.

Всяк думал пополнить казну грабежом,
И мало кто думал о деле святом.

Как волк сквозь отару, Шамиль на Гуниб
Прорвался, укрылся средь каменных глыб.
Плотину там начали сооружать
И стены на кручах нагих воздвигать.

На тропах обрывистых страж не дремал.
Так что же с войсками сардар ликовал?
Всё рухнуло, пала надежда во прах, —
Все крепости гор — у сардара в руках.
Великая на андалальцах вина,
И совесть у ханов и беков черна,
Что помощи нам не послали в Гуниб,
Хоть, действуя вместе, сражаться могли б.

Правители Чоха виновны кругом.
Когда Гаджияу покинул свой дом,
Они его сына послали тайком,
Чтоб мир поскорей заключил он с врагом.
И втайне он их порученье свершил,
Дорогу сардару к Гунибу открыл.
И пал Дагестан, свой нарушив обет.
Нет войска. Защиты и помощи нет.

Будь жив хоть Идрис, да разве б смогли
Солдаты сардара взять крепость Ули?
И Муртазали был отважный убит.
Пророку душа его днесь предстоит.

Ученый Али на горé еще был,
Что пушки для войска отважного лил.
Увенчанный желтой почетной чалмой,
Он правою был у имама рукой.
А лев Сааду в Акуше был убит,
Он умер в бою, как отважный джигит,
Убит и не ведавший сна Джебраил,
Что грозное войско на бой выводил.
Служивший добру, смотревший в Коран,
Муса-Магомед скончался от ран.

Израненный в битве штыками солдат,
Был смертью объят и Гаджи-Махад.

А корни подрубишь — засохнуть ветвям,
Остался в беде одинокий имам.
Аул, что звездою Кавказа блистал,
Развалин печальною грудою стал.

Когда сквозь предутренние облака
Покрыли всю гору сардара войска,
Все поняли: гибели близится час, —
Заплакали малые дети у нас.

Готовились к бою на грозных стенах
Мюриды, презревшие гибель и страх.
«Во имя аллаха, — они говорят, —
Начнем, рукава засучив, газават!
Мы будем рубиться, мы будем стоять,
Хоть кровью бы жажду пришлось утолять,
Текущей по саблям, по их желобкам!..
Но хоть умирать и не хочется нам,
Но свят наш обет и для верного свят
Угодный владыке небес газават.
Кто духом не тверд, тот у нас не боец,
Священной войне — вся отвага сердец!»

Заги опоясался ратным мечом:
«Эдема не купишь земным серебром,
Сегодня в бою он достанется нам.
Ты, славный избранник народов — имам,
Неужто, отец, генералу ты сдашь
Последний оплот незыблемый наш?
Отвяжешь ли саблю, отдашь ли ее
Сардару — святое оружье твое?

И званье имама, и власть, и печать
Нельзя генералам без боя сдавать!
Оружье, что носишь ты двадцать пять лет,
Сложить и нарушить великий обет, —
Да если такое случится, народ
Всего Дагестана тебя проклянет!»

Так говорили они меж собой...
Пришли старики со слезной мольбой
Их семьи от бедствий войны защитить,
И женщины начали с плачем молить,
Чтоб мудрый имам их детей защитил,
Чтоб горестей плена он не допустил.

И женщин и малых детей пожалев
И за стариков душой восскорбев,
Внимая страданьям, мольбам и слезам,
Сдаваться решил генералам имам.
Он лучшего выбрал из добрых коней.
Верхом, опоясанный саблей своей,
К шатру полководца Шамиль прискакал
И спешился там и коня привязал.
Достоинства полон, бестрепетно смел,
Вошел величаво в шатер он и сел.
И встал, поздоровался с ним генерал,
И всяк перед ним свою шапку снимал.
И встал наш имам и повел разговор,
К ногам не склонял он блистающий взор:

«Не думал я прежде, что в отчей стране
Придется сдаваться сильнейшему мне.
Так было угодно аллаху решить,
И мне ли судьбу в недовольстве корить,
Дивлюсь я не пушкам твоим, не штыкам,
Дивлюсь, как предатели жадны к деньгам.

А много ли золота взяли у вас
Злодеи, что в Гимрах предали нас?
Гази моего предатель убил.
И верных в Хунзахе Гамзат истребил.
И вас пригласил он к себе, как гостей,
Здесь царь ваш построил семь крепостей.
Из ваших же пушек по ним я стрелял
И семь крепостей в свои руки забрал.

Мечтою мое было сердце полно,
Но замыслам сбыться моим не дано...
Вы в подкупе счета не знали рублям,
Наибы мои были жадны к деньгам».

ЧАНКА

Тажутдин (Чанка) родился в маленьком ауле Батлаич близ Хунзаха около 1860 года. Мать его Хатун была известной в Аварии исполнительницей причитаний (плакальщицей) и певицей. Брат и сестра — тоже хорошие певцы. Сын бедняка, Тажутдин был воспитан дедом, учился у крупных арабистов в аулах Унцукуль, Ирганай, Ашильта, Чиркей. Изучив арабский язык и богословские предметы, стал учителем медресе в родном ауле.

В селении Ках Тажутдин встретил красавицу Гулишат и полюбил ее. Песню, сложенную как послание к ней, он подписал псевдонимом Чанка. «Чанка» означает — дитя неравной связи: от феодала и крепостной. Неравной была его любовь: Тажутдин — неимущий грамотей, Гулишат — дочь всадника Дагестанского конного полка Шагидава, богатого человека.

Пронизанные духом народных песен стихи Чанки быстро завоевали признание. Когда он был уже прославленным в горах певцом, к нему в Батлаич попал Махмуд, будущий знаменитый поэт, и стал его учеником. Чанку нередко называют — «учитель Махмуда».

Жизнь Чанки была недолгой. Постепенно отходя от всего «мирского», поэт все больше отдавался религиозным настроениям. Он эмигрировал в Турцию и умер в 1908 году на пути в Мекку.

Песни Чанки стали народными. Произведения Чанки собраны, записаны и напечатаны только после Октябрьской революции. Первое исследование о нем принадлежит А. Ф. Назаревичу.

В переводе на русский язык Я. Козловского «Стихотворения» Чанки вышли в 1960 году (Махачкала, Даггиз).

* * *

Когда б за стройность награждал невест
Правитель, восседающий на троне,
Ты не один уже имела б крест,
Как самый храбрый в русском гарнизоне.

Когда б красою плеч определять
Царь степень чина повелел в указе
И стал в горах погоны нашивать, —
Была бы ты сардаром на Кавказе.

Когда б давала к пенсии казна
За красоту высокую надбавку,
Могла бы ты в горах, как ни одна,
Спокойно выходить уже в отставку.

Прославился искусством каллиграф,
Бела его сирийская бумага,
Но ощутил, портрет твой описав,
Несовершенство слов людских бедняга.

Кто две луны, не скажешь ли ты мне,
Украсив лоб твой, вывел тушью черной?
Течет, переливаясь по спине,
Коса, как речка по долине горной.

Пусть лучше упадет твоя коса,
Сразит тебя позор, подобно грому,
Чем косу расплести, моя краса,
Позволишь ты вздыхателю другому.

Кто не горел в отчаянном огне,
Пусть за любовь не судит нас сурово.
Что ты мертва — услышать легче мне,
Чем знать, что ты в объятиях другого.

ГУЛИШАТ

Пава, слетевшая прямо с небес,
Золотом в Мекке тисненный Коран,
Встретил тебя — и покой мой исчез,
Брошенный на сердце стянут аркан.

Золотокрылая птица, могу ль
Я о тебе позабыть хоть на миг?
Родом, наверное, ты из косуль,
Чистая, будто бы горный родник.

Может, в разгаре любви и тревог
Кистью художника ты создана,
И пожелал очарованный бог,
Чтобы ты к людям сошла с полотна.

Стройных таких не видал до сих пор!
Всякого платья к лицу тебе ткань.
Легкой походке твоей среди гор
Легкая даже завидует лань.

О, как твои совершенны черты,
Чудны движенья и сладостна речь,
Взглядом одним умудряешься ты
Даже кремневое сердце зажечь.

Пусть облака розоваты окрест,
Ярче и краше их солнечный круг.
Ханша красавиц, царица невест,
Кто же сравнится с тобой из подруг?

Высушить солнце спосо́бно родник.
Тропы в горах заметает зима.
К нёбу ты мой пригвоздила язык,
И от любви я лишился ума.

Радугу жаждет увидеть любой,
Счастье дарующую в рамазан.
Может, ее ты повсюду с собой
Носишь за пазухой, как талисман.

Каждый твой пальчик на яхонт похож,
Брови — подобных не видывал мир.
Ножки — точеных таких не найдешь,
Плечи белы, как гергебильский сыр.

Вечером выйдешь — и сразу светло
Станет на улице нашей, как днем,
Будешь в черкесском ли ты хабало
Или в кумыкском наряде своем.

Облику твой соответствует нрав,
Он совершенства достиг высоты.
Лучшая из удивительных глав
Книги, в Аравии изданной, — ты.

Птичка, из всех сладкозвучных имен
Самое нежное не у тебя ль?
Весел на лапке бубенчика звон.
Что ж ты мою не развеешь печаль?

Ах, куропатка с вершины холма,
Что от Медины совсем недалек,
Сжалься, прошу, — иль не видишь сама,
Что от любви я совсем изнемог.

Эхом откликнись, — иль сердце свое
Ты поспешила другому отдать?
Будь милосердна, ведь даже зверье
Стало сочувствие мне выражать.

Сном позабудусь — и явишься вновь
Ты, надо мной получившая власть.
Жарким костром разгорелась любовь.
Испепеляющей сделалась страсть.

Груди круглы твои, будто хурма,
Шея лебяжья белей, чем у всех.
Как ни схожу по тебе я с ума,
Ты равнодушна, а это ведь грех.

Даже в мечтах я, хоть дерзок и смел,
Дивный твой стан не решался обнять.
К пальцу б губами прильнуть не посмел,
Что на тебя пожелал указать.

Жажду водой утоляешь когда,
Видно становится миру всему,
Как, засверкав, ключевая вода
Льется по горлышку по твоему.

Тень до могилы всем смертным верна,
К этому каждый из смертных привык,
Тени лишь ты не бросаешь одна,
Ясен, как месяц, твой девичий лик.

Ты — словно сказочный желтый платок,
И над тобой, как волшебный павлин,
В небе плывет, помоги ему бог,
Сердце мое возле белых вершин!

Царский чиновник на зверя похож,
Правда, он дочкой красивой богат.
Хоть и красива она, только всё ж
Ей до тебя далеко, Гулишат.

Дочери ты офицерской милей,
Разве с тобою сравнится она,
Пусть даже щедрую пенсию ей
Золотом царская платит казна.

Лик твой парного белей молока,
Факела ярче во множество раз.
Перед тобою бы наверняка
Даже незрячий прозрел бы тотчас.

Был я в Аксае, в Чечне и в других
Горных местах, но еще до сих пор
Звездных очей не встречал я таких
Даже у царственных девушек гор.

Счастье в любви — не любовь ли сама?
Нищий полюбит и станет богат.
Знаю: сошел от любви я с ума,
Ах, как люблю я тебя, Гулишат!

ЛЮБИМАЯ ДАЛГАТА

Бумага бела, как долина в снегу,
И я, потерявшая в жизни покой,
Письмо тебе это пишу как могу.
Трепещет от вздохов листок под рукой.

О сокол, сумеют ли эти слова
Смятенье души до тебя донести?
Слеза упадет — загорится трава.
У горькой печали я нынче в чести.

Уж звезды зажглись над вершинами гор,
И лампа моя как звезда в полутьме.
Я, давешний наш не забыв уговор,
О жизни своей сообщаю в письме.

В чужие края, за седые хребты
Умчался ты, сокол, неверный жених,
Письмо тебе почта доставит, и ты
Прочтешь о любви и страданьях моих.

С тобой, мой любимый, очей моих свет,
Была я, безумная, слишком близка.
Предписанный богом нарушив запрет,
Вдохнула медовую сладость цветка.

Разгневан отец мой, как будто гроза,
И денно и нощно корит меня мать,
Не зависть ли сверстницам колет глаза,
Иначе за что ж им меня упрекать?

Ты был со мной, сокол, и ласков и смел,
В ночи разжигал меня, словно костер,
Но вот насладился и вдаль улетел,
Отравлена радость моя с этих пор.

Слыхала: в Тифлисе проводишь ты дни,
Красавец, что строен как будто камыш,
И там, Камалилу Баширу сродни,
Ты ловко невест иноверных когтишь.

Любить до скончания века меня
В любовных записках ты клялся не раз.
Лью слезы я, голову низко клоня,
О, как солоны родники моих глаз!

Затем ли на свет родила меня мать
Такой, как задумал до этого бог,
Чтоб ты меня, сокол, заставил страдать,
Оставив, как сорванный в поле цветок?

Мне взмыть бы голубкой над кручей седой,
В Тифлис долетела бы ветра быстрей.
Мне б с неба сорваться падучей звездой,
Чтоб вмиг у твоих оказаться дверей.

Зачем ты покинул родимый аул,
Кинжал на тебя ли точила вражда?
Иль сам ты на чью-нибудь жизнь посягнул?
Но я бы об этом узнала тогда.

А может, разлучница злая в питье
Подсыпала зелье такое тебе,
Чтоб ты позабыл даже имя мое
И сердцем к другой потянулся судьбе.

Навек мне запомнился вечер один:
Тропа изгибалась, как тело змеи,
Ты встретился мне и пригубил кувшин,
А после и губы пригубил мои.

Бывало, ты жарко когтишь мою грудь
И застишь, лежащий, луну в вышине,
И я умоляю тебя: «Не забудь,
Поклялся ты, милый, жениться на мне!»

Ужели всевышний избавит от мук
Того, кто другого на муки обрек?
Ты слово нарушил, изменчивый друг,
Любви преподав мне жестокий урок.

Не помню, в своем ли была я уме, —
Теряем мы разум, когда влюблены.
Чем я провинилась, поведай в письме,
Хоть, кажется, нету за мною вины.

Пришли телеграмму и в ней объясни,
За что я вдруг стала тебе немила,
Иль яхонту тело мое не сродни,
Иль, как молоко, моя грудь не бела?

С тех пор как узнала я имя звезды,
Что ярче всех прочих сверкает к утру,
Влюбленное сердце не знает узды —
И всю лихорадит меня не к добру.

Сжимается сердце. Туманится взгляд,
Любовь превратилась в смертельный недуг.
Пусть девушки Цора тебе отомстят,
Когда попадешься в их сети, мой друг.

О красное солнце над красной горой,
Что стали лучи твои так холодны?
Лишь ветер меня обжигает порой,
Когда из тифлисской летит стороны.

Ты в башне, чьи окна покрыты резьбой,
Хотя бы у джина спроси обо мне.
Являются к спящим красотки гурьбой,
Ужель я к тебе не являюсь во сне?

Зачем отбивала тебя у подруг,
К проклятой любви попадая в полон?
Сомкнулся ее заколдованный круг,
И каждый мой вздох превращается в стон.

Бросается в дымную пропасть коза,
Когда изменяет ей горный козел.
Зачем я в твои посмотрела глаза,
Зачем ты меня до безумья довел?

Кобылка желаний неслась горячо.
Подтянуты нынче ее удила.
Когда б не надежда — вернешься еще, —
Разбилось бы сердце, что тоньше стекла.

Ужели позволишь погаснуть костру,
Красавец, не раз обнимавший мой стан?
Вернись поскорей, а не то я умру,
Разрушившись, будто бы Ануширван.

Забыть ли: бывало, как птица легка,
Лечу за водой я, проснувшись едва,
Меня поджидаешь ты у родника,
От слов твоих кругом идет голова.

С водой возвращаюсь — не тяжко плечу,
Как будто несу не кувшин, а графин,
А нынче я ноги едва волочу,
Наполнив слезами узорный кувшин.

Бывало, со мной на свиданье когда
Тропинкой проторенной шел ты в ночи,
Сгорая от счастья, любви и стыда,
Я вся трепетала, как пламя свечи.

Тайком покидавшая отчий порог,
Заставила ждать ли тебя я хоть раз?
А нынче, закутавшись в черный платок,
Всю ночь не свожу с нашей улицы глаз.

Брильянтовый ключ, подошедший к замку
Закрытых создателем райских ворот,
Опять до рассвета я глаз не сомкну,
Тебя ожидая всю ночь напролет.

Со мной твое имя, забывчивый друг,
В чужие края повернувший коня,
Когда бы и шахом ты сделался вдруг,
То грех совершил бы, оставив меня.

Когда б неприступною, словно скала,
Дербентскою ханшею сделалась я,
То всем женихам бы отставку дала,
Тебя одного залучая в мужья.

Завидую нынче тем девушкам гор,
Любовь за которых платила калым,
И тем, чей недолго туманился взор,
Когда изменяли любимые им.

О милые сестры, хотя бы и день
Гореть моей страстью не дай вам господь.
Пусть лучше сердца превратятся в кремень
И каменной ваша окажется плоть.

Уж в лампе иссяк керосина запас,
О сокол, и мой приближается срок,
Явись и, пока не закрыла я глаз,
Взглянуть на тебя дай последний разок.

ПОДНЯТЬСЯ БЫ МНЕ В ГОРУ...

Отправившись в горы, увидеть бы мне
Павлина, унесшего долю мою,
Орла бы в хунзахской найти стороне,
Того, о ком слезы горючие лью.

Я всем облакам, что кочуют в горах,
Для друга любимого дам по письму.
О ветер, летящий на крыльях в Хунзах,
Ты другу поклон передай моему.

Мне данного слова не смог он сдержать,
Поэтому слезы туманят мой взгляд,
Лишь стоит мне вспомнить его, как опять
Жемчужные плечи мои задрожат.

Откуда ты родом, неведомо мне,
Нарушивший клятву лихой муталим?
В насмешках тону по твоей лишь вине,
Доставил утеху ты сплетницам злым.

О беркут, разбивший немало сердец,
Кого собираешься нынче когтить?
Где скачешь, не знавший узды жеребец?
Кому пожелал показать свою прыть?

На девушек красных охотясь давно,
Во скольких аулах вздыхал под луной?
Влечет тебя лишь сладострастье одно,
Со сколькими близок ты был, как со мной?

Туман по ущелью клубится — взгляни:
То ветер не вздохи мои ли принес?
На дождик взгляни — не ему ли сродни
Потоки моих нескончаемых слез?

Будь горлинкой я, отыскала б тотчас
То место, где беркут гнездится в горах.
А на плоскогорье я тысячу раз,
Чтоб друга найти, обошла бы Хунзах.

Мой род почитаем с древнейшего дня,
От века людьми уважаем окрест,
Но ты очернил его, бросив меня, -
Лукавый жених из неведомых мест.

Провидец Иса, что из мертвых воскрес,
Не ты ль соблазнил меня, страстный пророк?
Хизри, не с тобой ли, избранник небес,
Я впала однажды в опасный порок?

Кто может в кремневке заметить изъян,
Которую тронул туман золотой?
Тигрица порой попадает в капкан,
Порой спотыкается даже святой.

Не горец простой, а ученейший муж
В обман меня ввел, погубил мою честь.
Не только Коран, и Хадис он к тому ж,
Я знаю, сумел бы на память прочесть.

Уступит и сталь, если встретит она
С алмазным концом боевое копье.
Чугун уступает, а ты чугуна
Слабей, белоснежное тело мое.

Сразил мое сердце ученый жених
Не мудростью строгих божественных книг,
А тем, что из книжек он самых земных
Науку любви и соблазна постиг.

Хоть было мне больно порою до слез,
Терпела я муки, от ближних тая.
Орла, что любовь и страданья принес,
Подвергнуть боялась опасности я.

Хотела б я книжкой божественной стать,
Что издана в Мекке. Ведь мог бы тогда
Любимый меня на ладонях держать,
И я б никакого не знала стыда.

Касаткой мне быть бы! Клянусь, что в гнезде
Я глаз не смыкала бы ночи и дни
У входа в ту келью безмолвную, где
Находятся с милым лишь книги одни.

На кадия нынче не в силах смотреть,
Был кадий жесток с ненаглядным моим.
Теперь, когда сокол покинул мечеть,
Мне в ней ненавистен любой муталим.

О ветер, сорвавшийся с горных вершин,
Скажи, почему не остудишь меня?
Ответствуй, родник, что наполнил кувшин,
Зачем не погасишь во мне ты огня?

Ужели сура есть в Коране о том,
Что господом будет прощен муталим,
Коль я, воспылавшая жарким огнем,
Погибну обманутой милым своим?

Моей красотою пленен Дагестан,
А мне от нее только горе одно.
Я гурия рая в глазах аульчан,
Не легче от этого мне всё равно.

О конь необъезженный, как ты хорош!
Где топчешь теперь облюбованный луг?
О сокол, где нынче охоту ведешь,
Кому на перчатку садишься, мой друг?

ШУМАЙСАТ ИЗ КАХА

Ужели ты, зная, как я одинок,
Пройдешь стороной, не взглянув на меня?
Ужели повесишь на сердце замок,
Послание страсти моей отстраня?

Боится признаньем бумагу прожечь
Перо, находясь в подчиненьи души.
Давно моя грудь раскалилась, как печь.
Огонь, если можешь, ты в ней потуши.

Зачем же на пламя ты льешь керосин,
Жестокая, будто бы царский приказ?!
С ума по тебе я схожу не один,
Вздыхать ты заставила многих из нас.

Как всяк правоверный, аллах мне судья,
Став к югу лицом, начинаю намаз.
Но южной считаю ту сторону я,
В которой находишься ты в этот час.

Когда бы к дровам обратил я слова
С такой огнедышащей страстью в душе,
Уверен, что, будь хоть сырыми дрова,
Они превратились бы в пепел уже.

Когда бы скала, что как лед холодна,
Была мной воспета не меньше, чем ты,
Наверное, облаком стала б она
Иль кинулась в пропасть с крутой высоты.

Любовь от тебя я пытался скрывать,
Но утро не скроешь за спинами туч,
Когда б на уста я поставил печать,
Дыханье любви растопило б сургуч.

Река прорывает плотину порой,
И каждый о том узнает человек.
Ты лучше преграды меж нами не строй,
Прославиться страсть моя может навек.

Зажгла ты в костях моих адский пожар,
Я муки такой не могу превозмочь.
Больных исцеляет лечебный отвар,
Свиданье влюбленному может помочь.

Ах, что ты за диво, коль звери и те,
Покорные, лижут следы твоих ног!
Глашатай не зря о твоей красоте
По царским войскам раструбил, словно в рог.

И слух о тебе обогнал, говорят,
Купцов, что в далекие ездят края,
И строки во славу твою, Шумайсат,
Прочел на воротах египетских я.

Наверное, изобретен телеграф
Затем, чтоб депеши во все города
О том, как божественна ты, передав,
Гудели над путниками провода.

Давно я к тебе направляю стопы,
Надежда мне посохом служит в пути.
Уж лучше мне в пропасть сорваться с тропы,
Чем, жизнь сохранив, до тебя не дойти.

РАЗГОВОР ВЛЮБЛЕННЫХ НА СВИДАНИИ

Парень

Форму из золота сделав вначале,
Вылил фигуру твою ювелир.
Выслушай слово любви и печали,
Жемчуг, собою украсивший мир.

Жадным тебя я преследовал взором,
Но нерешительным был чересчур,
Глаз обладательница, по которым
Истосковался непонятый тур!

Станом черкесским сумела не ты ли
Шаха персидского очаровать?
Лечь и заснуть, как другие, — не в силе:
Ночь под окном твоим встречу опять.

Выразить жест твой способен не меньше,
Чем на бумаге любые шрифты.
Замужем ты, но какая из женщин
Девичьи так сохранила черты?

Вот уж и лето достигло предела,
Травы поблекли, а ты среди гор,
Ставшая матерью, похорошела
Властному времени наперекор.

Счастье ты губишь, красавица, даром.
Сладко ль с ощипанным жить петухом?
Если пчела насладилась нектаром,
Это не может считаться грехом.

Женщина

Ты не терзай меня, милый, не мучай,
И без того мне не сладко, поверь.
Бог не пожаловал долею лучшей,
И ничего не исправишь теперь.

Замуж пришлось мне идти против воли,
Коршун в полете голубку настиг.
Голову гордо державший давно ли,
Тонкий, под ветром согнулся тростник.

Разве тебе я, мой друг, изменила —
Род мой надменный во всем виноват.
Золотохвостая рыбка из Нила
В невод попалась, чье имя адат.

Пусть же мой род разорится за это,
Будет его мне нисколько не жаль.
Что ж опоздал ты, сплетенный из света,
Крепкий, как будто дамасская сталь?

Ночью под буркой меня почему же
Ты не увез на излуке седла?
Дочери царской была я не хуже,
Выдали замуж меня за осла.

Даже небесная птица не смела
Нежным пушком прикасаться ко мне.
Грязью покрылось жемчужное тело.
Где пропадал ты, в какой стороне?

Парень

Ах, куропатка, достойная Мекки,
Птичка, чей голос звенит бубенцом.
Зря ты себя обрекаешь навеки
Жить под единою крышей с глупцом.

Дам я совет: измени ты походку,
Принарядись — и тайком за порог.
Если и схватится муж твой за плетку,
Не пропадешь ты, спаси тебя бог.

Сердце мое обливается кровью,
Ты мне не меньше, чем жизнь, дорога,
И не оставлю, зажженный любовью,
Я у чужого тебя очага.

Нет в Дагестане такого аула,
Где б о твоей не слыхали красе.
Знают о ней и в прядильнях Стамбула,
Люди тобой очарованы все.

В белых церквах не с тебя ли иконы
Русские пишут, любви не тая?
Вижу я золота слиток червонный,
Проба на нем словно подпись твоя.

Как без тебя я в печали утешусь?
Вмиг воскресишь и умершего ты.
Девичья прелесть и девичья свежесть —
Лишь отраженье твоей красоты.

Женщина

Губы мои были персика слаще,
Словно в соку алычовом к тому ж.
Страшный, как филин, что ухает в чаще,
Их исцарапал усищами муж.

Груди — две сахарных белых головки, —
В лапищах мужа не раз побывав,
Требуют нынче льняной упаковки,
Прежнюю форму свою потеряв.

Будто бы вата, что свернута туго,
Всё белизной отливая, как рис,
Было и тело когда-то упруго,
Да изглодал по ночам его лис.

Парень

Как ни жестоки слова твои эти,
Чувствует сердце, что ты неправа.
Может, с обиды — над ним, словно плети,
Горькие ты заносила слова.

От чистоты своей не отрекайся,
Телом похожая на молоко,
Первой красотке арабского Кайса,
Как до небес, до тебя далеко.

Так хороша ты, что кажется, право,
Сам Константин тебе только чета.
Время сильнее, чем царская слава,
Но не сильней, чем твоя красота.

Царская слава блеснет и померкнет,
А красота твоя не такова,
Мчится сквозь время и, будто бы беркут,
Всюду когтит она чудо-слова.

Не говори мне, что пыл мой напрасен,
Строит надежда над бездною мост,
Жизнь за тебя положить я согласен,
Слышишь ли это, соперница звезд?

АРАКАНИНКА

Влюбился, но слово робел я сказать,
Тебе о любви своей слово сказать,
О страсти моей, что под стать лишь огню,
Не смел и записки любовной послать.

Ты — словно загадка. Нет сил у меня.
Любви лихорадка сжигает меня,
Мне горько и сладко, повсюду тобой
Расставлена мыслям моим западня.

Ах, лучше бы ты не являлась в Чалда!
Ах, что со мной сталось в ауле Чалда!
Прошла ты пред бедным жилищем моим,
И весь я, казалось, растаял тогда.

Ах, каракульчовый ягненок степей,
Медовых, шелковых ногайских степей.
В наряде кумыкском, араканинка,
Блистаешь ты вся до янтарных ступней.

Гуляешь, накинувши черную шаль,
С каймой золотою узорную шаль.
Тобой, непокорною, я покорен,
И сердце мое разрывает печаль.

Не сердце в груди у меня, а костер,
И день ото дня всё безумней костер.
И вмиг примерзает мой к нёбу язык,
Когда на меня обращаешь ты взор.

Ты — кровь с молоком. Льется свет с твоих щек,
Подобных еще я не видывал щек.

И каждую бровь, как арабское «н»,
Не тушью ли вывел на лбу твоем бог?

Начало всего совершенного ты,
Начало всего сокровенного ты,
И составлять преспокойно в горах
Ты из поклонников можешь гурты.

Сильна на Кавказе любви моей власть,
Не даст тебя сглазить любви моей власть.
На схожее с яхонтом тело твое
Пылинка и та не посмела упасть.

Аллах пожелал, чтобы мир отражен
Был, как в зеркалах, весь в тебе отражен.
И тонок твой нос, как дамасская сталь,
И статью черкесской твой стан наделен.

Голубкам попасть было в сеть суждено,
Когда б моя власть, было б им суждено
Летать на свободе и ночи и дни,
Голубкам сродни твои груди давно.

А плавность походки... Идешь по тропе,
Как будто плывешь — не идешь по тропе.
Не так ли в пунцовых чарыках своих
Плывет куропатка по мягкой траве?

На улицу вышла, и серьги опять,
Чуть слышно позванивать стали опять.
И за одно твое личико только
Красотку иную всю можно отдать.

Обнявший тебя не умрет человек,
Бессмертье такой обретет человек,
А тот, кому руку подашь ты хоть раз,
Не дважды ли юность познает за век?

Лихих кобылиц покупают князья,
Но падают ниц пред тобою князья.
Ты в плен генералов без боя берешь,
Хоть в плен генералам сдаваться нельзя.

В тебе воплотилась краса наших гор,
Краса и вершин и озер наших гор.
Ни у черкесов я, ни у кумыков
Красавиц таких не встречал до сих пор.

Что скажешь — слова переймет не одна,
Невеста, вдова и жена не одна.
Твой нрав и походку спешит перенять
Любая невеста, вдова и жена.

Природа, твои создавая черты,
Восхода в тебе воплотила черты.
Идешь ты — и тень не бежит в стороне,
И лампой зажженной мне кажешься ты.

Волшебный павлин на вершине холма,
Гляжу не один на вершину холма,
Волшебным павлином ты кажешься мне,
И я не один от тебя без ума.

О, где ты, в мое заглянувший окно,
Луч света, в мое заглянувший окно.
Пусть даже не мне суждено с тобой быть,
Не сетую я на судьбу всё равно.

Страдать по тебе я готов — хоть года,
Опять и опять вспоминать — хоть года,
А тот, кто несчастным меня назовет,
Не сможет сгореть от любви никогда.

СКЛОНИ СВОЮ ГОЛОВУ МНЕ НА ПЛЕЧО

Я весь раскален от любовного жара,
Плесни на меня ты водою хотя бы,
Хрустальный графин из сокровищ сардара,
Стоящий высоко на крыше Каабы.

Не зеркало ль ты, что купили в Багдаде,
Чиста и сверкающа на загляденье.
Быть может, ослеп я и, в зеркало глядя,
Ищу в нем напрасно свое отраженье.

Как будто попал я в пучину морскую,
Судьба угрожает мне гибелью скорой.
Заоблачной сини покинув вершину,
Спустись ко мне горлинкою златоперой.

Ищу я в тебе состраданья напрасно,
Ложиться живым мне в могилу придется.
Безумная страсть удилам не подвластна,
Нельзя осадить ее как иноходца.

Тобой, Халимат, очарованный аист
Не раз опускался на горные скаты,
Красавицам первым и птицам на зависть,
Наверное, в небе была рождена ты.

Скачу на коне я по горным вершинам,
И, сердце мое разрывая безбожно,
Плывешь ты вблизи лучезарным павлином,
Но так высоко, что достать невозможно.

Из райского озера, став куропаткой,
Не ты ли воды напилась под горою,
А после украдкой до устали сладкой
С другим обнималась вечерней порою?

Посланье, написанное Сулейманом,
Не ты ли несешь в своем клюве с востока?
Голубка, поднявшаяся над туманом,
Готов я похитить тебя у пророка.

Отдам я ружье с кубачинской насечкой,
Отдам я коня боевого в придачу,
Чтоб только владеть златорунной овечкой;
Пошли мне, всевышний, такую удачу!

Влюбился отважный Карам, и повсюду
История эта за Кайсом известна,
Но кто о любви моей горскому люду
С такой быстротой рассказал повсеместно?

Меня, что святым поклоняется книгам,
Ты знаком вниманья немного порадуй,
Всех больше из девушек схожая ликом
С красавицей дивною Шахразадой.

Зачем обрекаешь меня на страданье,
Пред коим ничтожны мученья любые?
Единственный раз хоть приди на свиданье,
Скажу тебе тысячу слов о любви я.

На сердце лежит стопудовая гиря.
Самим падишахом поклясться могу я,
Что в жены не взял бы я дочку визиря,
В объятьях держать не желаю другую.

Не взял бы я в жены и гурию рая,
Хоть сам Константин пусть попросит об этом.
Тебя не заменит красотка вторая,
Готов опечалить царя я ответом.

В саду моих чаяний, певчая птица,
Давно ты гнездишься и в зной и в морозы,
И если придется тебя мне лишиться,
Из глаз моих хлынут кровавые слезы.

О пестрый козленок, пришедший со мною
В цветник, удостоенный благословенья,
Готов оплатить я любою ценою
Хотя бы одно к тебе прикосновенье.

Балкис, чья краса до сих пор не померкла,
Когда б тебе вызов послала законный,
Хоть многих соперниц в бесславье повергла,
Сама оказалась бы вдруг побежденной.

В роду Курайши раскрасавиц немало,
И если бы, вызов их гордый уважа,
Ты с ними красой состязаться бы стала,
Весов в твою пользу склонилась бы чаша.

Клянусь я, не смогут, усилья напрягши,
Твой нрав разгадать даже сорок ученых,
Средь девушек ты выделяешься так же,
Как на поле мак средь травинок зеленых.

Ты взглядом одним, луноликая, в силе
Зажечь даже камень в январскую стужу.
Когда б тебя в комнате темной закрыли,
То свет из окошка бы хлынул наружу.

И если б ты вышла на улицу ночью,
Растаяла б темень на улице сразу.
В чем сам муэдзин убедившись воочью,
Призвал бы людей правоверных к намазу.

Всем девочкам зрелость, обычное дело,
Со временем к сроку дарует природа,
А ты, как весна, родилась и сумела
Достичь совершенства в течение года.

Понять, что красавицей девочка будет,
Уже на девятом году ее можно.
Когда еще грудь ты сосала, то людям
Красу твою было предвидеть не сложно.

Ужели росла на земле ты, красотка?
Гляжу на тебя, и не верится, право,
Откуда же эта лебяжья походка
И стройность такая, как будто ты пава?

Стирая границу меж словом и чувством,
Меджнун добивался успеха большого,
Вполне ты его овладела искусством,
И власть над людьми обрело твое слово.

Я стер очертание капли чернильной,
Но всё же в ущербе осталась бумага.
Чужую ошибку предвидеть бессильный,
Молю: стерегись неразумного шага.

Смотри, чтоб избранник твой не был, красотка,
Похож на быка с переломанным рогом,
Ущербна для жизни такая находка,
Она сожалеть заставляет о многом.

Знакомы скоты мне, что жаждут в объятья
Тебя заключить для утех мимолетных.
Ты камень священный, и вызов послать я
Не дрогну любому из этих животных.

Английских кровей не тобой ли жереба
Была своенравная, злая кобыла?
Иль кроткая лань ты, по милости неба,
Которую женщина грудью кормила?

Скажи, Халимат, бесподобные эти
Черты у тебя появились откуда?
Просил ли отец твой в аульной мечети
Послать ему свыше не дочку, а чудо?

Кому удавалось и в коем-то веке
Разбитое сердце собрать по кусочку,
Какой правоверной, хоть будь она в Мекке,
Родить удавалось подобную дочку?

Не каждый ли зуб твой подобен алмазу?
В окошко с улыбкой ты глянешь — и снова
Движенье луны остановится сразу,
И вымолвить я не смогу даже слова.

Известно в ауле: прозренье незрячим
Способен твой взгляд возвращать, но при этом,
Как небо полуденным солнцем горячим,
Всех зрячих слепит он зимою и летом.

Но если еще ты блистательней станешь,
А клонится к этому дело, похоже,
Боюсь я, что скоро во всем Дагестане
Погибнут мужчины и женщины тоже.

Согласен: пусть будет семижды мне плохо
На небе седьмом, лишь бы здесь, дорогая,
Счастливым я был до последнего вздоха,
Стихи о любви нашей пылкой слагая.

Былые удачи, былые просчеты
Сочту я дождинкой, упавшею в реку.
Склони свою голову мне на плечо ты,
Блаженство любви подари человеку.

МАХМУД ИЗ КАХАБ-РОСО

Принято считать, что Махмуд родился в 1873 году. Родина поэта — аварский аул Кахаб-Росо. Отец Махмуда Анасил-Магома Тайгибов был угольщиком — ремесло бедняков, малоуважаемое и малодоходное. Однако сына он все же, несмотря на свою бедность, отдал учиться. Махмуд несколько лет скитался из одного медресе в другое, был муталимом в Бетле, в Батлаиче, где его наставником в науках и в поэзии стал выдающийся поэт Чанка. Поэтический дар Махмуда обнаружился рано. Не прельстясь преимуществами духовного звания и бросив учение в мечетской школе, которая дала ему грамотность, некоторое знание арабского языка и арабской литературы, он еще юношей начал слагать стихи. Через несколько лет слава о нем уже гремела по всей Аварии, и люди собирались толпами, когда представлялся случай послушать его. Песни его расходились в списках, их заучивали наизусть, они вошли в репертуар народных певцов.

Махмуд и сам был выдающимся певцом и музыкантом, исполнял свои произведения под собственный аккомпанемент.

В молодые годы в Бетле поэт встретил девушку, любовь к которой пронес через всю жизнь. Это была Муи (Мукминат) — дочь богатого офицера русской службы, уже посватанная за другого. Ей посвящено большинство стихов Махмуда.

Песни поэта, проникнутые «вольными» мыслями, полные преклонения перед могуществом любви, его равнодушие к вере и нежелание слагать стихи на религиозные темы вызвали недовольство наиба Унцукуля Нажмутдина Гоцинского, будущего главы контрреволюции в Дагестане. Гоцинский нашел удобный повод, арестовал Махмуда и подверг его жестокому наказанию. На несколько лет Махмуд покинул Дагестан. Жил в Закавказье, в Сальянах.

Когда поэт вернулся на родину, аулы встречали его, по воспоминаниям современников, «как губернатора». Но личного счастья не было. Муи уже выдали замуж... Друзья женили Махмуда на вдове Джаминат, однако вскоре он дал ей развод и в 1910 году уехал в Баку. Два года спустя поэт снова появился в родных местах. Муж Муи умер. Былые надежды Махмуда, его страсть — всё вспыхнуло с новой силой. Он сделал попытку, сго-

ворившись с любимой, тайно от ее родных увезти и жениться на ней. Попытка не удалась. Муи обманула поэта, отреклась от него.

В 1914 году он записался добровольцем в Дагестанский конный полк, проделал большой боевой путь, был в Карпатских горах, в Австрии, сражался, получил тяжелое ранение. В Карпатах написана его знаменитая поэма «Мариам» — послание к Муи, которую он так и не смог разлюбить и которую больше не увидел. Она умерла, когда поэт был на чужбине.

После Великой Октябрьской революции Махмуд вместе со своим полком вернулся в Дагестан, в Порт-Петровск (ныне Махачкала). Его избрали членом полкового комитета. Когда полк был распущен, он ушел в горы. Там, в Унцукуле, Махмуд встречался с одним из крупнейших руководителей дагестанского революционного движения Махачем Дахадаевым и выполнял его поручения.

Погиб Махмуд в 1919 году от руки одного из своих врагов. Убийца выстрелил поэту в затылок во время дружеской пирушки в ауле Игали, на которой шло песенное соревнование. Рассказывают, что умер Махмуд со стихами на устах: «В серебряном черепе мозг золотой, не думал, что нынче мне смерть суждена». Похоронен поэт в Кахаб-Росо.

В доме Анасил-Магомы после смерти Махмуда, по воспоминаниям односельчан, осталась папка с его произведениями. Рукописи эти не сохранились. Все, созданное Махмудом, было записано аварскими учеными и поэтами А. Шамхаловым, Ш. Микаиловым, З. Гаджиевым, А. Магомаевым и другими из уст певцов и среди народа.

Первое собрание песен Махмуда на родном языке вышло в Махачкале в 1926 году и в 1928 году в дополненном виде было повторено. На русском языке отдельным изданием «Песни любви» Махмуда впервые вышли (в переводах С. Липкина) в 1954 году.

Творчество Махмуда оказало огромное влияние на развитие дагестанской поэзии.

ЗЕМНОЙ ПРАЗДНИК

Наступил рамазан. Отказавшись от пищи,
В понедельник собрался поститься аул.
Стар и млад, чуть стемнело, пришли на кладбище,
Ветер жизни тогда на могилы дохнул,

И вдыхали тот запах, знакомый и милый,
Опочившие души, покинув могилы.

У меня не скончался никто из родных,
Я живу на земле, ни о ком не горюя.
На людей равнодушно сегодня смотрю я.
Как мне быть? Если праздник священный у них —
Буду праздновать праздник земной и греховный!
Не нуждаюсь я ныне в отраде духовной,
Я к любимой отправлюсь, и там, согреша,
Обретет и свободу и счастье душа.

«Больше трусить не буду, — решил я отважно, —
Достается лишь храброму соколу дичь!
Смерть и жизнь — от всевышнего, — молвил я
важно, —
Кто бесстрашен, тот цели сумеет достичь».
Я помчался, ногою земли не касался,
Самому себе тучкой небесной казался!
Наконец предо мною возлюбленной дом.
«Я сошел с облаков, я пролился дождем,
Я спустился к тебе», — так сказал я горянке.
И подруга проснулась от легкого сна,
И вздохнула она, и сверкнула она —
Золотая монета стамбульской чеканки!
Я погиб, я ослеп: это чистый фарфор,
На котором царем нарисован узор!

И подруга вступила со мной в разговор,
Даже камни забора улыбкой пленяя
И чаруя над розами реющих пчел:

«О часы из Дамаска, сокровище рая,
Почему ты, скажи мне, так поздно пришел?
В этот вечер исчезли покой и молчанье, —
Как мне быть? На дороге шумят аульчане,
Просыпается мать, мой отец не заснул,
Шумен праздник, не спит, веселится аул,
Лают псы по дворам, зложелатели рядом,
Что пронзить нас готовы завистливым взглядом.
И соперников много таится во тьме;

Ты обидел их, недруги склонны к злословью,
Ну а мы, с нашей чистой и страстной любовью, —
Мы видны отовсюду, как флаг на холме!
Презирая опасность, пришел ты с бесстрашьем,
Как же быть мне с тобой, посоветуй ты мне?
Берегись! Перед грозным предстанешь ты стражем.
Словно тур на вершине, он чуток во сне.
Мимо женщин, мужчин не пройдешь незаметен,
Языки у ханжей удлинились для сплетен,
Ты, как сокол, детей всполошишь — соколят,
Освещенные окна повсюду горят.
Что мне делать с тобой? Честь всего мне дороже,
А меня ты погубишь, повергнешь в позор.
Если ночью заметит нас поздний прохожий,
То нагрянут на нас клевета, наговор!»

— «Дай мне слово сказать! — я взмолился
к подруге. —
А что делать со мною, решишь ты сама.
Я увидел твой стан — стройный, тонкий, упругий,
Я увидел твой стан, и сошел я с ума!
Я пришел к роднику, обезумевший, дикий,
Повстречался я с джином, с бесовским владыкой,
Он сказал: «От огня ты погибнешь, поверь,
Он сожжет изнутри тебя, в сердце клубимый.
Умереть не желаешь в пустыне, как зверь?
Так садись на меня и отправься к любимой!»

Я помчался. Была в моем сердце тоска,
А вокруг меня джинов летели войска.

Ах, зачем к роднику я пришел ненароком!
Сам себя истерзал я суровым упреком:
Ты скрывалась, о птица небес, ото всех,
Я тебя разбудил — разве это не грех?
Ты лежала на ложе из кости слоновой, —
Как посмел я, ничтожный, сказать тебе слово?»

— «Скольких женщин твои обманули слова?
Иль не помнишь, кому их сказал ты сперва?

Очевидно, черед мой настал, а иначе
Не пришел бы ко мне с этой речью горячей.
Но уж если пришел, так скорей заходи,
Обниму я, прижму тебя крепко к груди!

Говорят, покорил ты горянок немало,
Даже тех, что имели змеиное жало,
А теперь — ничего в этом странного нет —
Ты решил покорить и меня. Я согласна,
Покоряюсь тебе, только дай мне обет,
Что ты будешь мне верен всегда, ежечасно,
Что меня ты не бросишь, как бросил других, —
И тогда устремись хоть к заоблачной выси,
Как ездок на подъемной машине в Тифлисе!
А в словах-леденцах, в сладких песнях твоих
Не нуждаюсь я: многим ты щедро дарил их,
Поняла я, увы, какова их цена!
Будь мне верен, и буду тебе я верна,
Нет, противиться больше тебе я не в силах!

Если женщины все покорились тебе,
То могу ли я, женщина, стать исключеньем?
Но уймись наконец, благодарный судьбе,
И предел положи ты своим приключеньям.
Будь доволен судьбой, будь доволен и мной,
Кобылицей Ширвана, аварской луной!
Даже пчелка, что реет над амброй душистой,
Не сравнится со мной, благовонной и чистой,
Не найдет никакого изъяна во мне!
Родилась я от матери в этом ауле,
Красотою здесь девушки ярко блеснули,
Только нет мне подобных в родной стороне!
Если вдруг я вспорхну, словно райская птица,
То соседи в ауле не будут дивиться.
Нет мне равных вблизи, не найти вдалеке,
Я — волшебная рыбка в Джайхуне-реке!»

Так сказала мне та, что мне жизни милее,
И, поверженный в прах, я смотрел на чело,
Что всему Дагестану сияло светло,
А когда, обезумев, коснулся я шеи —

Даже в саклях аварских не сыщешь белее, —
Я забыл обо всем, что пришло и ушло!

Так сказала подруга в тот вечер великий.
От нее, как от солнца, забегали блики
По стене, по дверям, осветив потолок.
Так сказала подруга, а губы-рубины,
Засверкав, отразили наш пламень единый.

Понял я, что не буду теперь одинок,
Я обрел наконец долгожданную радость!

С той поры как изведал я слов ее сладость,
Мне безвкусными кажутся сахар и мед.
Я пьянею и падаю, как от дурмана,
Вспомнив запах ее драгоценного стана.
О любимой моей говорит наш народ,
Что она создана из хрустального света!
Я услышал дыханье весеннего цвета,
И увидел я зеркало жизни моей:
Горло, полное амбры, на нем — ожерелье,
Я увидел умельцев индийских изделье —
Сотворенные красками крылья бровей,
От которых пришли в восхищение люди,
Стройный стан, что ни с чем на земле
не сравним,
Подбородок сияющий, белые груди —
Это стало моим, это стало моим!

Сто частей целовал я прекрасного тела,
Оторвавшись на миг, приникал я опять,
Чтоб его целовать, целовать, целовать!
А чело, словно зеркало, ярко блестело,
Опьяненный, я пальцем провел по челу,
Как по зеркалу, по дорогому стеклу...

Описать бы пером упоение страсти,
Но и моря не хватит для синих чернил.
Рассказал я бы всем про любовное счастье,
Но потом чтоб меня женский род не бранил.

* * *

Чертоги царевен я отдал бы смело
За стул, на котором сейчас ты сидела,
Милей твои робкие рукопожатья,
Чем сотен прелестных красавиц объятья.

Не ведаю, сколько ты способов знаешь,
Прельщая, накидывать белый платок.
Чем старше ты, тем ты сильнее пленяешь,
А я от тоски по тебе изнемог.

Когда ты с косою пройдешь смоляною,
Старик, что давно погребен, оживет.
Узрели б тебя современники Ноя —
Вернулись бы к нам из разверзшихся вод.

МОЕ ПОРАЖЕНИЕ

Средь ровесников вижу притворно влюбленных,
Вижу много отвергнутых и оскорбленных,
На уме у них только свиданье и страсть, —
Весь порядок нарушили, чтоб им пропасть!

Обольщая, они обольщаться готовы,
Их влекут к роднику круглобедрые вдовы,
Там и девушек виден заманчивый круг, —
Я туда не хожу, не ищу я подруг:
Только обуви порча да времени трата!
Понял я наконец, что любовь глуповата,
Мне томленье и страсть опротивели вдруг.

Я подальше держусь от любви, хоть и молод,
Словно в сердце покойника, сумрак и холод
Ныне в сердце моем...

О, пускай упадет,
Пусть раздавит ее голубой небосвод!
Подошла — и вступила в беседу со мною:

«Ты расстался, слыхала я, с негой земною?»
И безумным я сделался с этого дня!

«От любви ты отрекся? Не любишь меня?»
Да не будет ей в радость ее долголетье!
«Без любви разве хочется жить нам на свете?
Лишь любовью, — сказала, — земля мне мила!»
И внезапно и жарко меня обняла.

Обещала, клялась, говорила о встрече,
И меня обольстило ее красноречье:
«Пожалей ты меня, я в тебя влюблена,
Прояви ко мне милость, добро человечье,
Видишь, таю как лед, ибо в сердце — весна!

Так подай ты мне знак неприметный глазами,
Чтобы мы не словами слились, а сердцами!

Если имя случайно твое назову,
В нашем доме тотчас начинается ссора.
Без тебя, мой любимый, погибну я скоро,
О, поверь, для тебя одного я живу!»

— «Я согласен, но будь мне верна, — я ответил, —
Хороша ли погода, укажет нам ветер:
Погляжу, как слова ты исполнишь свои!»

Нрав мой огненный, я сотворен для любви,
Так представьте себе, как душа закипела:
Я пылал, поглощенный любовью всецело.
Горький опыт и прежний обман я забыл:
Я лишился ума, я любил, я любил!

Я пропал от несбыточных гордых мечтаний:
Обещанья любимой и клятвы навек
На меня совершили победный набег, —
Войско стало владычествовать в Дагестане,
Войско сладостных слов разместилось во мне,
Я понес поражение в этой войне.
Вы послушайте, люди, печальную повесть.

В ожиданьи подруги стоял я, как шах,
Но она потеряла, обманщица, совесть,
Но она позабыла о жарких речах.

Отказалась подруга от встреч, разговоров,
Только изредка виделись издалека,
Разговоры вели мы при помощи взоров,
Робкий знак подавала порою рука.
В это время ифрит у меня был слугою,
Он подслушивал тайны земли и небес...
Оскорбленный возлюбленною дорогою,
Я, мечтая о встрече, на крышу полез,
Там я место нашел, где струилась прохлада,
Где я знал, что дождя мне бояться не надо.

И слова о любви я запел, что не раз
Исторгали горячие слезы из глаз.
Я вздыхал, еле слышно стихи напевая.
Эти вздохи, познав дуновения рая,
Словно белые голуби, ринулись ввысь,
Нет, как души умерших они вознеслись,
Очарованы пеньем пророка Давида!..
Сердце бьется, из клетки умчаться спеша,
То волнуется, то замирает душа, —
В ней смешались надежда, восторг и обида.

Наконец появилась, легка и стройна,
Аульчан ослепляя блестящим нарядом.
Вот прошла, проблистала, совсем она рядом,
Но, увы, на меня не взглянула она.
Вот ступает по улице тихо и плавно,
От меня отворачиваясь благонравно.
О любовь, твой смертельный удар узнаю,
В этот миг отняла ты и сердце и разум!
Бросил камешек я в чаровницу мою,
Подмигнул чуть заметно прищуренным глазом.
Тонкостанная вдруг оглянулась, и разом
Джины бросились прочь: этот взгляд их страшит!
В реку спрятался, струсив, мой верный ифрит,
Чуть она, чтобы камень поднять, наклонилась.
На меня посмотрела она — удивилась:

Мол, зачем ты стоишь? Не пойму я никак,
Почему подаешь мне таинственный знак...

Не бранит меня, лишь, возмущаясь притворно,
Говорит свысока: «Разве ты мне жених?
Я ношу твой платок? И тебе не зазорно?
Как, бросаешь ты камешки в женщин чужих?
Моего не поняв удивленного взора,
Ты решил, может быть, что смутил мой покой?
Нет, подумала я: кто стоит предо мной? —
Ты сперва показался мне кучкою сора! —
И добавила, камень сжимая в руке:
Ты — гусак, и смердишь ты в зловонной реке!
С ханской дочерью вздумал ты знаться, отребье,
А на теле твоем только рвань да отрепье,
Мне с тобой, оборванцем, беседовать срам!
Для чего же на крышу взобрался ты смело?
Ты напрасно доверился старым штанам:
Видишь, лопнули, всюду виднеется тело!
На тебя поглядишь — ужаснешься, дрожа:
Ты свернулся в траве, ты похож на ежа!
Людям встреча с тобою не станет удачей:
Ты похож на попону из шкуры телячьей!»

— «Ты права, подбирая такие слова,
Ты ни в чем не виновна, дружок, ты права.
Ах, зачем я на улице, в день нашей встречи,
Вдруг поверил, глупец, в твои лживые речи!

Ты права, что ничтожным меня назвала:
Я поверил, когда ты меня обняла,
Что мы любим друг друга, любя — торжествуем,
Ты на улицу нагло меня повела
И на улице стала учить поцелуям!

Ты всё время, повсюду гонялась за мной,
Ибо знала, что я отказался от страсти.
Но скажи: разве ты принесла мне покой?
Посмотри: я погиб, я теперь в твоей власти!

От любви я отрекся, от страшного зла,
Почему же, скажи, ты меня подвела?

Как цветок на холме, ты сверкнула нарядом —
И влилась в мое сердце губительным ядом.

Приласкай меня так, чтобы я занемог,
Чтоб тебя захотел я забыть — и не мог!

Для чего нам с тобой препираться без цели?
Ты местечко мне возле себя приготовь.
Не нуждаюсь в перинах, в роскошной постели,
Только жарко к груди ты прижми меня вновь!»

— «Я подобна певунье из райского сада,
А со мною сова говорит про любовь!
Прочь, ворона облезлая, полная смрада,
Не преследуй меня, я тебя не боюсь,
Я слыву куропаткою золотоперой!
В небе лебедь белеет, а пес — у забора:
Неужели меж ними возможен союз?
Разве может лягушка с любовью и лаской
Обращаться ко мне — куропатке кавказской?
Старый ворон, да как же посмел ты дерзнуть
Злые когти вонзить в мою белую грудь?
Жук навозный, повсюду слывущий уродом,
Насладиться решил красоты моей медом!

Для чего ты мне нужен, приятель осла,
Сотрапезник ослицы, родившийся в хлеве!
Заревели бы четвероногие в гневе,
Если б я у животных тебя отняла!»

Хоть одно возраженье пытался я вставить,
Но грозила мне камнем: «Не стой на пути!»
Я хотел с убеждением слово добавить, —
Замахнулась она, чтоб удар нанести.

Коль взгляну на нее после этого снова,
Буду я дураком, вот вам верное слово!

Вправду, с крыши смешно разговаривать с той,
Что на улицах любит пленять красотой!

Пусть глаза мои выклюет ворон жестокий, —
Совершил я воистину подвиг высокий!

Разве с крыши с такими ведут разговор?
Им бы только места потемней, закоулки!
Для чего же выходят они на прогулки?
Пусть отсохнет язык мой, погаснет мой взор!

Понял я: лишь такого она бы любила,
Кто считался б знатней короля англичан!
А сама-то — спросите у всех аульчан —
Топором обладала, не знавшим точила:
В бедном доме росла...
Посмотрите вокруг, —
Разве краше соседок она и подруг?
Разве чем-нибудь славится в нашем народе?
Одинаковы женщины все по природе:
Я другую такую же завтра найду!

Слез я с крыши и дал себе честное слово:
«Пусть я смерть обрету, пусть я буду в аду,
Если влезу на крышу когда-нибудь снова!»

Я подумал, когда я обратно побрел:
«Вот иду я, избитый камнями осел,
Посрамлен и оплеван, и сердцем расстроен...
Тот, кто влюбится в женщину, смерти достоин!»

Эту песнь потому сочинил я для вас,
Что считаю зазорным скрывать пораженья,
Лишь победам своим посвящать песнопенья,
Чтобы всюду гремел мой хвастливый рассказ.

Если муж обладает душой откровенной,
Он все тайны свои открывает вселенной...
Не сердитесь, друзья, что я всё разболтал, —
На меня за болтливость нельзя обижаться:
Нынче вечером стоит поесть мне хинкал —
Завтра всем расскажу, не могу удержаться!

* * *

От горькой печали спасусь я едва ли,
Я справлюсь едва ли с войсками беды.
Хорошие фабрики есть у печали,
Не надо ни топлива им, ни воды.

У горькой печали есть множество лавок,
Там тканями бойко торгует купец,
У горькой печали, скажу я вдобавок,
Всегда есть начало, не виден конец.

Безумна любовь моя, нетерпелива
И действует пользе своей вопреки:
Снимает она сапоги торопливо,
Хотя далеко-далеко до реки.
В кустах еще заяц — котел она ставит...
Но кто же научит ее, кто поправит?

По улице, вижу, идет моя страсть,
Поклажей меня нагрузив нестерпимой.
В любое мгновенье могу я упасть,
Но страсть не дает мне свиданья с любимой.

Любовь для меня стала истинным злом:
Меня оседлала ослиным седлом.

Но что же мне делать? Разумным советом
Кто может, кто в силах безумцу помочь,
Когда для меня стала солнечным светом
В семье незнакомой рожденная дочь!

О МОЕЙ ЛЮБИМОЙ

Люди, я скажу вам речь —
Пусть народ меня услышит.
Страсть моя горит, как печь,
Грудь моя любовью дышит.

Слушайте меня, друзья,
Не судите слишком строго.
Вышла девушка моя
За быка — и то без рога!

С детства мне она мила,
Душу ей готов отдать я,
Но подруга приняла
Чужака в свои объятья.

Вот она сидит на пне —
У ручья свежо, прохладно, —
А не знает об огне,
Что меня съедает жадно.

Иней жжет цветы всегда,
На лугах ложится свежих, —
Точно так же и беда
К нам приходит от приезжих.

Разве для тебя отец
Мужа не нашел меж нами?
Где же ищет он, глупец,
Красно-золотое знамя?

Не глядит на нас твой род,
Снисходителен к пороку,
Украшать не устает
В астраханский шелк — сороку.

Мне ль подругу упрекать? —
Не задам тебе вопроса,
Но твою хочу я мать
Сбросить с горного утеса!

Дочь идет куда велят —
Вот обычай наш проклятый.
Нет, не сердце, а булат
У подкупленного свата!

Что случится с полотном,
Сотканным в Туркменистане,
Коль стирать его начнем
У дубильщика в лохани?

Разве будет в этом толк,
Если в бурю, нам на горе,
Платье — разноцветный шелк —
Мы повесим на заборе?

Разве странно, что земля
В мрак полночный погрузилась,
Если лампа короля
Неожиданно разбилась?

Чайником халиф владел;
Хоть фаянсом любовался,
Но к посуде охладел,
Так как носик отломался.

Сразу потускнел мой взор,
Сразу помутился разум
В день, когда упал шатер,
Что прославлен всем Кавказом.

В день, когда и у орла
Выпали из крыльев перья,
Жалость острая вошла
Даже в злое сердце зверя.

Но когда благой творец
Помогать народу станет,
Я надеюсь, что мертвец
Из могилы вдруг воспрянет.

Если жаба смерть несет
Горделивому павлину,
То и я пущусь в полет
На высокую вершину.

Ту красавицу, чей взгляд
Наши горы озаряет, —
Словно дикий виноград,
Пес паршивый раздирает.

Та кукушка, что поет,
Дождь весенний предвещая,
Червяку попала в рот,
Словно лебеда сухая.

Злой стервятник, подлый вор,
Впился жадными когтями
В куропатку наших гор
С золотистыми глазами.

Пчелка, что сбирала мед
Благодатный и пахучий,
Под ежом лежит и ждет,
Что убьет ее колючий.

Властелинов знатный круг
Грезил о моей подруге,
Но общипанный петух
Ныне взял ее в супруги.

Я цветком тебя зову,
Мне тебя до боли жалко:
Ты выходишь за сову
С клювом длинным, точно палка.

За могучего орла,
Что расправил гордо крылья,
Ты пичужку приняла,
Высохшую от бессилья.

Что за чушь! Ишак худой,
Глупый, маленький уродец, —
Ныне встречен он тобой,
Как индусский иноходец!

В кляче, что бредет в пыли
На посмешище народу,
Ты и родичи нашли
Аравийскую породу.

Не бычок ли к нам идет,
Залезает в саклю сдуру?
Воздают ему почет,
Словно кесареву туру!

Жалкой лодке из гнилья, —
Только глянешь — смех и горе, —
Дали званье корабля,
Что переплывает море.

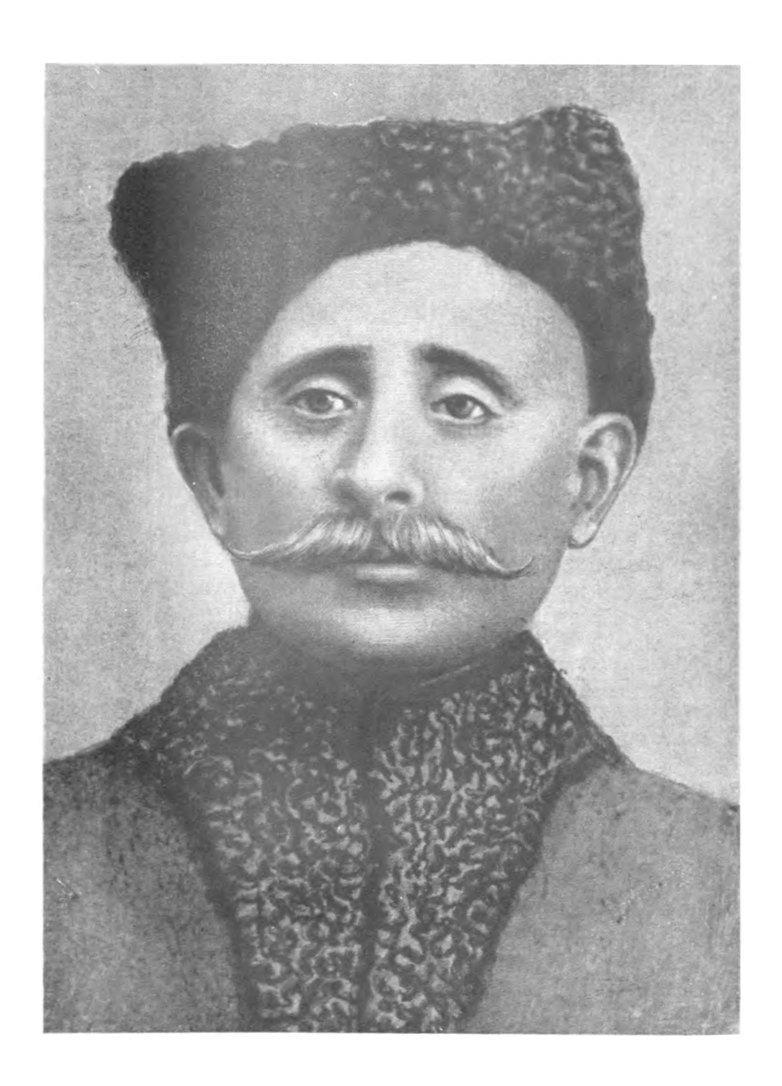
Ты медовый наш настой,
Ты хмельной напиток сладкий
Спутала с бузой густой,
Выпив мутные остатки.

Думала приобрести
Кутаисскую корзинку,
А тебе пришлось брести
С грубым ящиком по рынку.

К золотой парче стремясь,
К драгоценности Китая,
Ты сейчас купила бязь,
Шелком эту дрянь считая.

Как мечтала ты купить
Зингеровскую машину,
А сейчас надела нить
На корявую дубину!

Я на свете всех глупей,
Бог меня умом обидел, —
Неужель не видно ей
То, что даже я увидел?

Я нескладно говорю,
В мире нет глупей творенья,
Но и я не посмотрю
На достойное презренья.

Всё еще к тебе стремлюсь,
По тебе еще тоскую,
Никогда я не женюсь:
Не могу любить другую.

Есть красавицы у нас,
Отыскать я смог бы счастье,
Но твоих не вижу глаз, —
Рвется грудь моя на части.

Тридцать народи детей,
Стань ты ста мужьям женою, —
Будешь ангелов милей:
Не сравняются с тобою.

Разводись ты каждый день
И рожай ты еженощно,
На тебя не ляжет тень:
Ты чиста и непорочна.

Не поймешь моих речей —
Так спроси у той совета,
Что догадливей, мудрей:
Не оставит без ответа.

Сможешь ты меня понять,
Боль мою, мои мытарства:
Всё тебе расскажет мать,
Совершившая коварство.

Солнце прячется во мгле,
Но дождемся мы восхода.
С тем, кто должен спать в земле,
Добивайся ты развода.

Как лекарство яд неплох —
Раны исцелит на славу.
Чтоб твой муж, твой пес, издох,
В пищу положи отраву.

Хитростью своей лиса
Сбросит пса с высокой кручи.
Как в постель уложишь пса —
В саван заверни получше.

Тех, кого нечистый дух
Обуял, на цепь сажают.
Мужу — распусти ты слух —
Мрак безумья угрожает!

Кто же вырвет из репья,
Кто спасет твое сердечко,
Белошерстая моя,
Сладкотелая овечка!

Что же делать мне с тобой?
Не идти же на уступки,
Если стянута петлей
Ножка тоненькой голубки!

Чтобы яблоню трясти
Над рекой, возьми корзину.
Чтобы волю обрести,
Смелого найди мужчину.

Без боязни вступит в бой
Воин, славою покрытый.
Друг с отважною душой
Станет для тебя защитой.

ИЗМЕНА ПОДРУГИ

Чертог моих пылких желаний разрушен.
Подруга остыла, иль я равнодушен?
В руины моя превратилась мечта.
Не тот уже я, иль подруга не та?

Заняться бы нашей любви описаньем,
Но перьев не хватит всей русской страны.
Когда бы к твоим пригляделись деяньям,
То были б и демоны поражены.

Пословицей стали в горах Дагестана
Она и ее полюбивший глупец.
Любовь, ты горька для горячих сердец:
Она изменилась, а ты постоянна.

О нашей любви повторяют рассказ,
Мы повестью стали о страсти и горе.
Забыть не могу я, хотя мы и в ссоре,
Упругий твой стан и сияние глаз.

Увижу я солнце, и утренний воздух
Мне хочется бодрой душою вдохнуть,
Но лишь о погаснувших вспомню я звездах,
И скорбь и унынье вонзаются в грудь.

Я мир ненавижу земной и загробный,
И к прелестям жизни утратил я вкус,
С тех пор как взвалила ты с хитростью злобной
На плечи мои этот горестный груз.

Влюбись в меня дивная гурия рая,
Не стал бы светлее мой сумрачный взор.
Надежды не зная, живу я страдая,
С тех пор как нарушила ты договор.

Вдова будет послана свыше пророком —
И то усомнюсь в ее чести не раз.
Мне сотен красавиц дороже твой локон,
А ты меня в трудный покинула час.

Я бросил аул, где душа трепетала,
«Прощайте!» свиданьям ночным говоря.
Спустился я с гор, где любовь расцветала,
Не надо мне, ночь, твоего покрывала, —
Теперь пусть над нами сияет заря!

Нахлынет потоп, но любовь разгорится,
Разрушится мир, но любовь не умрет...
Виною всему твой заносчивый род:
Я с ним никогда не смогу примириться.

На девушек, как на собак, я гляжу
С тех пор, как «прощай!» ты сказала впервые.
С тех пор, как, тобою покинут, брожу,
На женщин гляжу, как на шкуры свиные.

Уходит стрелою настигнутый зверь,
Умрет он в лесу, потеряв свою силу,
Кончается день, — ухожу я в могилу...
Другого, быть может, полюбишь теперь!

Казались мне речи твои золотыми,
Но были они медяками простыми.
Серебряным ты мне сияла лицом,
Но сердце свое налила ты свинцом.

Виновна ли ты, что на жалкой арене
Учил я тебя? Нет, я сам виноват!
Постигла ты строки чудесных творений,
Уста твои людям законы гласят.

Ты каждую знаешь любовную повесть,
Ты все прочитала их наперечет.
Как жадно ловила ты каждую новость
О том, что прошло, и о том, что придет!

В арабских легендах ты ищешь отрады,
Они говорят ежедневно с тобой,
И книга бессмертная Шахразады
Склонилась к ногам твоим смирной рабой.

Ты в мненьи людском оправдаться стремилась,
Прибегла ты к злобе, коварству и лжи.
Измене молилась, обману молилась, —
Какого же рая ты жаждешь, скажи?

Как видно, любовь не приводит ко благу:
Сегодня — удача, а завтра — вражда.
Она дождевую напомнит нам влагу,
Но сладкая скоро прокиснет вода,

Отравит безумца бесовским дурманом...
Нет, с бурею горной любовь я сравню!
То вспыхнет зарей, то нависнет туманом,
Подобно неверному вешнему дню.

Держал я в объятиях стан твой упругий,
А утром пройдешь, не заметив меня.
Всю ночь до рассвета провел я с подругой,
Но слова не скажет мне, встретив меня.

Луне, что скрывается под облаками,
Во мгле полуночной блистать не дано.
Когда б я тебя не прославил стихами,
Забыта была бы людьми ты давно.

Где черные тучи нависли сурово,
Там трудно пробиться дневному лучу.
Уж если с тобой говорить не хочу,
От встречных людей не дождешься ты слова!

Чертоги любви я воздвиг на земле,
А сам под забором лежу я в ненастье.
Построил я царственный мост нашей страсти,
Но рухнул мой мост, я один на скале.

Любви посвятив свою душу всецело,
С пустыми руками я ныне стою.
В озерах желания плавал я смело,
К засохшему ныне стремлюсь я ручью.

Что дал мне разрыв мой с подругой жестокой?
По крышам я буду ходить под луной!
Скажи, что дала мне разлука с тобой?
Постель одинокую, дом одинокий!

У юношей, жаждущих страстной любви,
В сердцах прозвучат мои песни живые,
И девушки, что полюбили впервые,
Оплачут печальные песни мои.

Умру я, но песню любви неизменной
Оставлю народу во всей чистоте.
Я верю: влюбленные, в час вдохновенный,
К моей устремятся надгробной плите...

* * *

Райский сад не стану славить,
От него меня избавь.
Можешь рай себе оставить,
Мне любимую оставь.

ПИСЬМО ИЗ КАЗАРМЫ

Скорбью сердца делюсь я с почтовой бумагой,
Я голубке прошенье свое подаю.
Стали слезы разлуки чернильною влагой,
В каждой буковке страсть начертил я мою.

Я подруге пишу драгоценные строки,
Кровью, пламенем, вздохом слова разубрав.
Легок, ясен язык, смысл прозрачен глубокий,
И сверкают стихи, как цветы среди трав.

Солнце мира и месяц, что нежен и светел,
Позовите ее голосами лучей!
Облака, снизойдите, молю тебя, ветер, —
Принесите мне весть о подруге моей!

Ночь проходит — за год ее должен считать я,
Я в объятьях любви — то стальные объятья!
Ветер страсти меня на дороге застиг,
Долгим месяцем каждый мне кажется миг.

Он проник в мою душу и тело, твой голос,
Разъедает мне кости, трепещет в крови,
А движенья твои, а улыбки твои, —
Не от них ли сознанье мое раскололось?

Не могли попрощаться мы наедине, —
Ах, зачем полюбил я подругу чужую?
Даже думать не хочет она обо мне,
Почему ж я по гурии рая тоскую?

Если б люди прославили сильную страсть,
Я бы стал над землею могучим владыкой.
Утвердил бы над миром я царскую власть,
Если б мир трепетал пред любовью великой.

Я решил, что могу я достигнуть луны, —
Разве я не глупец, разве я не тупица?
Обезумев, я с солнцем мечтаю сравниться!
О, как жалки потуги мои, как смешны!

По утрам ветерок я вдыхаю прохладный:
От подруги из рая пришел аромат.
Я пылаю, когда наступает закат,
И аул, где павлин обитает нарядный,
Где не знают ночей, вспоминается мне...
Но скажи мне: когда я сгораю в огне,
Ты не чуешь ли запах горячего пепла?
А когда в моем сердце вздыхает тоска,
Не дымятся ль, скажи мне, тогда облака?
Знаю, видишь ты их, ибо ты не ослепла!

Скоро осень, — какой же ты дашь мне ответ?
А зимою какие услышу я речи?
Новостей неужели по-прежнему нет?
Так и быть, шутникам улыбайся при встрече,
Над влюбленными смейся, безумцев губя,
Оставайся ты дома, с родными горами,
Но решенья пока не дождусь от тебя,
Буду я воевать, буду биться с царями.

Как начну я стрелять — задрожат короли,
Оглушу я стрельбой слух небес и земли!

Сколько в здешних местах есть красавиц
прелестных, —
Ты на свете одна для меня, ты одна.
Я слыхал песнопенья о девах небесных, —
Только ты мне мила, на земле мне нужна.

Но такая пора для тебя наступила,
Что найти тебе трудно бумаги клочок,
И, как видно, мой жребий настолько жесток,
Что на кончике перышка сохнут чернила.

Часто письма писали мне в прежние дни
Дорогие друзья, а теперь позабыли.
Как уехал я, — верно, решили они:
«Пусть погибнет солдат, пусть сгниет он
в могиле!»

Небосвод замутится зимою дождем,
Горы — снегом, а реки оденутся льдом;
Так устроено в мире, и знаю заране,
Что друзей я не вправе ни в чем обвинять.
Как неверный, Евангелье жажду понять,
Забывая, что истину ищут в Коране.

Неужель нет хороших людей на земле?
Неужель человечности нет в человеке?
Муха тоже летает, но муху вовеки
Приравнять не позволим к усердной пчеле,
И недаром в народе у нас говорится:
«Смел и крепок медведь, но хитрее — лисица».
Было время — с тоской вспоминаю о нем —
Веселился я ночью, а спал только днем.
Упрекаю себя и терзаю до боли,
Что по собственной воле живу не на воле.

Вас, друзья, не виню, сам во всем виноват,
Только ждет ваших писем, тоскуя, солдат,

Я за это в обиде на вас непрестанно:
Хоть бы весточку выслали из Дагестана!

Спал когда-то я сладко, а нынче меня
Будят ночью: седлай, мол, скорее коня!
Никому никогда не служил я покорно,
А теперь, если даже я честь отдаю,
Порицают меня и бранят меня вздорно...

Вы, друзья, изучили повадку мою,
Был подобен я вольному зверю в нагорье,
Ныне связан я крепко, я путы несу.
Я скакал, как олень златорогий в лесу,
Ныне я в западне, а в душе моей — горе.

Я от матери требовал, чтобы ко мне
Не впускала чужого она иль соседа,
Я спокойно любил размышлять в тишине,
За стеной мне мешала двух горцев беседа.
А теперь? Просыпаешься перед зарей —
Слышишь: «Смирна-а!» Сразу становишься
в строй,
Вдруг: «Отставить!» Расходимся. Сходимся снова.
Снова: «Смирна! Равняйсь!..»
Ласки здесь не ищи,
Хоть одно не исполнишь начальника слово —
В наказание десять винтовок тащи.
Если без разрешения выйдешь из строя,
То поставят «под шашку»...
Но славен аллах,
Я пока не замечен в подобных делах!
Если к вам не вернусь я весенней порою —
А по дому я сильно скучаю, не скрою, —
То, наверное, буду затоптан я в прах.

Ныне русские нам фельдшера приказали,
Чтоб лоскутья мы к саблям своим привязали,
А за поясом, как револьверы, у нас
Топоры и лопатки...
Твердят о походе,
Со штыками винтовки нам дали сейчас,
Что нуждаются в долгом и трудном уходе,

И повесили ножницы нам на ремне,
И накинули двести патронов на плечи...

Надоел я тебе, и простишь ли ты мне
Эти длинные, глупые, скучные речи?

Дорогая подруга, спокойно живи,
Повестей о войне — что узоров на ткани,
Но, увы, не люблю боевых описаний,
Если в них не идет разговор о любви.

* * *

На высокой вершине
Два влюбленных цветка
Наклонились друг к другу,
Но вовек не сплетутся,

А в глубокой теснине
Льются два родника,
Устремились друг к другу,
Но вовек не сольются.

МАРИАМ

О, как сердце мое сжигает тоска, —
Облака, облака, возьмите мой вздох!
Известите, прошу, небесную власть:
Пишет жалобу страсть, что я занемог!

О смятеньи души, о грозном огне,
Ветер горных вершин, всю правду открой,
Поравняйся с зарей, в ущельях кричи
И рассвету вручи письмо обо мне.

Мой проворный джейран, ты всем расскажи,
Что в горах ледяных оставил меня.
Златорогий мой тур, ты всем расскажи,
Что в оврагах глухих оставил меня.

Тяжкий жребий несу, ночую в лесу, —
Не являюсь ли я любимой во сне?
Я в безлюдье живу, забыт для земли, —
То не твой ли вдали платок промелькнул?

Есть в конторах листы, да кто передаст,
Если я напишу письмо о любви?
Серна скачет в горах, и мчится олень,
О тебе каждый день справляюсь у них.

За тобою везде брожу день за днем.
Я в народе родном пословицей стал.
Что постигло тебя? Взойди на крыльцо,
Хоть одно письмецо страдальцу отправь!

Я ни разу с тех пор очей не сомкнул,
Как покинул аул, простился с тобой.
Сон враждует со мной: «Не спи, говорит,
Без возлюбленной ты не вправе заснуть!»

Если в горных лесах заблудится зверь —
Иль найдет он тропу, иль гибель найдет.
Если сможет твой друг дожить до весны —
Иль обнимет тебя, иль в землю сойдет.

Где он, редкий покрой нарядов твоих?
Ты на крыше явись, лицо мне открой,
Ты в мечте отзовись на голос любви,
Мертвецов оживи дыханьем своим.

Замышляют войну цари, короли
И народы земли сзывают на бой,
Ну а я? Лишь тобой я занят всегда,
Лишь тебе посвятил я думы свои.

Солнца жар в колыбель твою не проник, —
Мне бы сердце раскрыть, смотреть на тебя.
Чудны речи твои, певуч твой язык, —
Мне бы сердце раскрыть и слушать тебя.

В день, когда на тебя хоть раз я взгляну,
Обратится в весну седая зима.
Если солнце зайдет, не скроется день:
Ты мне будешь светить — рассеется тьма.

Как луна ты взошла, для глаз не видна,
В раны сердца влила томительный яд.
Словно солнце зашло, но виден твой свет,
И опять я одет могильною мглой.

Надоело седло, не радует конь,
От погонь за тобой давно я устал.
Опостылел кинжал, я бросил ружье...
Где ты, солнце мое? Ослеп я совсем!

Без тебя мир земной — губительный яд;
Там, где ступишь ногой, там рай для меня!
Мне не нужен другой: твой пол земляной,
Крыша сакли твоей — вот рай для меня!

Где бы я ни бывал на русской земле,
О тебе вспоминал, искал твой портрет.
Целый свет обошел, его не нашел, —
Сердце отдал бы я за этот портрет!

На персидский базар не раз я ходил,
У евреев товар рассматривал я,
Все шелка разглядел на полках у них:
Я твой образ хотел в наклейках найти!

Я в театре бывал, смотрел на актрис,
Даже в синематограф как-то забрел,
Но тебя не обрел: дрожит полотно,
А тебя всё равно нет рядом со мной!

Не безумна ли страсть, не бред ли любовь?
Но какая же власть у этих безумств!
Ты сидишь взаперти, жалея людей, —
Где бы смог чародей тебя срисовать?

Лишь по праздникам, днем, выходишь на миг. —
Скрой скорее свой лик: мы сглазим тебя!
Долго ль странствовать мне по странам чужим?
Я увидел пустым вселенной базар.

Я прошел на войне по русским полям,
Вот я к рыжим чертям, к австрийцам попал.
Всюду здесь ты живешь, горянка моя:
И осанка — твоя, и гордость — твоя.

В каждом доме портрет висит на стене.
Я смотрю, это ты, сомнения нет!
Повторилась опять ошибка моя?
Нет, улыбка — твоя, и прелесть — твоя.

Так же телом нежна, как цвет на лугу...
Я смотрел дотемна — сломалась спина!
Обезумел совсем, лишился я сил,
И не вытерпел я, спросил у людей:

«Это чей на стене прекрасный портрет?»
Мне сказали в ответ: «Она — Мариам,
Что невинной была, Христа родила...»
Милосердный аллах! Различия нет:

Очертание лба, сияние глаз...
Я погибну сейчас, я вижу тебя!
Так же брови черны, улыбка чиста,
Лишь раскроет уста — услышу тебя!

Могут схожими быть две разных души, —
Почему же у вас одежда сходна?
Могут схожими быть уста и глаза, —
Как же создал вас бог из глины одной?

Нет, надежде моей не сбыться вовек,
Этот день навсегда прошел для меня.
Мне Полярной звезды не видеть вовек,
Эта ночь навсегда прошла для меня.

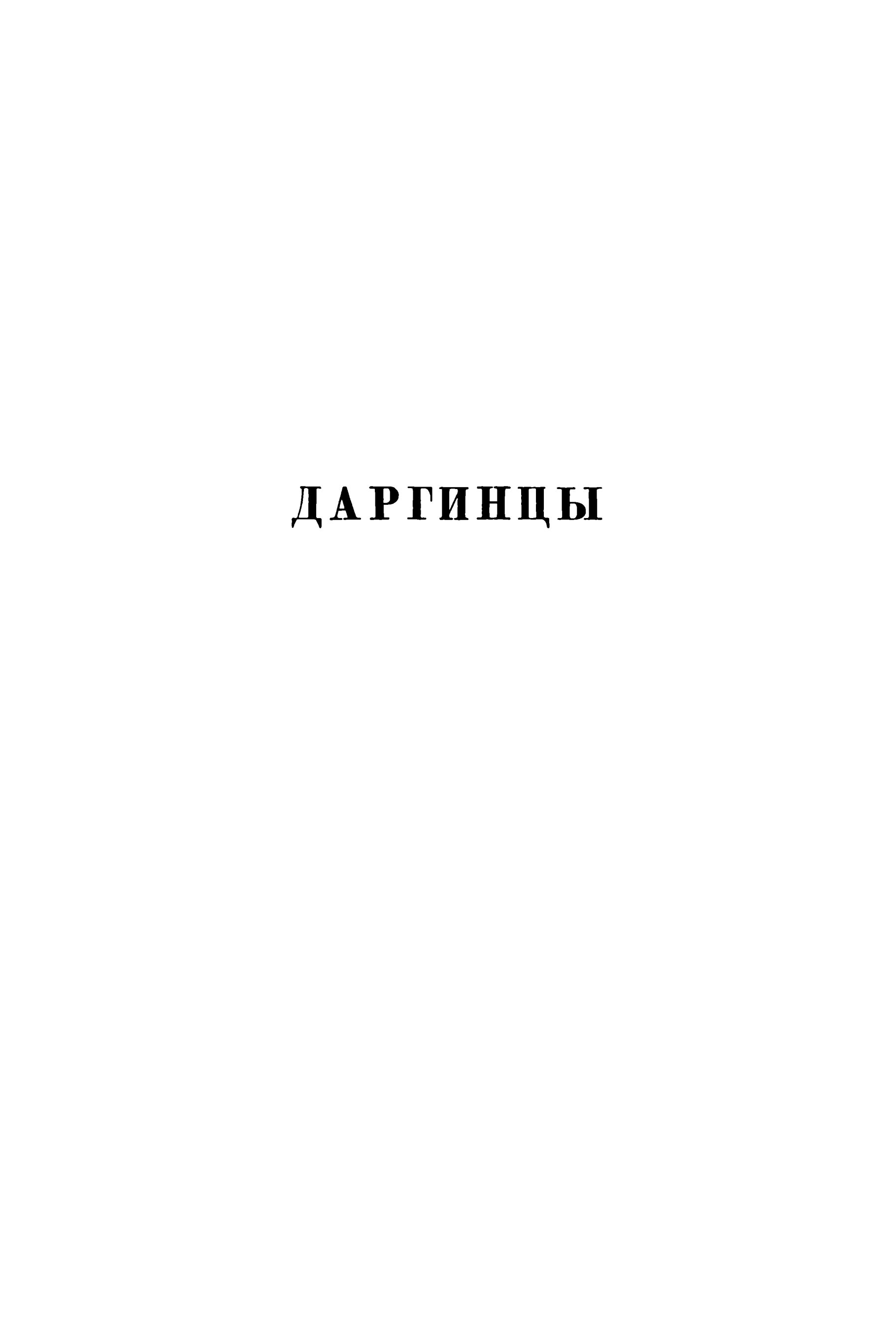
Молодая пчела цветами долин
Насладиться спешит, но сока не пьет.
Наслаждаюсь тобой, вдали от тебя,
Побеждаю, любя, того, кто с тобой.

Христиане в мольбе взывают к тебе,
Осеняя крестом и сердце и лоб,
Всюду, в каждом углу, светильники жгут,
Поклоняясь, хвалу возносят тебе.

Я любуюсь тобой, меж ними стою,
Но поклонов не бью, киваю тебе.
Пусть бездушный портрет висит на стене,
Но ему, как тебе, почет воздаю.

Уголь в топке горит, пылает накал,
Но, придя на вокзал, стоит паровоз!
А со мною судьба сраженье ведет:
Шаг назад — шаг вперед, вперед и назад.

Было так, будет впредь... Стерпи, говорят.
Что же, надо терпеть! А долго ль терпеть?
От любимой с письмом никто не идет.
А бывало... Молчи, забудь обо всем!

ДАРГИНЦЫ

БАТЫРАЙ

Точных сведений о жизни Батырая собрано мало. В 1934 году Ибрагим Омаров со слов сыновей поэта записал основные факты его биографии. Родился Батырай около 1831 года в селении Урахи. Отец поэта Омар-Сулейман-оглы служил нукером у хана Джамава. Сыну он дал саклю, небольшой надел земли, пару быков и коня. Батырай, как и все крестьяне, трудился на своем клочке земли. Тридцати лет Батырай женился. Он любил Аминат — девушку из влиятельного рода Капи. Отдать ее за простого хлебопашца родные не хотели. Батырай увез любимую и поместил в чужом ауле у надежных людей, охраняя ее и заботясь о ней. Но и после этого разгневанная родня девушки еще целый год не давала своего согласия на брак. Вмешались влиятельные покровители поэта и помогли привести к благополучному концу затянувшееся сватовство.

Батырай был беден всю жизнь и по смерти оставил сыновьям большие долги. В своих песнях о странствиях он сам с юмором и грустью рассказывает о вечной нужде, гнавшей его из дому в поисках средств для содержания семьи.

Слагать песни Батырай начал с пятнадцати лет. Он был неграмотен и стихи обычно складывал экспромтом, импровизируя под звуки чунгура, на котором превосходно играл. Охотно принимал участие в поэтических соревнованиях и лишь однажды был побежден кубачинским поэтом Ахмедом Мунги. Говорят, что он никогда не повторял дважды уже спетого. Каждое его слово на лету подхватывалось и оставалось жить в народной памяти.

Батырай слагал героические и любовные песни, пел о крестьянской судьбе, о труде пахаря. Его любовные песни отличались такой силой, что, по преданию, ему запрещали петь в присутствии женщин. Нередко в своих стихах он острым словом задевал старшин и богатеев. За такие песни оскорбленная аульная знать наказывала его штрафом: у него резали быка. Как свидетельствуют сыновья поэта, Батырай поплатился семью быками (сам он в песне вспоминает о шести). Желая послушать смелые обличительные песни своего любимца, крестьяне, случалось, заранее покупали для него вскладчину штрафного быка.

Умер Батырай в 1910 году и похоронен на хуторе Ая-Махи.

Его песни, вошедшие в фольклор, записаны вскоре после Великой Октябрьской революции Абдусаматом Алиевым и другими знатоками даргинской поэзии. Принадлежность их Батыраю устанавливают по особенностям языка и стиля; печать авторской индивидуальности на них отчетлива. В народе же у даргинцев обычно все лучшее в устной песне приписывается Батыраю.

Впервые книга стихов поэта была издана в Махачкале в 1928 году. В 1935—1939 годах Эффенди Капиев перевел произведения Батырая на русский язык, часть из них вошла в сборник «Песни горцев» (М., ГИХЛ, 1939). В 1947 году Дагестанская научно-исследовательская база Академии наук в Махачкале выпустила переводы Э. Капиева полностью, отдельной книгой.

Значение творчества Батырая для литературы даргинцев чрезвычайно велико. Его называют «отцом даргинской поэзии».

ГЕРОИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

* * *

В среброкованой броне
Был ты матерью рожден,
И египетский клинок
Был положен для забав
В колыбель твою отцом.

* * *

Джамав-хана табуны
Угоняешь ты один,
Быстроногого коня
Обладатель-молодец.

Затмеваешь лунный свет
Ты доспехов серебром,
Ослепительной брони
Обладатель-молодец.

От рожденья ты герой,
Друг отважных храбрецов,
И взрастил тебя отец
Всем трусливым на беду.

* * *

Ты руками в плен берешь
Волчьи стаи на степях,
Ловишь сокола конем
На подъемах Эндери.

Коль в пути застанет ночь —
Вся земля тебе постель,
Одеяло — небеса —
Серебром расшитый шелк.

* * *

Гриву чудища схватив,
Без седла летишь в набег,
Вместо плети сгоряча
Взяв за голову змею.

Конь, объезженный тобой,
Рушит горы на скаку.
Взмахом плети достаешь
В дальнем небе облака.

Как от бури задрожит
Трус, настигнутый тобой,
И клянусь я: темен свет,
Если подвиг твой неправ.

* * *

Там, где конь стреножен твой,
Круглый год цветут цветы,
В светлой горнице твоей
Шахбагдадские ковры.

Твой неугомонный конь
Чистым кован серебром,
Сам ты в золото одет,
Мой прославленный герой.

* * *

Грудью своего коня
Ты укроешь караван,
Твоего оружья тень
Скроет войско под собой.

Ворочан переплывя,
Сух останется твой конь.
На Самур придя в грозу,
Ты уйдешь в сухой броне.

* * *

Время ль трудное придет,
Против ста — один пойдешь,
Взяв египетский клинок,
Заостренный, как алмаз.

Если встретится беда,
Вступишь с тысячами в спор,
Взяв кремневое ружье,
Всё в насечке золотой.

Не уступишь ты врагам,
Не наполнятся пока
Темной кожи сапоги
Красной кровью через край.

* * *

Пусть у храброго отца
Не родится робкий сын,
Ибо должен будет он
Дать отпор врагам отца.

Пусть у робкого отца
Не родится храбрый сын,
Ибо должен будет он
Разделить позор отца.

* * *

Снова да живет герой.
Ну а если суждено —
В день кончины храбреца
Пусть и конь его падет,
Чтобы трус не оседлал,
Чтоб не чванился подлец:
Дескать, деньги заплатил,
Дескать, чем я не джигит.

Пусть всегда живет герой.
Ну а если суждено —
В час кончины храбреца
И невеста пусть умрет,
Чтобы трус не ликовал,
Чтоб не сватался наглец:
Дескать, чем я не жених,
Дескать, кто мне не чета.

* * *

Нет, прославленный герой
На кладбище не лежит,
И надгробья храбрецам
Ставят на краю дорог.

Коротка героя жизнь —
Лет, примерно, двадцать пять:
Коль не сгубят чужаки,
Царь на каторгу сошлет.

ЛЮБОВНЫЕ ПЕСНИ

* * *

Я ношу в груди огонь,
Гибель сеющий в лесах,
Но когда, не знаю сам,
Он испепелит меня.

Разрушительницу гор —
Бурю я ношу в глазах,
Но когда, не знаю сам,
В прах сметет она меня.

* * *

Знал я, что была ты там,
Знал, что шла ты по жнивью,
Краснобедрая лиса,
Но не знал я, что легко
Может всяк тебя загнать,
Кто охотником слывет.

Если б знал я, что тебя
Может каждый залучить,
Я б немедля взял борзых,
Взял кремневое ружье,
Всё в насечке золотой,
И пошел бы за тобой.

* * *

Знал я, что была ты там,
Знал, что в лавке ты лежишь,
Златотканая парча.
Но не знал, что так легко
Может всяк тебя купить
У беспечных торгашей.

Если б знал я, что тобой
Может каждый обладать,
Красным золотом карман
Я б наполнил и пошел
Приторговывать тебя,
Чтоб купить любой ценой.

* * *

Наша первая любовь
Так рассеяна тобой,
Как войска, когда у них
Вдруг не станет главаря.

Я ж любовь свою храню,
В сердце каменное влив,
Как расплавленное льют
Кубачинцы серебро.

Наша страсть — цены ей нет —
Так развеяна тобой,
Как имущество, когда
Нет наследников ему.

Но свою сберег я страсть,
В тело крепкое вогнав,
Как вгоняют гвозди в сталь
Амузгинцы-мастера.

* * *

Серый волк в лесной глуши,
Будь товарищем моим,
Чтоб тропой твоей я мог
Скрыться от людской молвы.

Черный коршун в облаках,
Стань мне другом до поры,
Чтоб, не оставляя след,
Мог по селам я пройти.

* * *

Да погибнет твой Бидав,
Твой прославленный скакун,
Чтобы так же, как мое,
Сердце высохло твое.

Да покроет злая ржа
Твой испытанный мажар,
Чтобы так же, как мои,
Очи плакали твои.

* * *

Мне заморская лиса
С красноватою спиной
Пишет письма, чтоб ее
Перевез я в этот край.

«Чтоб тебя перевезти,
Разве я, как армянин,
Пароход арендовал
С сорока огнями в ряд?»

Златотканая парча
На общественных торгах
Просит выкупить ее,
Щедро деньги заплатив.

«Чтобы выкупить тебя,
Разве я в аренду сдал
Весь Баку и весь Сальян,
Словно царский казначей?»

* * *

Если выйдешь ты за дверь,
Точно солнце из волны, —
Как над морем камыши,
Тело вздрогнет у меня.

Если выглянешь в окно,
Как луна в просветы гор, —
Точно птица в камышах,
Взор трепещет у меня.

* * *

Оттого, что влюблены,
Нет добра нам, добрый друг,
Коль разлучены сердца,
Как вершины снежных гор.

Если б можно было нам
Так сердца соединить,
Как в стволе ружья слиты
Пуля с порохом в одно!

Оттого, что страсть влечет,
Нет нам света, светлый друг,
Коль разлучены тела,
Точно с морем выси гор.

Если б можно было нам
Так тела соединить,
Как египетский клинок
Входит в плотные ножны!

* * *

В предрассветный дождь весной
На порог не выходи:
Могут псы тебя принять
За красавицу лису.

В бурю полночи глухой
На крыльцо не выходи:
Может вор тебя принять
За красавца-скакуна.

* * *

Да не встретится любовь
Там, где ей не суждено,
Ибо жалости в любви
Нет, как в пасмурных лесах
Жалости у волка нет
К уворованной овце.

Да не будет страсть сильна
Там, где быть ей не дано.
Ибо беспощадна страсть,
Как к закованному в цепь
Горцу в каторжной тюрьме
Беспощаден белый царь.

* * *

Я б хотел иметь коня,
С сердцем схожего твоим,
Чтоб в султанском чепраке
Конь у стойла ждал меня.

Я б хотел иметь броню,
Как сверканье глаз твоих,
Чтоб в турецких торжествах
На параде первым быть.

* * *

Есть в Египте, говорят,
Наша давняя любовь:
Там портные-мастера
Режут выкройки по ней.

Есть, по слухам, в Шемахе
Страсть, что нашею была:
За нее в обмен купцы
Деньги белые берут.

* * *

Если б мной ты увлеклась,
Как тобой я увлечен, —
В самый знойный летний день
Льдом покрылась бы река.

Если б полюбила ты
Так, как я тебя люблю,
В самый лютый зимний день
Лед покрылся бы травой.

* * *

Эта черная коса
Обвила Дербент вокруг,
Лоб, как месяц из-за туч,
Светит ночью городам.

Брови тонкие на лбу
В мудрецах рождают страсть,
А глаза из-под бровей
Ранят в сердце храбрецов.

* * *

Ой, глупышка, посмотри,
Видишь, льдом покрыта дверь:
Это я вздыхаю здесь,
С той поры как полюбил.

Ой, бедняжка, погляди,
Бьет родник в моем дворе:
Это я здесь слезы лью,
С той поры как увлечен.

* * *

Я иль дом твой повалю,
Как гроза валит хлеба,
Или в жизнь твою ворвусь,
Как войска в Нарым-Калу.

Или я в Сибирь уйду,
Как на Астрахань корабль,
Иль сойду в могилу я,
Как солдат заходит в храм.

Но тебя, мой светлый рай,
Так иль этак я добьюсь.

* * *

Разве ты наиб Дарго,
Чтоб ссылаться на тебя?
Чтоб в глазах твоих читать,
Разве ты святой Коран?

* * *

Я обвит бедой вокруг,
Как Дербент глухой стеной,
Горем горьким окружен,
Как морями белый свет.

О страдания мои,
Вы — страданья беглеца,
Что, покинув отчий дом,
В скалах прячется немых.

* * *

Черный коршун со скалы
Мне садится на плечо,
Просит он, чтоб отдал я
Выпить очи подо лбом.

«Черный коршун со скалы,
Ты не вовремя пришел:
Я, с тех пор как полюбил,
Сам от жажды выпил их».

Черный змей с глухой реки
Заползает мне на грудь,
Просит он, чтоб отдал я
Сердце сахарное съесть.

«Черный змей с глухой реки,
Ты не вовремя пришел:
Я, с тех пор как увлечен,
Съел от голода его».

* * *

Если б люди от тоски
Покидали свой аул,
Раньше, чем они свой дом,
Я б покинул белый свет.

Если б от любовных дум
Пропадала голова,
Я б, наверное, давно
В землю черную сошел.

* * *

Телеграфный столб в пути —
Гордо поднятый твой стан.
Ослепительны глаза,
Как фарфоровый стакан,
Брови — точно в два ряда
Вдоль стаканов провода.

* * *

Лишь о золоте твердит
Обладатель трех рублей,
Щек твоих румяный блеск
Не затмит ли сто монет?

Об отарах говорит
Обладатель трех овец,
Черный лоск твоих волос
Не сразит ли сто отар?

* * *

«Нет во мне любви теперь,
Я ведь замужем теперь».

— «О, неправда, — ты горишь,
Ты пожар в себе таишь:
Кто любил однажды, в том
Всё горит былым огнем!»

* * *

Ах, как скомкано тоской
Тело крепкое мое.
Я бессильней, чем батрак
После тягостной страды.

Ах, как пышно и свежо
Тело юное твое.
Ты — как лань, что на горах
Хан желал бы подстрелить.

Ах, как страшно тяжелы
Ноги крепкие мои,
Точно ноги у быка,
Что всю зиму голодал.

Как же трепетно легки
Ноги стройные твои,
Точно быстрые в ходьбе
Ноги козочки степной.

* * *

Говорят, что каждый год
Настает любви черед
И небесный свод к земле
Страсть взаимная влечет.

Как же им любить дано?

С высоты небесной той
Дождь струится золотой;
В лоно впитанный землей,
Насыщает он любовь.

Так любить им суждено.

Говорят, что каждый год
Настает любви черед
И вершины снежных гор
К морю дальнему влечет.

Как же им любить дано?

Тает снег, ручьем бежит,
В море тот ручей спешит,
Море жемчугом кипит,
Насыщая страсть вершин.

Так любить им суждено.

Но меж мною и тобой,
Вперекор молве людской,
Как меж морем и горой,
Как меж небом и землей,
Ни зимой и ни весной
Что-то не видать любви.

* * *

У двухсот и у двоих,
Говорят, была любовь,
Но лишь двое, говорят,
Из двухсот и из двоих
Испытали ту любовь.

Из двухсот и из двоих,
Ой, желал бы быть вторым!

У трехсот и у троих,
Говорят, возникла страсть,
Но лишь трое, говорят,
Из трехсот и из троих
Пережили эту страсть.

Из трехсот и из троих,
Ой, желал бы третьим быть!

* * *

Под бумажно-белым лбо́м
Брови темны, как агат,
И под тенью от бровей
Точно яхонты глаза.

Из серебряных монет
Ожерелья на груди,
Схвачен кисти перламутр
Синей вышивки волной.

Точно светлый летний день,
Ты стоишь передо мной,
Ослепив мои глаза
Блеском юности твоей.

* * *

Говор многих слышу я,
Но тебя не слышу я,
Песен ласточки, похожих
На твой смех, не слышу я.

Много женщин вижу я,
Но тебя не вижу я,
С телом схожего твоим
Тростника не вижу я.

* * *

Пусть сожжет наша любовь
Между нами перевал,
Чтоб, едва подняв глаза,
Нам друг друга увидать.

Пусть сравняет наша страсть
И ущелья и хребты,
Чтоб, едва заговорив,
Нам друг друга услыхать.

* * *

Так осматриваю я
Каплю каждую с небес:
Может, упадет с дождем
Талисман моей любви.

Так считаю по весне
Каждый стебель на полях:
Может, выйдет из земли
Фиолетовый цветок.

* * *

Ты, не смевшая поднять
Даже краешек платка,
На кого, подняв глаза,
Смотришь ласково теперь?

Ты, робевшая надеть
Башмачки, что я купил,
В этих красных башмачках
С кем осмелилась уйти?

* * *

Видно, в округе любовь
Только наша и была:
Люд, как в сушь земля дождем,
Пересудами не сыт.
Видно, только наша страсть
И была во всем селе:
Как солдаты на часах,
Нас соседи сторожат.

* * *

Как ты смотришь свысока,
Чванясь блеском черных глаз,
Но ведь самый черный конь
В стойле привязью стеснен.

Как небрежно ты идешь,
Грудью белою гордясь,
Грудь у ласточки белей,
Да недолог птичий век.

* * *

Ты со всяким говоришь
Точно кадий. Может быть,
Для твоих учеников
Я гожусь в учителя?

Строй друзей имеешь ты,
Точно воин. Может быть,
В знаменосцы я гожусь
Для отряда твоего?

* * *

Чтобы вечно и всегда
О тебе лишь говорить,
Уж не серебро ли ты
И не дерево ли я?

Чтобы всюду и везде
За тобою лишь ходить,
Уж не золото ли ты,
Не железо ль Батырай?

ИЗ ПЕСЕН О СЕБЕ

* * *

Больше, чем в лесу ветвей,
У меня друзей вокруг.
Полагая встретить их,
Вышел из дому один,
Ой, Омара Батырай!

Свет большой я обыскал
И прошел через Хайдак.
Песни пел и пил вино,
Кейфовал в пути не раз.

Но, обратно повернув,
Я дошел до Сираги
И попал на пышный пир
В том селеньи Сираги.

«Ассаламун-алейкум,
Сирагинский старшина!»
— «Ваалейкуму-салам,
Урахинский Батырай!
Слезь с коня, остановись,
Гостем будешь у меня».
Слез, остановился я, —
Свадьбу ближе посмотреть,
И когда мне поднесли
Черный хлеб полусырой
И вонючий козий сыр,
Приказал мне старшина:
«Спой-ка песню, Батырай!»

— «Песню, что привык я петь
Под чуллинский мой чунгур,
Лишь когда передо мной
Ставят красное питье,
Как же я спою теперь,
Если предо мной стоят
Черный хлеб полусырой
И вонючий козий сыр? ..

В поясницу бы тебе,
Сирагинский старшина,
По кривую рукоять
Аль-Асхаба Зульпухар!»

Оглянулся я кругом,
Сердце сжалось, и тогда
Песню я такую спел:

«Свадьба ваша хороша,
Сами тоже хороши,
Да чтоб песню вам найти,
Свет весь надо обыскать.
Спел я песню для тебя,

Получай и отойди,
Сирагинский старшина!»

Так покинул свадьбу я,
Сел верхом и ускакал,
Оставляя за собой
Злобный крик и суетню.
До Мугри доехал я
(Путь мой лег через него),
Там как раз собрался сход,
Чтоб проверить баранту
И за пастбища внести
Причитающийся сбор.

«Ассаламун-алейкум,
Эй, мугринский старшина!»

— «Ваалейкуму-салам,
Урахинский Батырай!
Слезь с коня, остановись,
Гостем будешь у меня».

— «О мугринский старшина,
Знаю цену я словам:
Просит искренне один,
Для приличия другой».

И, сказав спасибо им,
Тронул дальше я коня.
Как долинная лиса,
Что от голода грызет
Тело тощее свое,
Зол и голоден, один,
Я приехал в Урахи.

«Ассаламун-алейкум,
О Абдусалам-Кади!»

— «Ваалейкуму-салам,
Ой, Омара Батырай!
Долго ль пробыл ты в пути,
Всё ль исполнил, что хотел?

Не устал ли; расскажи,
Где и что ты испытал?»

— «Нет, устать я не устал,
Брат Абдусалам-Кади.
Как ладья среди камней,
Потолкался было я
Среди всех своих друзей,
Но в подарок кунаку
Даже худшего, связав,
Дать барана не смогли!
Не наложишь ли ты штраф
На бесстыжих богачей?
А не то я сам пойду,
Вызвав темных молодцов,
Чтоб ограбить богачей,
Только ты благослови».

Вот вернулся я домой
На окраину села
И в знакомом кумаги
Песню новую запел:

«Скучно в горнице пустой,
Муж уехал далеко». —
Так сказав, ушла жена,
Ибо я от разных бед
Стал несчастным бедняком.
Если возвращаюсь я
Полон, как листвою лес, —
Как магнит к железу льнет,
Будет льнуть ко мне жена.

Если ж я вернусь пустым,
Как долинная лиса,
Что от голода грызет
Тело тощее свое, —
Как туман в ненастный день,
Остаюсь я во дворе:
Вытряхнет меня за дверь
Ненаглядная жена.

Где мне думать о семье!
Даже ситцу три кара,
Даже ляжку от козы,
Хлеба черного кусок
Не найти мне, бедняку,
Чтоб жениться на вдове».

Так ни с чем я и пришел.
Сел на крыше, на краю,
На колени взял чунгур
С перламутровой резьбой.
Посмотрел по сторонам,
Вижу — рядом во дворе
Златоухий мой осел
Ест зеленую траву.

Ой, могучий джамаат!
Драгоценного тканья
Шерстяные дав ковры,
Ржи отмерив, не скупясь,
Меркой, признанной в селе,
Приобрел я для себя,
Чтоб поддерживал мой дом,
Столб под крышу золотой —
Златоухого осла.

Но насильно в этот раз
Отнят милый мой осел
Старой ведьмой, что внизу
На развалинах живет.
Пусть не вырастит село
Больше пшенного зерна.
Пусть лишится всех богатств
Ведьма, что живет внизу.

Песню, сложенную мной,
Услыхав, вскочила мать,
Привела ко мне во двор
Златоухого осла.

«Если никелем покрыть,
Медь сверкает белизной» —

Присказка такая есть
На равнине, говорят.
Даже матери жены
Я недаром песню спел.
Ой, Омара Батырай!

* * *

Я, бывало, песни пел,
Как была моя пора,
В шелк одевшись и в атлас,
На колени взяв чунгур
С перламутровой резьбой,
На высоких камнях крыш
Иль в почетных кумаги.

И когда, бывало, пел,
Резал моего быка
Каждой песнею моей
Оскорбленный джамаат.

В молодые дни мои
Шесть быков зарезал он,
Шесть бесхвостых бугаев
От коровы озорной.

Стало мне невмоготу.
И однажды, не стерпев,
Взял я легкий мой чунгур,
Гордо вышел в кумаги
И рукой коснулся струн:
«Будь неладен этот свет...
Что за скверная пора.
Конь у стойла позабыт,
А ячмень ослам дают!

Ой, даргинский джамаат,
Хоть совсем невинен я,
Точно книжное письмо, —

Почему ж я матерям
Красных девушек не люб?

Хоть безгрешен я совсем,
Как святой на небесах, —
Что ж косятся на меня
Жен красивейших мужья?

Будь неладен этот мир!
Или прежнего хочу?..
Где уж прежнего хотеть.

Иль в суде ищу отца?..
Где ж отца найдет в суде
Бесталанный сирота.

Мне б штрафных быков иметь
Больше, чем седых волос,
Чтоб старшинам Урахи
Каждый день давать троих».
Так тогда я песню спел,
Выйдя гордо в кумаги,
И даргинский джамаат
Песню штрафом обложил.
Что ж, пожалуй, мне не жаль,
Пусть зарежут, коль хотят,
И последнего бычка
От коровы озорной.

* * *

Ах, могу ль я песни петь,
Если мой высокий стан —
Стройный тополь средь кустов —
Нынче клонится к земле,
Как под инеем трава.

Ах, могу ль я песни петь,
Если гордое мое

Сердце сокола в груди
Сожжено печалью дней,
Солью горестей мирских.

Ах, могу ль я песни петь,
Если меткий мой язык,
Как у мудрецов седых
Прежде острый, стал тупым,
Точно выщербленный штык.

Ах, могу ль я песни петь,
Если ясные мои
Очи-луны подо лбом
Нынче тускло видят мир,
Как в подзорную трубу.

Ах, могу ль я песни петь,
Если вольные мои
Жилы злого скакуна
Болью скованы теперь,
Точно Волга зимним льдом.

Ах, могу ль я песни петь,
Если волосы мои,
Как у Камалул-Баши,
Черный ус и борода
Стали белыми, как снег.

Я, бывало, песни пел,
Как была моя пора.
В шелк одевшись и в атлас,
Весь в оружья серебре,
Сидя на коне лихом
Из шамхальских табунов.

Был в поступках волен я,
Как на пастьбе жеребец,
Брал лишь то, что вровень мне,
Низкорослое давя.
Как на пастьбе жеребец,
Растоптал я этот свет.

Как же я спою теперь,
Если тягостный недуг,
Если смертная печаль
В угол бросили меня,
Точно шубу сироты.

Ой, Омара Батырай!

СУКУР КУРБАН

Сукур Курбан родился в 1848 году на хуторе Хашаги. Незрячий от рождения, он рано потерял родителей и вынужден был скитаться в поисках пропитания с поводырем — двоюродным братом. «Сукур» — означает слепой. Складывать песни и петь их на аульных посиделках, на праздниках и пирушках Курбан начал с юности. Талант его был оценен, его полюбили, многие его песни вошли в устный обиход.

Сукур Курбан радостно встретил весть о революции. Партизаны, борющиеся против белых, возили его с собой, он вдохновлял их песнями. Известен поэт был не только у себя в горах, но и среди рабочих-отходников. Он ездил к ним в Кизляр, в Грозный, на равнины Прикаспия.

В 1922 году Сукур Курбан был отравлен на чьей-то свадьбе.

Башир Далгат — первый даргинский фольклорист — записал его произведения (как фольклорные «Цудахарские песни») и опубликовал в 1892 году в XIV выпуске «Сборника сведений для описания племен и местностей Кавказа». Принадлежность их Сукуру Курбану установлена была уже в наше время известным даргинским поэтом Рабаданом Нуровым, лично знавшим слепого певца.

ПРОДАННАЯ МЕСЕДУ

Прекрасная дочь Умахана,
Меседу на кровле спала
И, грезой встревожена странной,
Голову подняла.

Слышит она в смятеньи —
Мать ее позвала...
То — явь или сновиденье?

Ведь имени дочки с рожденья
Мать не произнесла.

«Матушка, что случилось?»
Вскочила с ложа. И вот
У девушки перед глазами
Пирующих круг встает:

Большая кунацкая в доме
Гостей незнакомых полна.
Терраса вкруг дома шелками
Багряными убрана,
У стойла сытые кони,
Овес насыпан в попоне.

Зовет Меседу: «Родная,
Скажи мне, не обмани!
Все эти князья, талханы —
Зачем? Откуда они?

Я прежде их не видала,
Отколь так много гостей,
Зачем этот шелк багряный
На бедной кровле моей?
Отколь ты шелка́ достала?
Я раньше их не видала.

Скажи мне правду, родная,
Откуда столько коней
У коновязи высокой?
Откуда столько гостей?
Зачем они прискакали,
Что прежде здесь не бывали?»

— «Эти князья-талханы, —
Ей отвечала мать, —
Нукеры шушинского хана,
Примчались тебя забрать.
И шелк на наших террасах,

Что как тюльпаны багрян,
Тебе богатым приданым
Прислал шушинский хан.
А эти в стойлах серые
В яблоках жеребцы —
На них прискакали нукеры,
Шушинские удальцы».

— «О мать, ты разве бездушна?
Отец мой разве жесток?
Меня вы за шелк отдаете,
За красный шелк продаете!..
Пойдет ли вам это впрок?»

А мать в ответ: «Что мне делать,
О дочь моя Меседу?
Тебя отец твой запродал,
Себе и мне на беду».

Меседу не замедля
К отцу пошла,
С кос своих черных
Шаль сорвала,
На колени упала,
В слезах умоляла:
«Отец! Из-за выкупа
Из-за богатого
Не отдай меня
За гяура проклятого.
Не посылай
Меня в Карабах!
Жить у неверных —
Мне смертный страх!»

— «Нет, нет! Ты поедешь!
У нас уж давно
Хану тебя
Отдать решено.
Он дом наш богатством
Своим озарил,

Арабских коней
Сыновьям подарил!»
Как быть?.. Путь отрезан,
Попала в беду...
И вот открывает
Окно Меседу.
Вовек того не открывали окна...
И выглянула на волю она.

Увидела из окна Меседу
Любимого своего.
Исполнить любое желанье ее —
Желанье сердца его.
Движеньем век, помаваньем бровей
Ему указанье дано.
Всё понял джигит. И в комнату к ней
В узкое влез окно.

Черная, высокая,
Чародейноокая
Меседу любимого
Заманила наконец,
Села на его колени,
И касаньем нежным
Оба — перед неизбежным —
Утишили жар своих сердец.
И несчастные в чистой любви
Обнялись,
Как две капли росы,
В одну каплю слились.

«Эй, собаки, вставайте,
Забирайте меня,
Чтоб не знать вам ни мира,
Ни сияния дня!» —
Так гостям своим выкликнула Меседу:
«Эй, рабы, берите меня!
Эй, нукеры, ведите меня!
Мне назад теперь не смотреть!..
Ничего не осталось здесь.
Всё погибло — счастье и честь.

Здесь мне не о чем пожалеть...
Но со мной мой любимый здесь...

Он питает мне сердце
Силой живой.
Я взяла его,
Удальца моего!
Он поедет всюду со мной!»

На коней своих сели нукеры,
Звери-нéлюди — без души.
Проданную Меседу повезли
Через горы в крепость Шуши.
А на дорогах
Стада свиней,
А на отрогах
Звоны церквей.
Из-под копыт подымая прах,
Прибыли гонцы в Карабах.

Воды Меседу попросила —
Воды, чтоб исполнить намаз.
Кувшин вина притащили
Рабы ей в тот же час.
Была для молитвы ей постланá
Шкура черного кабана.

«Эй, земляки,
Что меня сюда проводили,
Вы, что на север домой
Коней своих поворотили,
Матери старой моей
Передайте привет,
Молвите ей,
Что мне утешенья нет.
Пусть зарежут арабского жеребца
В день похорон моего отца.
Данные за меня
Огненные шелка
Пусть беднякам раздадут,
Не оставят пусть ни куска.

Пусть дар ваш потешит живых
В день гибели братьев моих!
Пусть двести еще дочерей
Родит моя мать для отца,
Чтоб ханам он их продавал,
Богатство копил без конца!»

БЕДНЫЙ ПАРЕНЬ ИЗ КУБАЧИ

Убил он из-за любимой
Соперника, и в ночи
Родной свой аул покинул,
Бедный парень из Кубачи.

В Хибарае — ауле богатом —
Нашел он дружеский дом.
Трудом он жил и кормился,
Хорошим стал кузнецом.

А мать убитого сына
Решила ему отомстить.
К его возлюбленной часто
Стала она приходить:
«Его с головою нам выдай,
Склонись ты к моей мольбе, —
Еще у меня есть три сына,
Любого женю на тебе».

И вот по дальным аулам
Чеканщики и ткачи
Своим торговать товаром
Собрались из Кубачи.
Любимая бедного парня
Выходит навстречу им:
«Салам ему передайте!
Он мной, как прежде, любим...

А если словам не поверит,
Кольцо я вручаю вам.

Кольцо ему передайте,
Что смастерил он сам».

И перстень сняла с мизинца
И отдала купцам.
«Скажите ему: пусть вернется!
Жить врозь невозможно нам...
Скажите: враги твои — двое —
Убиты грозной судьбой,
А третий бежал из аула,
Куда-то ушел на разбой.
Если ты храбрый мужчина,
То возвращайся домой!»

Торговые кубачинцы
Поехали в дальний край,
Горы перевалили,
Пришли в аул Хибарай.
«Ассалам алейкум! Несчастный!» —
Старшина торговцев вскричал.
— «Алейкум салам, кубачинцы!
Я рад, что вас повстречал!»

Радушно гостей он приветил,
Душа его вести ждала.
— «Твоя любимая, парень,
Привет тебе послала.
А если ты нам не веришь,
Хоть нет нам нужды лгать,
Кольцо, что ты смастерил ей,
Велела она передать.
Друг друга убили в драке
Два старших твоих врага,
А третий бежал из аула
За горы, через снега,
И если ты храбрый мужчина —
Вернись. Соперников нет».

Он сделал ей ожерелье
Из тридцати монет,

Он двадцать рублей расплавил,
Браслеты сделал ей.
Он семь монет расплавил
И в перстнях камни оправил
В подарок милой своей.

За Уркарах до полудня
Он совершил переход.
Он до вечерней молитвы
Стоял у ее ворот.
В ворота ложем винтовки
Стучал он, горечь тая...
Встала она с постели
Медленно, как змея.
Лениво зевнув, спросила,
Глянув спросонья в окно:
«Кто там?»
— «Это я вернулся.
Я жду у ворот давно.
Видать, меня не ждала?
Зачем же меня звала?»

— «Аман! Чтоб мне ослепнуть!
Не ведала я ничего!..»
Открыла двери, впустила
Любимого своего.
«Ты, милый, устал с дороги!..» —
Подушки ему кладет.
«Ты, верно, голоден?» — Блюдо
Соленое подает.
Воды наливает в чашку,
Насыпав соли сперва.
И села с ним рядом, близко,
И сладки были слова.

На тонкие руки милой
Браслеты он надел,
На цепкие пальцы милой
Кольца он надел,
Сказал он желанной милой:
«Ты — жизнь, утешенье мое!..»

Серебряное ожерелье
Надел на шею ее.

Встала она раньше парня,
Чашку воды налила
В ствол его старой винтовки,
Чтобы стрелять не могла.
Клей взяла она крепкий,
Расплавила на углях,
Кинжал его смазала клеем,
Чтоб он застрял в ножнах.
Проснулся бедный парень,
Не чуя близкой беды:
«Любимая, пить хочу я,
Подай мне глоток воды».

— «Нет в доме воды ни капли,
Но я принесу, подожди...
Пока не вернусь я с речки,
Из дома не выходи».

На улицу побежала,
На весь аул закричала:
— «Эй вы, сыновья Гайдара,
Берите ружья живей!
Ваш кровный враг воротился,
Теперь он в сакле моей!»

За ружья и за кинжалы
Гайдара дети взялись.
В ее проклятую саклю
Втроем они ворвались.
А парень ножнами кинжала
Двоих наповал убил.
Тяжелым ложем винтовки
Он третьего уложил.
Потом кубачинец бедняга
Поджег возлюбленной дом
И песню односельчанам
Пропел, охвачен огнем:

«Друзья, меня не вините
За всё, что я совершил.
Во всем она виновата —
Я слишком ее любил.
Ни нá слово ей не верьте —
В ней столько черного зла...
Ночью в любви клялась мне,
А поутру предала!»

Предательница кубачинка
Жива. Да плохо житье...
Красива, но пес последний
Не хочет нюхать ее.

КАСАМАЛ АЛИ

Просо в далеком поле
Она убирала одна.
Семь конных на перевале
Вдруг увидала она.
Кони у семерых вороные —
Рысь, как ветер, быстра.
Кинжалы у них дорогие
Черненого серебра.
«Чую — они за мною!..
В неволю меня возьмут...
Плохо отец мой сделал,
Что пóле засеял тут!

Горе матери! Горе
Братьям моим семерым!
Одну меня в дальнем поле
Грешно было бросить им!»
Серебряное ожерелье
Травой прикрыла она,
Десять старинных перстней
В землю зарыла она.

Вот семеро подскакали,
Копытами топчут жнивье.

«Ты чья? Ты служанка, раба ли?» —
Они спросили ее.
«Красавица-то какая!
Отколь ты будешь, скажи?»
— «Я дочь знаменитого рода,
Мой отец — Азнавар Гаджи.
Сестра семерых джигитов,
Мой жених — Қасамал Али».
— «Отец твой — наш старый обидчик,
В него сыновья пошли!..
Али твой — зять нареченный
Нашего злого врага.
Хватайте ее! Берите
В седло — и вся недолга́!»

Руки они ей скрутили
И вскачь пустили коней.
Громко девушка плачет,
Да кто отзовется ей!
Кровь из глаз проливает,
Кричит она и зовет:
«Неужто никто, ниоткуда
На помощь мне не придет!

Радостна, бестревожна
Юность была моя.
Что же у шайки разбойной
Теперь оказалась я!»
Зорко в отчаяньи смотрит
По сторонам она.
Видит на взгорье с отарой
Юношу чабана.

«Пусть жизнь твоя долго длится,
Юноша-удалец,
Пусть будешь во всем ты удачлив,
Чабан, пасущий овец!
Скажи, что меня украли,
Скачи к Азнавару Гаджи.
Скачи к семерым моим братьям
И им о беде скажи,

Всё брось и с этою вестью
Спеши к Касамалу Али,
Что горную лань поймали,
Что в плен ее увезли!»

Покинул чабан отару,
Рассыпавшуюся кругом,
Овчарку стражем оставил
У бурки, стоящей торчком.
Поймал бегуна за гриву,
Проворно его взнуздал.
Погнал коня не жалея,
Быстро в аул прискакал.

«Ассалам алейкум, сельчане,
Не знаться бы вам с бедой!»
— «Алейкум салам, — отвечают, —
Тебе, чабан молодой!
Коня загнал дорогого...
С каким ты делом, скажи?»
А он: «Я с черною вестью
Спешил к Азнавару Гаджи.
Пусть семеро храбрых братьев
Живей седлают коней,
Берут боевое оружье,
В погоню скачут скорей!
Я сам об этом несчастье
Скажу Касамалу Али,
Что горную лань поймали,
Что в плен ее увезли».

Грозная весть прилетела
К Гаджи Азнавару в дом.
Вскочили семеро братьев,
Услышав о бедствии том.
Оружье схватив, как были,
Прянули на коней,
Помчались, загородили
Пути незваных гостей.
Когда ж самому Касамалу
Весть о беде донесли,

Сбросил с плеч свою шубу
Джигит Қасамал Али.
Домой побежал... Такое
Горе его обожгло!
На спину вороному
Бранное кинул седло,
Ружье свое за спину вскинул,
Взлетел в седлю и, коня
Погладив по шее, молвил:
«Ну, друг! Выручай меня!»
Плеткой хлестнул вороного,
И, вылетев на перевал,
Он семерых верхоконных
Скачущих увидал.
«Ха, ха! — кричат верховые. —
Ты лучше б от нас отстал!
Тебя мы, джигит, продырявим
Свинцовым смертным дождем,
Египетскими мечами
Синими рассечем!»

— «Нет, я не отстану, собаки!
Смерть вам, бешеным псам!
Пусть я умру, но без боя
Любимую не отдам!»

Змеей в седле изгибаясь,
Кричит красавица: «Эй!
Из-за меня, умоляю,
Не жертвуй жизнью своей!»

Выстрелил тут разбойник,
Папаху Али прострелил,
Грянул Али из кремневки,
Насмерть его уложил.
И налетел он.
                    И шашкой
Всех зарубил шестерых.
Так любимую спас он,
Отнял живую у них.
Рану в плече почуяв,
На вражьего сел бегуна.

Любимую посадил он
На своего скакуна,
И повернул обратно,
Чтоб к дому ее привезти...

Семеро храбрых братьев
Встретились им на пути.
Их кони — в пене,
бурки
Покрыл дорожный прах.
Пот со лба утирают
Каракулем черных папах,
Дыхание переводят...
Верхом подъехала к ним
С улыбкой сестра родная
И молвила братьям своим:
«Спасибо вам, братья родные!
Как я вас ждала, дорогие!..
Попалась соколу в когти
В горах куропатка одна...
Меня вы ему отдайте —
Я им была спасена!»

А под горой, им навстречу,
Гаджи Азнавар идет,
Старинной собольей шапкой
Со лба вытирает пот.
Идет, опираясь на посох,
Печален, мрачен как ночь.
Свой белый платок приоткрывши,
К отцу обратилась дочь:

«В зубах у барса овечка...
Пусть будет жертвой она.
Отвагой его от позора,
Отец, я была спасена».

Оставили куропатку
У сокола в когтях.
Оставили ягненка
У быстрого барса в зубах.

Влюбленные соединились.
Прошли недолгие дни —
Они, друзья, поженились,
Достигли счастья они.

ДА СДЕЛАЮТ САПОЖНУЮ КОЖУ ИЗ ТВОЕГО МУЖА!

Под боком змея ложилась,
Шелестела: «Не беда!..»
Высосала кровь из сердца,
Говоря, что нет вреда.
А с утра паук спускался
С потолка... И чуть слеза
У тебя блеснет — живые
Пил и пил твои глаза.

Полон доброго участья,
Я ль тебе не говорил:
«С ним тебе не будет счастья!»
Не сумел, не сохранил...

Зваться мужем не достоин:
На него ты посмотри —
Весь он как из девок скроен,
Капли мужа нет внутри.
Дождь ли брызнет, — подивитесь,
Ноги он к огню сует.
Не мужчина и не витязь, —
Кошек дома он пасет.

Губошлеп, весь как из теста.
Молоко с усов течет.
Что ж красавица невеста
«Дорогим» его зовет?
Душу кто твою разбудит?
Ты не знаешь ничего...
Пусть сапожной кожей будет
Шкура мужа твоего!

Пусть сапожки шьет сапожник,
Чтоб красавице такой
Утром босиком не бегать,
А в сапожках, за водой.

Купленный ценой теленка
Ус у мужа своего
                Сбрей!
                Сорви!
Сама увидишь —
Ты не пара для него.

* * *

Любимая! Поверь мне —
С трусливым нельзя сходиться.
Он в счастье тебе не защита,
В несчастье не пригодится.
Сожми ты шею джигита,
Чтоб в шее кость захрустела.
Питье и еду на подносе
Тебе приготовит смелый.
Готовый на бой с врагами,
Пирует он дома с друзьями.
У труса же и в постели
Не чет бывает, а нечет.
Ко всем он тебя приревнует
И жизнь твою искалечит.

* * *

Если зимою море
Начнет с берегов леденеть,
Жемчужноглазая рыбка,
Как на небо можешь смотреть?
Если холодным снегом
Покроется горная высь,
Мой конь с золотой подковой,
Где ты будешь пастись?

* * *

Как горная лань, по дороге
Идешь ты. Тонок твой стан.
И вдруг посмотришь внезапно,
Посмотришь, как джейран.
Я золотом покрою
Тропу, где ты пробежишь,
Если моей ты станешь,
Улыбкой меня подаришь.

О ТЕБЕ

Я вместо чернил бы воду
Черпнул из реки Индирай,
Когда б о любви моей вести
Дошли к тебе невзначай.
Я бы для перьев деревья
Рубил в чащобе Яхсай,
Если б волна моей страсти
С письмом долетела в твой край.
Пусть будет моим, дорогая,
Тонкое тело твое!
Как в горне, ты размягчила
Железное сердце мое.
Любовь моя с тобою —
Солнца и ливня власть.
Поле и плеск прибоя —
Наша с тобою страсть.
О, неужель ты на свете
Не для меня родилась?

Надгробья мне не тешите,
Не правьте надгробный пир!
В могилу меня не кладите —
Могилою стал мне мир.

Пожалуй, не горевал бы
Об участи я своей,
Когда бы я не родился
В одном ауле с ней...

О нашей любви, я знаю,
Идет в Бухаре разговор.
О страсти моей в далеком
Стамбуле заводят спор.
Цветок прекрасный желтеет
Безветренным ясным днем.
На острове в синем море
Камыш с золотым стебельком.
Эй, воинства Рума! Скачите,
Выпейте море до дна.
Чтоб, как камыш золотистый,
Мне досталась она.

Я клятву крепкую дам ей,
Коль станет женой мне она.
Свидетелями сойдутся
Солнце и луна.

БЕДНАЯ ДЕВУШКА

Жил с дочерью Тамарой
Шайху́ в краю чужом:
Гоним нуждою, старый
Покинул отчий дом.
О девушке прекрасной
Услышал хан, и вот
Двум стражам самовластный
Приказ он отдает:
«Красавицу живее
Доставьте в мой гарем!
Вернитесь только с нею,
Не то вам горе всем!»

Тут взял бы страх и вчуже:
У воинов в руках
Бряцают грозно ружья
И шашки — на боках.
Угрюмые шагают
Они, страшней зверей,

А дочь с отцом не знают,
Что горе у дверей.

Подобно злой ватаге
Разбойников в ночи,
Под кров Шайху-бедняги
Вломились палачи.
Уже мольбы иссякли,
Не тронув их сердца, —
Вон выгнали из сакли
Несчастного отца.
Не плачь ты, дочь-бедняжка, —
В слезах здесь тот же толк,
Как если б на барашка
Напал голодный волк!
Их страшными словами
Тамара сражена:
«Идем, голубка, с нами,
Талгату ты нужна!»
И, глядя в исступленьи —
Кто мог бы ей помочь,
Упала на колени
Седого горца дочь:
«Зачем нужна я хану,
Горянка с диких гор?
Скажите без обмана —
Там ждет меня позор?
Ужель для хана нету
Здесь девушки иной?
Ужель вам нет запрета
Глумиться надо мной?»
Но воины Талгата
В ответ сказали ей:
«Желанье хана свято.
Не плачь! Вставай живей!»

Черней ненастной ночи
Ввалилось горе в дом.
Самой идти нет мочи —
Так повели силком.
Приказ исполнив строгий
Владыки той земли,

В гарем прямой дорогой
Бедняжку привели.
И к ней простерлась властно
Та жадная рука,
Что клял народ несчастный,
Грозясь исподтишка.

В девичьем сердце трепет,
Горяч молящий взгляд...
И слышит слезный лепет
Безжалостный Талгат:
«Так долго в лапах черных
Душила нас нужда,
Что мы с отрогов горных
С отцом пришли сюда.
Поверь, с одною целью —
Прожить хоть как-нибудь,
Покинув глушь ущелья,
Мы с ним пустились в путь.
Из-под родного неба
Нас голод к вам пригнал:
Отец хоть корку хлеба
У вас найти мечтал.
Живому ведь без пищи
На свете не прожить!
Людей голодных, нищих
Сам бог велит щадить.
Давать им подаянье
Должны вы, богачи...
Ах, смилуйся! Страданья
Несчастной облегчи!
О хан, аллаха ради
Ты зла не соверши!
Тебя я о пощаде
Молю от всей души!..»
Хан сдвинул хмуро брови,
Не тронувшись мольбой, —
Ему играть не внове
Девической судьбой.
Он, родич курейшида,
Не принял к сердцу слез

И смертную обиду
Невольнице нанес.
Казался день невзгоды
Ей тягостней трех дней,
И за три черных года
Ночь показалась ей.
Горянки вольной душу,
Что птицей ввысь летит,
Былой покой наруша,
Терзают гнев и стыд.
Рекою льются слезы,
А в сердце — горький чад,
И в жалобах угрозы
Отчаянья звучат.
Обрек ее на муки
Талгат, блудливый пес,
И вновь ломает руки
Она, давясь от слез.

«Ты, хан, исчадье ада,
Забыл ты честь и долг!
Ты девушкам — как стаду
Овечек хищный волк.
Ты мерзкой твари гаже,
Насильник гнусный ты,
Не пощадивший даже
Девичьей чистоты.
Пусть будет мать презренна
За то, что родила
Тебя, злодей растленный,
И грудь тебе дала.
Пускай клеймо позора
Падет и на отца
За то, что хуже вора
Взрастил он подлеца.
Московского царя я,
Что дал вам, ханам, власть,
И в муках умирая,
Всечасно буду клясть!»

Где врезан в свод небесный
Высоких гор отрог,

Там образ есть чудесный,
Красивый, как цветок.
Позор, что горше смерти,
Сковал, подобно льду,
Неопытное сердце,
Попавшее в беду.
Хоть солнце и сияет
Безоблачно вверху,
Но сердце не оттает
У дочери Шайху.

ЗИЯУДДИН КАДИ

Зияуддин Кади родился в 1877 году в ауле Купа. Получил арабистское образование, известен как ученый. Писал на даргинском и арабском языках. В творчестве поэта есть стихи религиозного толка, но есть и оригинальная яркая лирика. Существовал сборник его песен, но до нашего времени он не дошел или не найден. На даргинском языке стихи Зияуддина Кади печатались в книге «Бустан Цудахар», изданной в 1915 году в Порт-Петровске.

В годы борьбы горцев за советскую власть Зияуддин Кади оказался в лагере контрреволюционера Н. Гоцинского, однако, увидев своими глазами подлинное лицо контрреволюции, те насилия, какие творил «имам» над горским крестьянством, бежал от Гоцинского. Рассказывают, что поэт долго скитался после этого одиноким в лесах.

Умер Зияуддин Кади в 1924 году.

* * *

Я не казначей царя,
Чтобы мне тебя купить.
И не англичанин я,
Чтобы силой захватить.

Что сокровища казны?!
Нет любви моей цены.
Сила, что бушует в ней,
Самого огня сильней.

Я зажечь тебя хочу
Всем огнем своей крови.
За тебя я заплачу
Всей казной своей любви!

МОЕЙ КРАСАВИЦЕ

Знал бы ты, создатель наш,
Как душе даруют благо
Просто белая бумага,
Просто черный карандаш.
Поглядишь — рукой несмелой,
Черным на странице белой,
Сердце изображено.
Прочитайте — вот оно!

Лик серебряный с базара
Ювелиров Цудахара!
Сердце, как тетрадь, прочти!
Я тебе его открою.
А решишься быть со мною —
Так соединим пути!
Я хочу тебя одеть
В дорогой наряд черкесский,
Чтоб во всей красе и блеске
Ты являлась людям впредь,
Чтобы обхватить рукой
Тонкий стан черкесский твой!

Эй, московский шелк с печатью, —
Ткань для городского платья,
Брось хвалиться предо мной
Непростою красотой!..
Право, лучше помолчать?!
А не то, клянусь, сумею
Положить на грудь и шею
Жарких уст моих печать!

О любви моей смекнули,
Видно, все у нас в ауле,
О красавица моя!
Эй, бесстыжая блудница,
Ты с другим соединиться
Обещала, слышал я.
Ну и пусть! Смирю тревогу!
Без того тревоги много
В жизни сирой и убогой.

Ты — небесный дождь прохладный
Для засушливой земли.
Одиноко, безотрадно
Жить мне от тебя вдали...
Всё же не поддамся горю.
Сердцу было суждено
Биться, вечно с горем споря,
Свыклось с бедами оно,
Навсегда закалено.

Хан бухарский не слыхал,
Говорят, таких похвал,
Как тебе, алмаз хункара,
Расточал я, полный жара.

А сейчас в печали черной,
Горькой мукою палимый,
Я курю, курю упорно,
Чтоб прикрыть завесой дыма
Образ твой, навек любимый.

Тьма окурков на полу...
А когда сажусь к столу
И хватаюсь за газету, —
В голове лишь дума эта:
«Ты, что солнца светозарней,
Посмотри сюда скорей!
Где — скажи — найдешь ты парня
И влюбленней и стройней?

О монета, блеск которой
Шаху затуманит взоры!
О любимая моя,
Вдохновения струя!
Куропатка Индостана,
Чья походка, гибкость стана
Повергают встречных в дрожь,
На тебе женюсь я всё ж!

Как хотел бы начертать я
На челе твоем заклятье,

Чтобы грамотный любой
Помнил, встретившись с тобой:
«Черных кос ее не тронь!
Косы черные — мои!
Белый лоб, очей огонь, —
Их не тронь! Они — мои!

Голос, полный колдовства,
И бровей крутых разбег,
И серебряные два
Яблока — мои навек!
Белый лоб, что так высок, —
Всё мое — на вечный срок!
Все достоинства ее,
Это всё — мое, мое!»

Нынче и чрез много лет
Буду я тебя любить...
За другого выходить
Не должна ты... Нет и нет!

Чтоб забыть тебя навеки,
Я блуждал; а в сердце — рана...
Видел я красавиц Мекки,
Рима и садов Ирана...

Но со мной, не угасая,
Всюду шла моя любовь.
Вот и возвратился вновь
Я к тебе, моя родная!

ПИСЬМО К ЛЮБИМОЙ

Пишу я любимой,
желанной и милой,
На белой бумаге, что снега белей,
Чтоб знала, с каким постоянством и силой
Люблю я ее и тоскую по ней.

Пишу я, мечтая давно об ответе,
Но он не приходит, зови не зови,
Так что ж мне, влюбленному, делать на свете,
Раз нечем себя исцелить от любви.

Зачем я рожден во владении хана?
Здесь разве счастливым мне стать суждено?
Горит мое бедное сердце, как рана,
Глаза мои стали сухими давно.

Я чувство такое изведал впервые,
Послушайте ж, сверстники, слово мое.
Запомнив любимой черты дорогие,
Хочу описать хоть немного ее.

...Две черных косы
и улыбка — как утро,
Точеные пальцы — что карандаши,
Блестящие ногти под цвет перламутра,
Глаза — отражение чистой души.

Зачем же, проклятая бедность, как гиря,
Ты давишь любовь, что проснулась в груди,
Печали и беды, царящие в мире,
Зачем вы закрыли к свободе пути?

О как бы хотел я, отбросив заботы,
Без горя с любимою жить на земле,
Но сокол, рожденный в горах для полета,
Лежит, будто цепью прикован к скале.

И ты, что лицом и душою прекрасна,
Порой над моею смеешься мечтой.
Да, видно, народ говорит не напрасно:
Жестокость бывает в ладу с красотой.

Ты мудрость арабских наук изучала,
Чужим языком овладела вполне,
Ах, если бы ты передать пожелала
Немного такого богатства и мне.

Постигнув чудесные знания эти,
Увидев наук удивительный свет,
Украсил бы смело я стены мечети,
На них начертал бы твой чудный портрет.

Я б страсть ему отдал и всё вдохновенье,
Чтоб, видя его, мусульманин любой
В минуты молитвы вставал на колени
Не перед аллахом, а перед тобой.

О мой соловей, распевающий сладко,
Что сделать, скажи, чтоб ты стала моей,
Бегущая склоном горы куропатка,
Хочу от души, чтоб ты стала моей.

Я буду, клянусь всемогущим аллахом,
Тебя добиваться всегда и везде,
Я буду искать тебя,
даже под страхом
Быть преданным казни на высшем суде.

Поверь, если б ангелы, страждущим внемля,
Узнали о чувствах моих до конца,
Они бы с небес опустились на землю,
Чтоб слить одинокие наши сердца.

Мне страшно, красавица из Хоросана,
Тревога в мою забирается грудь
При горестной мысли, что поздно иль рано
Пленит твое сердце другой кто-нибудь.

Но если им я окажусь, дорогая,
Тогда, осчастливлен такою судьбой,
Пойду за тобой хоть до самого края,
До самого края земли за тобой.

АХМЕД МУНГИ

Ахмед Мунги родился в 1843 году в знаменитом ауле народных художников Кубачи, в семье златокузнеца. Он и сам был умелым мастером-златокузнецом, но прославился как певец. Кубачинцы не проводили ни одного праздника без его участия. Он был хорошо знаком с любимым поэтом даргинцев — Батыраем и участвовал в песенном состязании с ним. В одной из песен он воспел Батырая и возвеличил его стихи. Ахмеда Мунги называли «победителем Батырая».

Нужда и поиски заработка бросали Ахмеда Мунги в разные края. Он не однажды бывал за границей — во Франции и в других странах.

Умер поэт, вернувшись на родину, в 1915 году.

Песни Ахмеда Мунги собраны Фатимат Абакаровой и впервые с ее предисловием и комментариями напечатаны в даргинском альманахе «Дружба» (№ 4, 1959).

МАДАМ

Был в Париже я и там
Жил в отеле небольшом.
Как-то раз ко мне мадам
Подошла на каблучках.

Показалось: с полотна
Весело сошла ко мне
Полуголая она,
Стройная как кипарис.

Подмигнула и сама
Руку протянула вдруг.
Долго было ли с ума
Мне от этого сойти?

На охотника и тур.
Говорит «манжур» она.
Переводит друг «манжур»:
Это значит «я — твоя».

Есть на всё своя цена.
Тут же заказал обед
И потребовал вина.
Ох и крепок был ликер!

И у пира есть конец:
Все изделия свои,
От браслетов и колец
До булавки, пропил я.

Горек был похмелья час:
Ни копейки за душой,
И гудела в первый раз,
Словно колокол, башка.

Не беда, что должником
Стал я друга своего,
А беда, что с кошельком
Инструменты загубил.

Из московской стали где
Пилки и резцы достать?
Чем работать?
                    Я в беде,
Будто бы лишился рук.

А дорога далека
Из Парижа в Кубачи.
И сверлить взялась тоска
Душу грешную мою.

Белотелую мадам
Я, оставив для мусье,
Посоветовал друзьям
Ум в Париже не терять.

Есть у нас свои мадам
В Дагестане среди гор.
И любовь не носят там
Для продажи на базар.

* * *

Да погибнет этот мир,
В коем правды ни на грош.
Десять шуб у одного,
У другого — ни одной.

Десять жен у одного,
У другого — ни одной,
Ни одной, как у меня.
Будь он проклят, этот мир!

Золото у одного,
Мастерская, мастера.
Я ж на медный перстенек
Блеск фальшивый навожу.

СУД ШАМИЛЯ

Ополченцев пал отряд,
Предан был суду наиб.
Отрубить велел ему
Ухо правое Шамиль.

Вот исполнен приговор,
На колени встал наиб:
«Ты позволь мне, о имам,
Искупить позор в бою.

Если не доверишь мне
Удальцов лихой отряд,
Мной склоненную вели
Начисто башку рубить».

Глянул на людей Шамиль,
И сказал, кончая суд:
«Будь по-твоему, наиб,
Искупи позор в бою! ..»

...Скачет к Шамилю гонец,
Он спешит доставить весть,
Что победу под Дарго
Одноухий одержал.

Приказал позвать Шамиль
Кубачинских мастеров,
Но не шашку повелел
Красным золотом насечь.

С почестью честной народ
Одноухого встречал.
При оружье и в чалме
Впереди стоял Шамиль.

И в серебряном ларце
Преподнес наибу в дар
За победу под Дарго
Ухо золотое он.

Хоть не сможет никогда
Это ухо прирасти,
Слава прирасти смогла
К Одноухому навек.

ПЕСНЯ МОЛОДЫХ КУБАЧИНЦЕВ

В путь-дорогу, молодцы,
Отправляться нам пора.
Молоточки и резцы,
Как всегда, возьмем с собой.

До чужих добравшись мест,
Пустим молоточки в ход,
Вспоминая про невест,
Что остались в Кубачи.

Персиянкам золотых
Мы наделаем колец
И в стамбульских мастерских
Не один скуем браслет.

Нам дойти не мудрено
До французских городов.
Мы в Париже не одно
Ожерелье смастерим.

Молоды у нас сердца,
И на весь прославлен свет
Почерк тонкого резца
Кубачинских мастеров.

В ДЕНЬ СМЕРТИ ОСЛА

Аульчане, горе нам,
Злой судьбы удар тяжел:
Умер, умер в цвете лет
Уважаемый осел.

Вспомним: будучи ослом,
Пел, как соловей, наш друг,
Хоть от голоса его
Камни трескались вокруг.

Столько разных добрых дел
Совершил он на земле,
Сколько тысяч волосков
Есть у камня на челе.

Злых поступков совершил
По душевной простоте
Он не больше, чем волос
На ослином есть хвосте.

Жаль, что рано он угас,
Знать, аллах призвал осла.
Воля божия — закон.
Всемогущему — хвала!

Жизнь соседа моего
Будет пусть весь век светла:
Он подарок мне прислал
В честь умершего осла.

Люди, рассылать дары
Не спешите в скорбный час,
Есть преемник-ишачок
У покинувшего нас.

РЕЗЕЦ

Друг ты мой с давнишних пор,
Крепкий, как алмаз, резец,
Тонкий наносил узор
Я тобой на серебро.

Сам резцом хотел бы стать!
Что резьба по серебру?
Мне бы счастьем украшать
Человеческую жизнь.

Друг ты мой с давнишних пор,
Крепкий, как алмаз, резец,
Ты уже не так остер,
Да и я уже не тот.

* * *

Знай: любовников полно
У красавицы вдовы.
Первый выпрыгнул в окно,
А второй стучится в дверь.

Хоть встревоженный дозор
Жены верные несут,
Изменяют до сих пор
Им неверные мужья.

Те неверные мужья
В дом красавицы вдовы,
Хоть стреляй в них из ружья,
Все пробраться норовят.

* * *

Виколай, эх, Виколай,
Ближним радость доставляй.
Ты женись, коль разум дан,
На умелице Марьян.

Да соткет тебе она
Добрых семь кусков сукна,
Повезешь его в Нуху,
Загуляешь, быть греху.

Выйдут четверо спасать,
В дом родимый возвращать,
Но вернуть в родимый дом
Смогут лишь вдесятером.

* * *

Известно в ауле, что он умудрился
Два раза за век свой умыться всего:
Его искупали, когда он родился,
Когда он скончался — омыли его.

* * *

Я кормил голубку рисом белым,
Ворковала белая голубка.
Кончился мой рис, и улетела
Белая голубка от меня.

Я прошу голубку возвратиться,
Ячменя насыпать обещая,
Но не хочет, кормленная рисом,
Белая голубка прилетать.

СТИХОТВОРЕЦ И МУЛЛА

Рад на свадьбе досветла
Петь я песни о любви.
Рад покойнику мулла
Нараспев читать Коран.

Друг от друга далеки
Стихотворец и мулла.
Никогда своей руки
Пламя не подаст воде.

* * *

Будет на своем стоять,
Лба не расшибет пока.
Расколов орех, он в нем
Сам увидит червяка.

* * *

Пусть начавшийся пожар
Нижний озарит аул,
Пусть занявшийся огонь
Верхний пощадит аул,

Чтоб, спасаясь от огня,
Та, которую люблю,
Разыскала бы меня,
В верхний прибежав аул.

Пусть в дому ее сейчас
Ссора крупная пойдет,
Чтоб присела к очагу
В уголке моя любовь.

Пусть холодной будет печь,
Чтобы в теплую постель
Вскоре пожелала лечь
Ненаглядная моя.

Будь жестка ее постель,
Чтобы, крадучись, во тьме
Путь нашла в мою постель
Ненаглядная моя.

* * *

Пишет словно на снегу
Бессердечный человек.
Не оставшийся в долгу
Март сотрет его слова.

У меня в груди костер.
Обжигая в нем слова,
Золотой вписать узор
В кость слоновую стремлюсь.

* * *

Воля аульчан — закон.
Пожелают — и пришлец,
Родом из чужих сторон,
Превратится в своего.

Воля аульчан — закон.
Захотят — и человек,
Что в ауле был рожден,
Превратится в чужака.

* * *

Я свободна, как птица,
Как дверь без запора,
Как в степи кобылица
Без седла и уздечки.
Я из рода Акая,
А зовут меня Нина.
Есть на свете такая,
Всем да будет известно!

Нет вольнее горянки.
Где хочу, там гуляю:
Захочу — на полянке,
Захочу — на вершине.

Тот, кого полюблю я,
Станет самым счастливым,
И того погублю я,
Кто не по сердцу будет.

КУМЫКИ

ИРЧИ КАЗАК

Казак родился около 1830 года в бедной семье крестьянина Татархана в Муслим-ауле близ города Темир-Хан-Шуры. Аульный мулла обучил его грамоте. Не имея своего надела земли, Казак работал на чужих полях. Песни он начал складывать в юности и исполнял их под аккомпанемент агач-комуза, которым владел виртуозно. Произведения его, поразившие современников яркой талантливостью, передавались из уст в уста. Казак стал известен, к его имени начали прибавлять слово «Ирчи», что означает «певец». Слава о его песнях дошла до кумыкского владетеля шамхала Абу-Муслим-хана. Поэта стали приглашать петь во дворце.

В конце 50-х годов произошло событие, резко изменившее всю жизнь Ирчи Казака. Он помог своему другу Атабаю похитить из шамхальского дворца красавицу рабыню, которую тот любил. Дерзость поступка была неслыханной, и шамхал не знал меры своему гневу. Исполняя его просьбу, царские чиновники (шамхал в то время уже был на службе у русского самодержавия) без суда выслали поэта на три года в Сибирь. По этапу Ирчи Казак и Атабай ушли в ссылку. Из далекой Сибири в Дагестан поэт шлет послания в стихах. Стихи его полны тоски по родине, скорби, негодования против тех, кто исковеркал его судьбу.

Отбыв срок ссылки, Казак вернулся. Возвращение его относят приблизительно к 1861 году. Проступок его не был забыт, как не было забыто и все неугодное знати в его творчестве. Ирчи Казака начинают преследовать, запрещают ему жить в родных местах. Стремясь укрыться от преследований (а может быть, и сосланный), он вынужден поселиться на левобережье Сулака. Заступничество Магомед-Эфенди Османова, человека из высоких кругов, помогло ему вернуться. Казак поселился в ауле Баба-Юрт. Он по-прежнему остается певцом кумыкских крестьян, выражающим их думы, их взгляды на мир.

В 1879 году Ирчи Казак погиб при загадочных обстоятельствах. Вечером он был кем-то вызван из дому и больше не вернулся. Крестьяне, работавшие в поле, нашли под мостом обезображенное тело, которое трудно было опознать.

Могила поэта неизвестна.

Песни Ирчи Казака более столетия живут в устах кумыков.

В изучении жизни и творчества Ирчи Казака, начатом уже в советское время, очень большая заслуга принадлежит ныне покойному кумыкскому драматургу и фольклористу Алим-Паше Салаватову. Он первый воссоздал биографию поэта и опубликовал ее в 1940 году, сделал новые записи его песен.

Несколько произведений Ирчи Казака впервые напечатал Магомед-Эфенди Османов в 1883 году в книге «Сборник ногайских и кумыкских народных песен». Отдельным изданием стихи поэта вышли в 1954 году в Махачкале. Там же на русском языке впервые издан в 1960 году сборник его стихотворений в переводе С. Липкина «Иные времена».

АСХАР-ТАУ

Асхар-тау, горы нет сильнее тебя,
Дон-река, нет реки, что синее тебя,
Аргамак, нет коня, что стройнее тебя,
Эй, смельчак, нет людей, что славнее тебя.

Ты сильна, Асхар-тау, но птица сильней:
Пролетает легко над вершиной твоей.

Ты велик, синий Дон, — что мне в том,
что мне в том,
Если даже и ты покрываешься льдом?

Строен ты, аргамак, ты подобен огню,
Но дорогу уступишь простому коню.

Эй, смельчак, разве совесть и честь ты сберег,
Если ты на пиру, в руки взяв свои рог,
На колени становишься пред подлецом
И его славословишь с умильным лицом?

ПЕСНЯ ПОГОНЩИКА ВОЛОВ НА ПАХОТЕ

Чужую землю пашем на равнине,
Чтобы арбузы выросли и дыни.
Мы страстно жаждем тихих дней, без ветра.
О, если б солнце глянуло отныне!

А ветер дует, дует неизменно.
На небе тучи. Скоро ль перемена?
Никак у нас не ладится работа,
И мокрое волам противно сено.

«Эй, эй», — кричим, но плуг волы не тянут,
Трава цветет, а на нее не глянут.
Мученья мы неслыханные терпим.
О, скоро ли нас мучить перестанут?

КАКИМ ДОЛЖЕН БЫТЬ МУЖЧИНА

Если настойчиво, страстно и смело
Жаждешь врага своего одолеть,
Если воюешь за честное дело,
Крови своей ты не должен жалеть.

Сердцем не дрогни ты, как щеголиха
Перед повеявшим вдруг ветерком.
Горе нагрянет ли, вторгнется лихо, —
Должен мужчина быть смельчаком!

Тот не мужчина, кто голову прячет,
Если он видит беду над собой.
Тот не мужчина, кто ноет и плачет,
Если кончается гибелью бой.

Чтобы спастись, ты лукавить не вправе,
Другу будь верен и грозен с врагом.
Бой объявив злоязычной отраве,
Должен мужчина быть смельчаком!

Ты, не подумав, не выскажи слова,
Высказав слово, потом не виляй.
Грубое слово встречай ты сурово,
К меткому слову любовь проявляй.

Если, язык расцветив по-павлиньи,
Недруг пронзит им тебя, как клинком, —
Не приходи от обиды в унынье,
Должен мужчина быть смельчаком!

Словно скакун, по вершинам летящий,
Словно клинок, беспощадно разящий,
Если живет в тебе дух настоящий,
Гордым и сильным должен ты быть.

Мысли широкой не ведая края,
Из тонкостанных жену выбирая,
Всё раздавая, скупых презирая,
Дарообильным должен ты быть!

УДАЧА

Когда с преступником, судьбе наперекор,
За дело честное бедняк вступает в спор,
Пусть победит и жизнь отдаст он, — всё равно
Ему ни почестей, ни славы не дано.

А кто богат, хотя с похмелья глупо врет,
Хотя позорит он себя и весь свой род,
И скудоумия он перешел предел, —
Всегда, во всем он прав, почет — его удел.

Хоть силою ума бедняк поборет льва,
О нем, как о глупце, везде идет молва.
Удача! Проклята твоя да будет ложь:
Ты подлость дураков за мудрость выдаешь.

С презренного лжеца удача смоет грязь,
Прославит подлеца, позора не стыдясь.
Проникнуть в суть вещей нам надобно, друзья!
Он плох или хорош, — но вывод сделал я:

Коль важные дела приходится решать,
Кого, кого зовет заносчивая знать?
Того, кто бестолков, того, кто недалек,
Но лишь бы у него был полон кошелек,

Но лишь бы у него угодлив был язык,
Но лишь бы грубо льстить и подличать
привык...

На сотню бедняков один едва ли есть,
Чья признавалась бы заслуженная честь,
Но и его удел печален и жесток,
Во всех своих делах он будет одинок.

РАССУДКА УМНЫЙ НЕ ТЕРЯЕТ

Тяжка обида иль досада —
Молчать, молчать, молчать нам надо!
Мученья будут? Вслед за ними
Придет желанная отрада.

Терпенье — верный ключ от рая,
Поспешность — лестница худая.
Язык — наш враг: его отрежем,
Пристойно, скромно жить желая.

Язык лишен костей, а слово —
Колюче и убить готово.
Когда болтать мы будем — станем
Посмешищем суда людского.

Но кто молчать спокойно будет,
Того молва людей забудет.
Его средь равных не заметят,
Не засмеют и не осудят.

Не скажут: этот, мол, знатнее,
Не скажут: этот, мол, сильнее,
Не станут над тобой смеяться,
Хоть будь ты бедного беднее.

Кто честен — в бой со злом вступает.
Рассудка умный не теряет.
Он всё обдумает сначала,
Он слов на ветер не бросает.

А молвит слово — не отступит,
Как долг и честь велят, поступит,
Не будет жаловаться встречным,
Он беден, но его не купят.

Исполнить клятву невозможно?
Не даст он эту клятву ложно!
Ведь клятва — грозный меч аллаха,
А меч карает непреложно!

Супруга мужу не годится
Бездельница и баловница.
Пусть держит крепко муж поводья,
Чтоб укротилась кобылица.

Лишь твердость женщина проявит —
Супруга вздорного исправит,
А муж спокойствием смириться
Жену строптивую заставит.

Муж вздорен, а жена сердита, —
И вот уже семья разбита.
Народ таких не уважает
И осуждает их открыто.

Язык — их враг — убьет их вскоре.
Пусть кто-нибудь уступит в споре,
Не то их жизнь ужасной будет,
Их ждет бессмысленное горе.

Когда язык — стальное шило,
А зубы — нож (видна их сила!),
То слово — меч: едва возникнув,
Оно уже тебя пронзило!

Дурная, глупая супруга
Тебя натравит и на друга,
До времени ты поседеешь
От неизвестного недуга.

Жену хорошую с почтеньем
Дороже золота мы ценим.
Заездит нас жена плохая,
С ней жизнь покажется мученьем!

НЕ ВСЕ МУЖЧИНЫ — МУЖЧИНЫ

Не всех мужчин мужчиной я б назвал.
Нет, не добьется почестей бахвал!

Их на три рода нам разбить придется,
Равнять не надо с клячей иноходца.

Один мужчина у людей в чести,
Другой — сильней в сражении шести,

А третьего, никчемного мужчину,
К мужчинам отнесем наполовину:

Лишь трусостью и чванством знаменит,
А думает, что выше всех стоит.

Послушаешь его — огонь и сушу
Пройдет и за друзей отдаст он душу,

Но ты не слушай этой болтовни,
Ты зорким взором на него взгляни.

Ужели славой может называться —
С разумным спорить, с глупым уживаться?

Ну что же, если так, то не тужи
И погрузись в разврат и кутежи.

Коль проживешь все годы без раздумий,
Средь собутыльников, в нетрезвом шуме, —

Ей-богу, ты друзей приобретешь,
Себе подобных ты легко найдешь.

Теперь пришли такие дни лихие,
Что смешаны с хорошими плохие.

Но ты плохих и подлых сторонись,
К хорошим людям всей душой стремись.

Дружи с хорошим, радость обретая,
Цена плохому — чаша даровая:

Пусть чаша пригодится для вина,
Для истинного дела — не нужна!

Когда в селеньи пир или веселье —
Ты видишь: трусы впереди воссели,

На головы разумных сыплют брань.
А скажет умный трусу: «Перестань!»

Не перестанет глупый забияка
И людям пир испортит, как собака.

РАССКАЗ ПРО ЕЖА

Ружье драгоценное взял я в гордыне,
Пошел охранять золотистые дыни.

Кто ест их — не знаю, но я не хочу,
Чтоб хищники опустошали бахчу.

Хозяин сказал: «Еж виновен в покраже».
А еж: «Я в глаза их не видывал даже!»

Хозяин и дыни — мне всё невтерпеж!
Погиб от руки моей вечером еж.

«Не бей меня, — мне он сказал пред кончиной, —
Беды твоей смерть моя станет причиной».

Сказал — и ушел от меня навсегда,
От палки моей приключилась беда.

Был еж этот ханом, знатнейшим по крови,
И были у хана красивые брови.

Гордился он ханской породой своей,
Оставил он девять ежат-сыновей.

Все девять — опора отцовского крова,
А младший — толмач у судьи мирового.

Вот вижу я — кто-то пришел на бахчу,
Плоды обрекая стальному мечу.

Ко мне подкатился, как бочка живая,
Громадную саблю свою обнажая.

Я сделал немедленно под козырек.
«Отца моего ты убил, — он изрек, —

Все дыни я съем — не наемся, покуда
Тебя не убью! Не уйдешь ты отсюда!»

Угрозы такой испугался я так,
Что сразу взобрался наверх, на чердак.

А восемь ежей на лугу косят сено,
Как только спущусь я — убьют непременно.

Теперь буду предан ежами суду, —
Свидетелей двух я навряд ли найду.

О боже, создавший хозяев и дыни,
Ежей убивать я не буду отныне!

ДРУЖИ С ОТВАЖНЫМ!

Набег — что сабля. Не стремись к разбою:
Не ранишь землю саблею кривою.
О честный, радуясь коням дареным,
Ужели князю станешь ты слугою?

Терпенье-золото удачу множит.
С терпеньем что, скажи, сравниться может?
Кто поспешит — потерпит неудачу,
Кусать начнет он пальцы — не поможет!

Для бедных солнышко не заалеет,
Для горемычных ночь не посветлеет.
Ты ищешь дружбы? Так дружи с отважным:
Он для тебя души не пожалеет.

С трусливым не дружи: он склонен к вздору,
Тебя покинет он в лихую пору;
Пугаясь неожиданной преграды,
Он убежит, — в нем не найдешь опору.

Пока ты не захочешь бремя чести
С друзьями разделить — друзья на месте,
Но лишь откроешь им свою невзгоду —
Уйдут, отхлынут, пропадут без вести.

Ты к ним пойдешь? Они тебя не встретят,
На улице увидят — не заметят.
Ты борешься, о помощи взываешь, —
Призыв твой не услышат, не ответят.

Борись, но от приятелей не жди ты
Сочувствия, подмоги и защиты.
Родные за тебя краснеть не будут,
Коль ты с отвагой вступишь в бой открытый.

ТРИ ГОДА — МОЙ СРОК

Я другу Батыру и зятю Акаю
Седого отца и жену поручаю.

В проклятой Сибири, где годы черны,
Три года я буду сидеть без жены.
Вернусь — так вернусь. Не вернусь я отныне —
Пусть пропадом я пропаду на чужбине.

Три года пусть терпит супруга беду,
А если в назначенный срок не приду —
Я месяц даю благоверной сверх срока:
За низкого, созданного для порока,
Пусть выйдет она на четвертом году!

Когда Асхар-тау зеленые склоны
Услышат птенцов разговор оживленный,
Тогда возвращусь я в родимый приют.
Когда же зеленые склоны увянут,
Пусть к родичам люди чужие придут,
Несчастную душу в молитвах помянут.

ГЕЙ, ДЖИГИТЫ!

Гей, джигиты, заботы не знайте в горах,
Пусть пройдут ваши дни в наслажденьях, в пирах,
Пусть подобные вам, что в разлуке скорбят,
Позабудут тревогу, невзгоду и страх.

Где вы, дни без невзгод, где вы, дни без тревог,
Тяжко будет нам, братья, в руках палачей.
Для молитв мусульманских не создан острог,
Нам дышать не позволят тюремщики-псы, —
Будем бога молить, чтоб шамхал нам помог.

Гей, поля колосятся — волна за волной!
Веселятся ль товарищи наши теперь
Или горькою думой объяты одной:
«Сколько месяцев долгих бредет Атабай?
Не погас ли Казак за тюремной стеной?»

Пусть в черкесках, с разрезами на рукавах,
Наши горцы пройдут, не снимая папах!
А когда эту песню джигиты споют,
Пусть красавицы наши заплачут в горах.

МОЛИТЕСЬ ЗА НАС!

Мы в бездне, мы в тисках, добыча тленья,
Уже не можем возносить моленья,
Ислам не принесет нам избавленья,
За нас молитесь, братья дорогие!

Нас гнали в пропасть, как солдат под пули,
Мы кровь свою глотали, спины гнули,
Нас крепко кипятили, как в кастрюле, —
За нас молитесь, братья дорогие!

Когда команду мы не понимали,
Нас били и дерьмом нас обзывали.
Поймете наше горе вы едва ли,
За нас молитесь, братья дорогие!

Мы пишем вам пером тоски и муки,
О братья, к вам простерты наши руки.
Не дай вам бог страдать, как мы, в разлуке, —
За нас молитесь, братья дорогие!

Услышьте, братья, братьев стон глубокий:
Ваш близкий родич страждет, друг далекий!
Казак вам посылает эти строки, —
За нас молитесь, братья дорогие!

ИЗ СИБИРСКИХ СТИХОВ

Для чего нам упреки,
Если мы одиноки?
Далеко ты, отчизна, —
Трон алмазный, высокий!

Здесь о нас не тоскуют ли дни и недели?
Здесь весной, как зимой, не шумят ли метели?
Мы дождемся ли дня, чтобы синие очи,
Чтобы родины очи на нас поглядели?

До любимого Дона, до края родного
Семимесячный путь нам пройти надо снова.
Много здесь батраков, здесь невольников много,
Их печаль бесконечна, их доля сурова.

Тяжело наше время, легло на нас бремя,
Здесь, в снегах, прорастет ли надежд моих семя?
Умоляю творца, чтобы людям открыл он
Тихий Дон голубой, бурно мчащийся Терек,
Мы, к плоту привязавшись, достигнем отчизны,
Переплыв мелководье, мы выйдем на берег.

Братья, высохли наши сердца от недуга,
Не погреться на солнышке — стужа да вьюга.
Нашим горьким словам на дворах будет тесно,
Если станем рассказывать мы друг про друга.

Дагестанец Казак, ослабевший от боли,
На тебя, Райханат, не надеюсь я боле.
Я в ловушку попал из-за хитрости лисьей,
Обещала помочь — не спасла из неволи.

В кандалах мои ноги, я в клетке ужасной,
Не вернусь я, с сестрой не увижусь несчастной.
Думал я, что княгиня за меня похлопочет,
Шел я вдаль, озираясь назад ежечасно.

Иль надежды людей оказались обманом?
Ждали всходов, земля же оделась туманом.
Я блуждаю в тумане, мечусь я в капкане,
Слышно горе мое в каждом вздохе и стоне.
Эй, Казак, мы в такую ловушку попали,
Что не вызволят нас и крылатые кони.

КАК Я МОГ ПРЕДВИДЕТЬ КОВАРСТВО ХАНОВ?

Герменчик, Герменчик, где овраг да болото!
Мне у ханов прощенья просить неохота.
Бедный знатного просит: «Мне милость подай!»
Так связать его, что ли, да бросить в сарай?

Грозный Алескендер, ты вознесся высоко,
Пред тобою алмаз, что пришел издалека.
Неужели предашь его в руки врага?
Иль в предательстве — золото и жемчуга?

Эй, шамхал, ты умен, рассуждаешь ты здраво,
Как гора Тусари, ты стоишь величаво,
Так к лицу ли тебе, о величья звезда,
По навету меня покарать без суда?

Где хулители подлые? Кто же они?
Криводушные слуги твои? Уздени?

Нас в цепях и оковах брести ты заставил,
Далеко ли ты нас на прогулку отправил?
Далеко ли идти нам, железом звеня,
Иль наш путь — однодневная скачка коня?

По земле мы блуждали, познали мытарства.
О, не мог же я ханов предвидеть коварство!
Даже гладь исковеркана ханских полей!
Выше сосен родных и родных тополей
Ты, шамхал, возвеличен, ты гневен, шамхал, —
Кто же слово добра от тебя услыхал?

Слезы льет арестант, человек без свободы.
Мы прошли многотрудные земли и воды,
Мы вкусили отравы, мы выпили яд,
От которого чахнут сердца и скорбят.

Счастья дни позади, дни тоски впереди,
Наши лица осунулись, буря в груди.

За туманом сокрылась от нас, за туманом
Та луна, что сияет владетельным ханам.

Асхар-Тау, свети благородным светло,
Пусть навек позабудется старое зло!
Станьте добрыми, ханы, скажите нам слово,
Вы сильнее и краше коня вороного,

Словно синие своды небес вы сильны, —
Неужель мы былой не искупим вины?

Лишь к тебе, Асхар-тау, моленья возносим.
Как печальна луна! Мы прощения просим.
Неужель не увидим родную траву?
Неужель никогда не вернемся в Шаву?

Неужели покорных рабов не простят?
Разве нет нам дороги отсюда назад?

Впереди — облаков белоснежных становья,
А на тех облаках — словно птичьи гнездовья:
Это головы наши на досках лежат...
О Казак, ты смертельной печалью объят!

Дни — как ночи у нас, всё тусклей, всё короче...
О, какие туманные дикие ночи!
Дни проходят во тьме, подневольных губя...
Мы оплакиваем, мы хороним себя!

Наше тело — в тисках, души — в мрачном ущелье.
Нам неведомо солнце, исчезло веселье.
Пьяны мы без вина, мы кипим без вина, —
Не от хмеля душа — от неволи пьяна!

Если свет петухи возвещают заране,
Но скрывается солнце в тяжелом тумане, —
Не родной ли в ту пору зовет нас простор?
То не плач ли мы слышим далеких сестер?

Ты вздохнешь, а глаза твои — крови источник.
Только охнешь — сломаться готов позвоночник.
В этих охах и вздохах спасения нет,
Ибо надвое сломан спинной твой хребет.

Не поможет нам плач, если счастье затмилось.
Ниспошли нам, создатель, спасенье и милость,
Дай нам силу горячих арабских коней,
Боже, дай нам свободу, — мы станем сильней,

Полетим, как скакун быстроногий и смелый,
К нашим сестрам вернемся, здоровы и целы.

Спросишь: «Кто нас поддерживал в трудные
дни?» —
Наши сестры: добры и душевны они!
Их сердца полотна дорогого светлее,
Хоть и женщины, нам они ближе, милее,
Чем мужчина, что низок, и лжив, и хитер. . .
Никогда не забудем любимых сестер!

Эй, друзья, нам сопутствуют боль и невзгода.
Где же наше веселье и наша свобода?
Мы отравлены горем, сердца — как зола. . .
Черт возьми, наша вольность была и прошла!

Бог велел — наши судьбы для бога рабыни, —
И лишились мы света, гнием на чужбине.
Эй, Казак, ты в цепях, ты в капкане лежишь,
Ты под бременем тяжких страданий лежишь!

Даже гончей не просто добраться до цели.
Мы за Минском, кругом всё леса да метели.
Говорят, больше тысячи верст до Москвы. . .
Мы пропали, Казак, мы с тобою мертвы.

ОСЕНЬ ГОЛУБАЯ, КАК МАРАЛ

Эта осень была как марал голубой;
Ускакав, увели мы рабыню с собой.
Шесть проехали гор, а настала пора —
Перед нами седьмая возникла гора,
И, заехав в аул, стали мы на ночлег.
Здесь и кончился наш кукурузный чурек.
Бог велел, — мы вернулись в такую весну,
В дни, когда на долине лежит еще снег.
Мы с повинной вернулись, грустя об уходе, —
Нас оставить должны были вы на свободе.

Господин, почему же ты гневом объят?
Разве стоило нас отдавать, как ягнят,
На закланье гяуру, собаке-царю?

Только ты виноват, только ты виноват
В том, что, словно котел, наши души кипят,
В том, что, словно быки, мы телегу везем,
В том, что черный сухарь мы в неволе грызем,
В том, что слезы мы льем, что живем под ярмом,
В том, что гонят нас в край вечной стужи ночной,
И Сибирью зовется тот край ледяной.
Мы идем день-деньской, мы идем день-деньской,
О Сибирь, придави нас надгробной плитой!
Тот, кто выживет, тот и вернется домой,
Чтобы сесть, принеся о погибших известье,
На отцовском, почетном, пустующем месте...

Убежать мы не можем, должны мы брести, —
Черт возьми, Терек встанет на нашем пути!
Мы идем, мы идем! Терек рядом ревет,
А на спинах у нас жаркий выступил пот.
Бесшабашным ровесникам следует знать:
Задевать им нельзя нашу чванную знать, —
Ошибутся по молодости, а потом,
Как и мы, побредут они горьким путем,
Как и мы, убегут, их поймают, как нас...
Чем такими, как мы, стать в губительный час,
Чтоб в Сибирь не брести среди зноя и пыли,
Лучше с прахом сравняться, замолкнуть в могиле.

Всюду терцы-казаки живут у реки,
Западни-казематы у терцев крепки.
Терек буен, широк, — брось надежду, бедняк:
Переплыть не сумеет его аргамак!
Нам враждебна река, всюду терцы живут,
Как посмотришь кругом — иноверцы живут.
Нужен мост, а других не ищи переправ...
Разве господу скажешь: ты прав иль неправ?
Хочет блага тебе — и на горе обрек!
Был указ — невелик наказания срок,
Срок возврата к несчастному старцу отцу.
Если так, то унынье тебе не к лицу,
И побои и муки стерпи от врага,
Будь вынослив, когда тебе честь дорога:
Раз попал ты в беду, раз попал ты в тюрьму,
Не взывай о пощаде к врагу своему.

Пусть наполнятся стойкостью наши сердца,
Пусть умрут, кто не верит, что всё — от творца.
Будь сильней палача, супостата-злодея.
Люди плачут, о нашей беде сожалея.

Без единого брода, бездонна беда,
От людей не исходит она никогда.
Разве мало таких среди нас — где их нет? —
Что родителей добрый отвергли совет,
А родителям стукнуло по шестьдесят.
Но теперь, когда каждому — семьдесят лет,
Их состариться в горе заставили мы,
Срок их жизни печальной убавили мы.
Мы познали тюрьму, скорбь и стыд непрестанный,
А тюремщики кличут нас так: аристаны...

Мы ошиблись, — порой горяча молодежь
И понять не умеет, где правда, где ложь.
Изменяется наша луна без конца,
И железными буйные стали сердца.
А в сердцах мы таили надежду одну:
Скоро минет зима, мы увидим весну,
У шамхала в душе гнев жестокий погас:
Нас накажет сперва — и помилует нас.
Оклеветаны мы. Будь же ты коротка,
Жизнь презренного, грязного клеветника!
Я и я, я и я, — все такие, как я,
Для меня, для тебя здесь одна колея.
Этот мир — солончак, мы звеним кандалами,
И таких же, как мы, поведут вслед за нами.

А когда не погонят таких же, как мы,
День их будет как ночь — и темнее тюрьмы.
Для оставшихся день погрузится во тьму:
От печали по нас не уйти никому.
Мы бредем далеко, даль пустынна, мертва...
Ах ты бедная, буйная ты голова!
Пропадешь ты вдали, пропадешь ты вдали,
Не видать тебе больше родимой земли.
Далеко, далеко нас властитель загнал, —
В этом деле набил себе руку шамхал!

Он, быть может, решит: хватит бедным
страдать, —
И на родину мы возвратимся опять.
Озарится наш день жизнерадостным светом,
Мы к друзьям и родным возвратимся с приветом.

ПИСЬМО ИЗ СИБИРИ

Сколько лет склоняться голове к ногам?
Сколько лет внимать мне тяжким кандалам?

Прокатились годы, месяцы ненастья,
Пролетели быстро дни былого счастья.

Песнями ликуя, мчались эти дни,
Отблистав мгновенно, отошли они.

Долго ли я буду жизнью жить такою,
Жаждущее сердце напоив тоскою?

Грустно, что не вижу счастья впереди,
Черный узел горя вяжется в груди.

Годы завязались в узел вековечный,
Он опутал сердце грустью бесконечной.

Если не распутать этого узла,
Не разбить нам цепи, — не уйти от зла.

Кандалы со звоном, с крепкою заклепкой,
Годы заточенья с каторжной похлебкой,

Месяцы дороги, полные скорбей,
Наши руки, ноги пухли от цепей.

Долгие недели шли мы под конвоем,
Ветер в лица нартов веял душным зноем,

Но встречали стойко мы свой трудный час,
Чтоб шайтан злорадно не смотрел на нас.

Дьявол разозлится, если мы не будем
Жаловаться горько посторонним людям.

Но кому, кому же узникам таким
Жаловаться можно, если не чужим?

Если наша доля — медленные муки,
Скованные ноги, скованные руки?

Долго ли томиться в путах беднякам,
Что ни шаг — склоняться голове к ногам?

Жалуемся, — можно ль упрекать за это
Горные селенья, что не знают света?

Мы живем в теснине, узники ночей,
Из-за гор не видим солнечных лучей.

Не грозят удары панцирю и латам,
Если гордо скачешь на коне крылатом,

Но спастись нельзя нам от пернатых стрел...
Каждый обессилел, каждый ослабел,

Как стрела, что мчалась из далекой дали...
Шли мы спотыкаясь и в капкан попали.

Нас теперь живыми, друг мой, не считай,
Смерть нашла Казака, гибнет Атабай.

ИНЫЕ ВРЕМЕНА

Да, время теперь по-иному течет,
Повсюду ведется имуществу счет.
Лишь тем, кто богатство умеет добыть,
Оказывают уваженье, почет.

Такой установлен отныне закон:
Пусть только богатый пребудет умен!
Нет пользы в уме без богатства, увы,
Лишь нищий в раздумья свои погружен.

Ты словом владеешь. Но ты не богат?
Отбрось это слабое слово назад!
Ты хочешь достойным мужчиной прослыть?
Пусть речи твои никого не язвят!

Ты станешь богат, коль поможет аллах,
Не надо кичиться удачей в делах.
Но ежели ты неудачлив — беда:
Хоть смел, хоть умен, — будешь втоптан
ты в прах!

Сей мир вероломен, изменчив, жесток,
Для этих он тесен, для тех он широк.
Счастливцем ты был — много было друзей,
Утратил ты счастье — и стал одинок.

Мужчина не выскажет слов наобум:
Порою плохие приходят на ум.
А если себя он не в силах сдержать,
То пусть лучше дома сидит легкодум.
Кто станет о нем горевать, если он
Покинет сей мир, что суров и угрюм?

ПИСЬМО МАГОМЕД-ЭФЕНДИ ОСМАНОВУ

Помоги, эй, аллах, помоги мне сейчас!
Пусть удачным стихам звонко вторит мой саз.
Мастерством стихотворным блистал я не раз, —
Что же, песню споем, Магомед-Эфенди!

Абдулле написал ты посланье в стихах, —
Отвечает Казак тебе в кратких словах.
Ты, наверно, забыл о родных, о друзьях
И о доме своем, Магомед-Эфенди.

Редко вести твои нам несут провода, —
Иль тебе этот край надоел навсегда?
Наш печальный привет в эти злые года
Издалека мы шлем, Магомед-Эфенди.

Молят родичи: снова домой поспеши!
Ты прислушайся — просят тебя от души.
О тебе мы соскучились в бедной глуши,
О тебе, о родном Магомед-Эфенди!

Приезжай, наши горькие думы развей.
Люди ставят тебя выше ханов-князей.
Так прими же привет от родных и друзей,
Вспомни, вспомни свой дом, Магомед-Эфенди!

О тебе, о далеком, тоскует жена,
Твоего возвращения жаждет она,
И душа у певца, у Казака, грустна, —
Иль забыл ты о нем, Магомед-Эфенди?

Говорю тебе после приветственных слов:
Ты не ведай беды, весел будь и здоров, —
Так желает Казак, ты услышь его зов,
Окрыленный стихом, Магомед-Эфенди!

Мы в лицо тебя видеть мечтаем давно,
Ибо слову живому письмо не равно.
Спросишь: как нам живется? Скажу я одно:
Кое-как мы живем, Магомед-Эфенди.

Ты уедешь, как только приедешь домой, —
Вновь ненастье и мгла, дует ветер ночной.
Как ты можешь расстаться с родной стороной?
Возвращайся: мы ждем, Магомед-Эфенди!

По тебе мы тоскуем, а сам-то хорош:
Ты родился в Аксае, а где ты живешь?
Лучше родины места нигде не найдешь,
Грустно в доме твоем, Магомед-Эфенди.

Приезжай поскорее: пылая, скорбя,
Ждут ровесники, ждут не дождутся тебя.
О тебе говорят, почитая, любя,
Как о друге большом, Магомед-Эфенди.

Ну, так будь человеком и слушай отца,
Ты о матери думай: болят их сердца.
Кто родился на свет, не избегнет конца,
Помни: все мы умрем, Магомед-Эфенди.

Иль родителям долг ты не хочешь отдать?
Тленен мир, возродиться не может опять!
День и ночь упрекает отца твоя мать, —
Что же будет с отцом, Магомед-Эфенди?

Утешает он мать, правду ей говорит,
Но не слушает мать и рыдает навзрыд,
Защищает тебя и супруга винит...
Кто ж виновен во всем, Магомед-Эфенди?

Пред тобою бессильна, бранит старика.
Ищут в каждом письме: вдруг им скажет строка
О твоем возвращеньи... Их участь горька,
Спорят, плачут потом, Магомед-Эфенди.

Много в песнях Умара ума и добра,
Сладкогласна Питат и светлей серебра, —
И тебе возвратиться в отчизну пора,
Зазвенеть соловьем, Магомед-Эфенди!

«Дни проходят, — так сестры твои говорят, —
Отговорки оставь, приезжай, милый брат,
Мы не видим тебя, наши души грустят
О тебе, дорогом, Магомед-Эфенди!»

На чужбине живешь, — но хотя бы в ответ
Ты прислал нам написанный ярко портрет,
И да будет дыханьем твоим он согрет,
В нем отраду найдем, Магомед-Эфенди.

Ты художнику сразу портрет закажи,
Не увиливай, нам ты себя покажи,
Старой матери, сестрам любовь докажи, —
Ждут тебя день за днем, Магомед-Эфенди.

Если речь о сельчанах теперь поведу, —
Загребают поживу у всех на виду,
Ищут прибыли в лавках, в бахче и в саду, —
На торговцев-обманщиков ты погляди!

Бедняков обдирают мошенник и плут,
Клячу жалкую за скакуна выдают,
За копейку родного отца продают,
Ложь и подлость кругом, Магомед-Эфенди!

Может, к лучшему то, что от нас ты отвык,
Что не видишь, в каком положеньи кумык.
Лживой стала душа, и греховен язык,
Мы раздавлены злом, Магомед-Эфенди!

Люди низкими стали, душою кривят,
Друга друг предает, сын — отца, брата — брат,
Всюду злоба, доносы, наветы, разврат,
Всё пошло кверху дном, Магомед-Эфенди!

Среди нас проходимцы, ничтожества есть,
Что клевещут на всех, потеряв свою честь, —
Предадут, продадут, наплетут что невесть...
Тьфу! Куда мы идем, Магомед-Эфенди?

Их занятие — сплетня, обман, клевета,
Так поступит ли честный, чья совесть чиста?
На базарах толкутся они неспроста...
Знает бог, что наступит еще впереди!

МАГОМЕД-ЭФЕНДИ ОСМАНОВ

Магомед-Эфенди Османов родился в 1840 году в ауле Аксай, в знатной и богатой семье. Отец его был долгое время кадием царской конвойной роты, состоящей из мусульман, в Петербурге.

Учился Магомед-Эфенди в родном ауле, славившемся издавна своими учеными-арабистами. Здесь он получил духовное образование. В 1865 году он едет в Петербург и сменяет своего отца, став кадием мусульманской конвойной роты.

Будучи духовным лицом, Магомед-Эфенди не был религиозным схоластом-арабистом. Он был первым кумыкским писателем, приобщившимся к русской культуре, образованным в широком смысле слова и постоянно пополняющим свои знания. Кроме родного и русского он владел арабским, азербайджанским, татарским и другими языками Востока.

В Петербурге Магомед-Эфенди завязал связи в среде русской интеллигенции. С 1867 года он преподавал на восточном факультете Петербургского университета татарский язык, а позже мусульманское законоведение. В Петербурге же началась и его поэтическая деятельность.

Османов не только писал оригинальные произведения. Он также записывал образцы устного творчества кумыков и ногайцев (близких кумыкам по языку). В 1883 году поэт при помощи Российской Академии наук издал в Петербурге «Сборник ногайских и кумыкских народных песен». В сборник кроме образцов фольклора он включил несколько своих стихотворений и несколько песен Ирчи Казака, которого очень ценил и о котором при его жизни проявлял заботу.

В 1881 году он вышел в отставку и вернулся в Дагестан. Просветитель, болеющий о благе народа, богатый знаниями и гуманный человек, Османов пользовался у кумыков большим влиянием и уважением.

Умер поэт в 1904 году.

Сборник его стихов, подготовленный к печати кумыкским поэтом Манаем Алибековым, вышел уже после Великой Октябрьской революции. («Сборник стихов Магомед-Эфенди Османова», Буйнакск, 1924.)

Первой работой, содержащей подробные данные о жизни поэта и разбор его творчества, является очерк о нем Г. Мусахановой (в книге «Очерки кумыкской дореволюционной литературы», Махачкала, 1959).

ПЕРВАЯ ПЕСНЯ ИЗ «КУМЫКСКОЙ СВАДЬБЫ»

Не все мужчины мужественны нравом,
Не все слывут мужами с полным правом.

Среди мужчин такие люди есть:
Не скажут необдуманно ни слова,
А вымолвив, — хранят мужскую честь;
Пусть даже смертью им грозит сурово
Сам Азраил — они себе верны,
Ведь разумом слова их рождены!

Пускай они обречены мытарствам
Иль предаются радостям земным,
Повелевая сами целым царством,
Но честь мужчин всего дороже им.

Ты, Азраил, всё это зришь воочью, —
Ходатаем за нас пред богом будь.
Проси, чтоб не был жизни краткий путь
Для истинных мужчин еще короче.

Смерть лучших делает слабей народ,
Плохие мрут — живет вольней народ.
Чтоб добрым людям дней продлить остаток,
За одного — бери злых душ десяток.

Проси, чтоб плута не равнял аллах
С мужчиной честным, с тем, кто знает цену
Земному миру, миру в небесах,
И в дружбе не способен на измену.

Пускай господь не жалует господ,
Таящих зло под дружелюбьем внешним,

И языком завистливым и грешным
Между родными сеющих разброд.

Всевышнего посланец самый чтимый,
Ты расскажи ему, чего хотим мы;
И если он преклонит слух к мольбам,
Скорей с ответом возвращайся к нам.

СПОР ПАРНЯ СО СТАРИКОМ

Парень

В круг зовете вы меня,
Видно, с умыслом известным.
Но едва ль пригоден я
К состязаниям словесным.

Старик

Вот арак, а вот шашлык:
Укрепи свой ум и тело.
А проворен ли язык,
Мне-то, парень, что за дело?

Парень

Чарку выпью, но одну,
Чтоб идти прямой дорогой.
Если ж не туда шагну,
Не суди уж очень строго.

Старик

Ладно, выпей-ка сперва,
И, когда наш спор начнется,
Взвешивай свои слова,
Хоть порой язык споткнется.

Парень

Ух и крепок твой арак,
Жжет нутро, бежит по жилам,
Отшибает память так,
Что уж спорить не по силам.

Старик

Тем-то он хорош, что жжет,
Ржу из сердца выжигая!
Что же дождь твой не идет?
Слышу только шум пока я.

Парень

Многих словом я одним
Вынуждал сгибаться низко.
С ветром ты знаком моим,
Погоди, и ливень близко!

Старик

С ветром дождь — недолгий дождь,
Начинай скорей, как можешь:
С юга, что ли, ты зайдешь,
Или с севера обложишь?

Парень

Ох, накличешь ты беду,
Поубавь-ка лучше прыти:
Прежде чем хлестать пойду,
Подыщи себе укрытье.

Старик

Мороси, кропи, сынок,
Даже бурки не накину!
Хоть вали бураном с ног,
Носом не уткнусь в овчину.

Парень

У тебя зубов уж нет
И в седой щетине щеки;
Ты послушай мой совет:
Не бахвалься раньше срока.

Старик

Волком был я матерым,
Разодрал собак немало.
Кто споткнется — поглядим,
Дай-ка схватимся сначала!

Парень

Жаль твоих костей, старик,
Я же выстоять сумею:
На небе Темирказык
С места сдвинется скорее!

Старик

Вот майдан, тенистый дуб —
Испытаем силы наши.
Даст господь — сломаешь зуб
И на кукурузной каше!

Парень

Сам я с верным схож ружьем,
Так что лучше спор оставим:
И шашлык не пережжем,
Да и шомпол не расплавим.

Старик

Ты ружье, а я — клинок,
Шашка крепкого закала.
Испытанья пробил срок:
Ныне грудь мишенью стала.

Парень

Спорить не хочу. Но что ж
Делать мне, когда неволят.
Гляньте: сам он ищет нож,
Что его же и заколет!

Старик

Продаешь ты лисий мех,
Не содрав еще и шкуру!
Знай: позор пятнает тех,
Кто похвастать любит сдуру.

Парень

С виду ты не Азраил,
Но скажу тебе, не скрою:
Даже если б ты им был,
Я б не дрогнул пред тобою!

Старик

Ну, тебе не по плечу
Эта схватка! Как нагряну,
Так живьем и проглочу,
И разжевывать не стану!

Парень

В драке кто-нибудь один
Одолеет непременно.
Не позорь своих седин,
Старости своей почтенной.

Старик

Раз сюда я приглашен,
Значит, славлюсь повсеместно:
Я и знаний не лишен,
И дела мои известны.

Парень

Да, известны... Ты мастак
Воровать коней ночами.
Не попал бы ты впросак,
Выйдя на майдан с речами!

Старик

Красть коня — для молодца
Это доблесть и отрада.
Ничего, что без конца
Лают псы на конокрада.

Парень

Хоть пожива не плоха,
Всё же вор ее утратит:
Чтоб навьючить петуха,
У него добра не хватит!

Старик

В старину, мой дорогой,
На богатство не глядели,
А ценился нрав лихой,
Мужество в опасном деле.

Парень

К даровщинке ты привык,
Но уж нет былой удачи.
Имя-то твое, старик, —
Вроде выдохшейся клячи.

Старик

У меня добро одно:
Уважаемое имя;
Не забудется оно
Ни родными, ни чужими.

Парень

Не хвались таким добром,
Спрячь в сундук товар лежалый!
Далеко теперь на нем
Не уедешь ты, пожалуй.

Старик

Вечен подвигов гранит,
Подвигом герой известен.
Женщина, что честь хранит,
Лучше бая, что бесчестен.

Парень

Быть у бая в батраках
Бедняку велело небо.
Да побьет того аллах,
Кто ворует корку хлеба!

Старик

Нет, пусть бог разрушит дом
У бессовестного бая,
Что играет бедняком,
Грош в нужде ему ссужая.

Парень

Облегченья нет без мук,
Сад не вырастить без пота.
Ишь герой явился вдруг:
Деньги даром брать охота?

Старик

А кого измучил труд?
Чьи бешметы пропотели?
Те, что деньги в рост дают,
Без труда разбогатели.

Парень

Коль бедняк лез в петлю сам,
Он не вправе обижаться.
Кадий разрешает нам
И на ссудах наживаться!

Старик

Всё успел хитро расчесть.
Байский прихвостень твой кадий:
За богатство продал честь,
Веру предал брюха ради!

Парень

Чести нет у бедняка!
Что он перед баем значит?
Ради лишнего куска
У любого он батрачит.

Старик

Кто батрак у нас в краю?
Сын раба и раб природный.
Но за деньги честь свою
Не продаст уздень свободный.

Парень

На поденщиков взгляни:
Их ругать-то мы ругаем,
Но иные уздени
Льнут тесней к бесчестным баям.

Старик

Не равняй ты всех. Пойми,
Белый есть уздень и черный;
Между этими людьми
Есть различие бесспорно.

Парень

Бая любят все, кормясь
От его щедрот великих.
А уздень? Он месит грязь
В сеном выстланных чарыках.

Старик

Берегущий честь бедняк
И в чарыках выше бая!
Он и другу предан так,
Что умрет, его спасая.

Парень

Брюха словом не набить!
Честь? А что это? Откуда?
Чем свободным нищим быть,
У раба рабом я буду!

Старик

Стары мы, и потому
В чем-то и неправы тоже.
Но проклятие тому,
Мысли чьи с твоими схожи!

Забурчал старик, бранясь:
Крепко донял парень ловкий!
Но у них на этот раз
Не дошло до потасовки.

ШАМХАЛ

«Если хочешь узнать, то послушай
Мой рассказ и запомни на случай:
Я немало событий видал...
Жил когда-то кумыцкий шамхал:
Жадной, бешеной силой своею
Он кичился, в разврате коснея.
И дрожал перед ним Дагестан:
Ни один из князей иль дворян
Не решался перечить хоть словом
Приказаньям владыки суровым.

Нежных розовых девушек в дом
Он заманивал лестью, потом,
Только все уходили: «За дело!»
Приказавши раздеться одной
(Из намеченных прежде), хмельной,
Долго, долго рассматривал тело,
Как товар выбирает купец.
Оценивши его наконец,
Говорил: «Бог велик! Пригодится
На три ночи вот эта девица...»
Ой, кого только не оскорблял
Лютый зверь, старикашка шамхал!
Сколько воплей там к небу неслось!
Сколько наземь там слез пролилось!
И, чтоб только не знать унижений,
Те, что были шамхалу близки,
Стали жены бежать украшений,
Платья лучшие рвать на куски.
Перестали — время глухое —
Холить руки и лица белить,
И накрашивать брови золою,
И ресницы сурьмой подводить.
Содрогались красивые лица
От нечаянных даже похвал:
Если только услышит шамхал,
Как три ночи должны разразиться!
Разбежались, попрятались все,
Униженье предвидя в красе...
Ну, спасибо тебе за вниманье!
Продолжать — так не кончишь и ввек...»
Так сказав, протянул на прощанье
Мне ладонь пожилой человек.

О ТЕХ, КОГО НЕ СПАСАЕТ ЧАЛМА

(Отрывки из обличений)

Вспомни деда и отца:
Лжи не знали их сердца,
Потому-то и сбывались
Их желанья до конца.

Верили они, любя,
В друга так же, как в себя.

Мы теперь живем не так.
Кто б ты ни был: друг иль враг, —
Никому не доверяем:
Честности цена — медяк.

Нынче в нашем крае гор
Негодяй в чести и вор.
Были б деньги! Для богатых
Даже кража не позор.

Слушай, ты, хаджи и князь,
На твоем богатстве грязь,
И оно не станет чистым,
Как его ты ни укрась.

Ты, хаджи, даешь взаймы,
Не стесняешься чалмы.
Обобрав единоверцев,
Их доводишь до сумы.

Людям ты твердишь давно:
«Пить вино, курить грешно!» —
Не греха страшась, а траты
На табак и на вино.

Правду люди говорят:
«Тот безгрешен, кто богат».
Ты продашь родного брата:
Четвертак нужней, чем брат.

О ЩЕДРОСТИ И ЧЕСТИ

Никому из смертных дважды
Бог здоровья не дает.
Пусть аллах не тех, кто страждет, —
Жадных баев приберет.

Честью уздени богаты,
Всё иное прах и ложь.
Ты с собой в могилу злата
Всё равно не заберешь.

И достойны те почета,
У кого щедра рука,
Кто готов открыть ворота
Для любого кунака.

Нынче баев, кто спокойно
Продает отца и мать,
Девушки от нас, достойных,
Перестали отличать.

Девушки деньгам в угоду
Отдают красу и честь
И выходят за уродов,
У которых деньги есть.

Пусть же почернеют лица
Тех, кто совестью черны,
Кто бесчестья не боится,
Были б сундуки полны.

* * *

Князь — не муж, рожденный князем.
Муж, рожденный честным, — князь.
Кто с седла свалился наземь,
Тот ногами месит грязь.

Не пятнай, мужчина, чести,
Не сберег ее — беда.
Честь — цветок, на грязном месте
Не цветущий никогда.

Знай, уздень, лишь в чести сила.
Честь — оружье и броня,
А бесчестие — могила
Для джигита-узденя.

ОБЫЧАИ КУМЫКОВ

Деды с женами дружили,
Словно кровь и молоко.
Вместе ели, вместе пили,
Вот им и жилось легко.

А теперь закон старинный
Нам внушает стыд и страх.
За столом сидят мужчины,
Жмутся женщины в углах.

За столами все усаты,
Миски на столах полны.
Словно робкие ягнята,
Сбились жены у стены.

Наполняют парни чашки,
Продолжают пить и есть.
Смотрят девушки-бедняжки,
За столы боятся сесть.

Девушки с парнями рядом
Сесть, быть может, и хотят,
Но недобрым, хмурым взглядом
Старики на них глядят.

ВИНО

К полной пиале с опаской
Руки тянутся всегда.
Ты, вино, вгоняешь в краску
Тех, кто не лишен стыда.

Я б порвал с твоим соседством,
Дружбы мне с тобой не жаль, —
Если б не было ты средством,
Заглушающим печаль.

Ты умеешь подольститься
В горький и в веселый час.
Завлекая, как блудница,
Ты опутываешь нас.

Ты, погрязшее в разврате,
Возбуждаешь нашу кровь.
Ты в тебя влюбленным платишь
Гибелью за их любовь.

Ты — предвестие позора
И предвестие беды,
Ключ и лестница для вора,
Спутник горя и беды.

Ты толкнешь на путь обмана
Тех, кто у тебя в плену,
Чтоб им поздно или рано
Каяться в любви к вину.

МАНАЙ АЛИБЕКОВ

Манай Алибеков родился в 1859 году в селении Аксай, в семье бедного крестьянина. В школе не обучался, но отличаясь большими природными способностями, самостоятельно овладел грамотой. Стихи начал слагать более чем в сорокалетнем возрасте.

Поэт призывал кумыков к просвещению, обличал взяточничество и произвол царских чиновников.

Манай Алибеков, подобно М.-Э. Османову, с которым он был дружен, занимался собиранием кумыкского фольклора. Ему принадлежит собрание «Кумыкская свадьба» (с образцами свадебных песен). Он также автор работы «Адаты кумыков», до наших дней не потерявшей значения как источник изучения старого быта.

Умер поэт в 1920 году.

При жизни его стихи не печатались. Отдельной книгой они вышли в 1925 году в Буйнакске («Собрание сочинений Маная Алибекова»). «Адаты кумыков» в переводе Т. Б. Бейбулатова были напечатаны на русском языке в 1927 году в III выпуске «Дагестанского сборника» в Махачкале.

НАШЕ НАЧАЛЬСТВО

К нам нового прислали станового —
На свете нет такого сквернослова:
Начнет ругаться — не остановить.
Да и лжеца такого нет второго.

Воров не беспокоит он породу —
Никто не враг ведь своему доходу.
Но ляжет буйвол в воду — ругань, штраф:
«Скотских купаний, мол, прикончу моду!»

С тех пор как он назначен к нам в хакимы,
Не занят был делами он другими:
Строчит за протоколом протокол
На буйволов! Ну прямо одержимый!

И лошадь пустишь в воду — преступленье!
Шум, вопли, крики — светопреставленье!
Подумайте, нормальный человек
Так разве притесняет населенье?

Спокон веков валялся буйвол в иле,
Спокон веков коней в воде поили.
Что делать? Хоть покинь родной аул, —
Ведь жить нельзя при этом крокодиле!

Тот, прежний, тоже пес был настоящий, —
Сказали нам, что новый — подходящий.
Но ведь его — хоть посади на цепь!
Он бешеный, всем и всему грозящий!

Что он творит! Где только может — гадит!
С таким буйнопомешанным кто сладит?
Хоть сам — осел, но завтра, может быть,
Он всех ослов за крик в тюрьму посадит!

ДЕЛА ХАКИМОВ

Если приставу Аксая
Взятку хлебом дашь — возьмет,
Хоть муку ему мешками
Отправляют круглый год.

Да, любое подношенье
Наш хаким согласен взять,
Но уж если хлеб берет он,
Больше нечего сказать!

Он ковры, монеты, масло —
Всё хватает, что дадим.
Вот какой завел порядок
Уважаемый хаким!

Свежий хлеб ему приносят,
Ну а дома, на обед
И лепешки кукурузной
Для детей у многих нет.

Где же совесть у хакима?
Видно, властью опьянен,
Если брать и хлеб готовый
У аксайцев начал он!

Что о нем еще скажу я?
Сами видите — каков:
Что ему ни сунешь в руку,
Всё, бесстыжий, взять готов.

От него держись подальше,
Если совесть есть в душе,
Не о ближних он печется —
О своем лишь барыше.

Он во всем вредит народу,
И лишь несколько семей
Поддержать его готовы
Ради выгоды своей.

Словно волны, набегают
Возмущенные слова,
Всё в глаза ему сказал бы,
Но дороже голова.

Да, слова застрянут в горле —
Слишком дерзкие они.
Что бы ни было, но правду
Трудно молвить в наши дни!

ЖАЛОБА АКСАЙСКИХ ДЕВУШЕК

Эй, добрые мусульмане,
Послушайте нас хоть раз:
Зачем вы хотите, братья,
Сравнять со скотиной нас?

Учителя нет — учить нас,
И школы для женщин нет,
Не ходим мы на собранья,
Не слышим мудрых бесед.

Не знаем ни о загробных,
Ни о земных делах,
А разве стремиться к знанью
Нам запретил аллах?

Знанья всему народу
Стали в наш век нужны, —
Вы, мудрые, указать нам
Правильный путь должны.

Ни слову из вашей мудрости
Нам не дают внимать,
А разве не самой первой
Учит ребенка мать?

Постройте нам школы, братья,
И выучимся тогда
Читать и писать, — от этого
Не будет для вас вреда.

Ведь научившись, мы станем
Учить и ваших детей.
Просим вас: от невежества
Спасите нас поскорей!

Конечно, не ваше дело
Хозяйству нас обучать,
Но к знаньям и мы стремимся,
Об этом нельзя молчать.

Скажите же, просвещенные:
«Слушайте, господа!
Нельзя свой народ во мраке
Оставить нам навсегда!»

Ученье кумыкам нужно,
Чтоб вышел народ из тьмы,

Но даже юноши знают
Не больше, чем знаем мы.

Для них мы соринки мельче,
Не ценят они наш труд,
Совесть не позволяет
Жить, как они живут.

Те, кто владеет знаньем,
Чтить свой народ должны
И преступать не вправе
Обычаев старины.

Мы вас не хотим обидеть,
Но выслушайте хоть раз,
Пусть мудрые и почтенные
По чести рассудят нас.

Надеемся мы, что братья
Желают и нам добра:
Своих нареченных девушкам
Самим выбирать пора.

Живут по старинке дочери
Биев и узденей,
А юноши наши могут
Жениться по воле своей.

Но если завет старинный
У юношей не в чести,
Значит, одни лишь девушки
Адаты должны блюсти?

Средь мудрых и просвещенных
Не мало ли есть таких,
Что сами плюют на адаты
И знать не хотят о них?

Женятся наши юноши
На девушках всех племен,
Но хоть одна из девушек
Смогла преступить закон?

Если б вы присмотрелись
К нынешним временам,
Богатства бы не жалели,
Чтоб дать воспитание нам!

Долг умудренных знаньем
Незнающих обучать.
Те, кто помочь нам в силах,
Скажите: с чего начать?

Мудрые и почтенные,
На помощь мы вас зовем,
Просьбу кумыкских девушек
Вам в руки передаем.

Знание — это вершина
Наших заветных дум!

За девушек подписала
Письмо Амина-ханум.

ЖАЛОБА КУМЫКСКИХ ДЕТЕЙ

Много нас, детей, в Аксае,
Но учиться все хотят,
Ведь приносит пользу знанье,
Как плоды — плодовый сад.

Всюду сейте просвещенье,
Чтобы нам сбирать плоды.
Тех, кого учили с детства,
Ждут полезные труды.

Стройте школы, мусульмане,
Станем книги изучать,
Обещаем, что не будем
Ни лениться, ни скучать.

Пусть и нас научат в школе,
Как правдиво, мудро жить,

Приносить народу пользу,
Верно родине служить.

Будем, жизни не жалея,
Мы трудиться день за днем.
За отчизну, если надо,
Мы и кровь свою прольем!

Дети мы, цветы народа,
Сможем дать мы чистый мед,
Но беда, коль наши всходы
С первых дней мороз убьет.

Пусть и наши и чужие
Благородные умы
Мудрым словом нам помогут,
Чтоб вперед шагнули мы.

Просвещенные народы,
Наши добрые друзья,
Сами знают, что оставить
Нас в невежестве нельзя.

Знанье всякому укажет,
Как идти ему вперед,
Там, где нет ни искры знанья,
Задыхается народ.

О родные! Ваши дети —
На неправильном пути.
Просим вас, пока не поздно,
От невежества спасти.

Матери, что нас кормили
Чистым, белым молоком,
Целый век сидели дома
И не знают ни о чем.

Но и девушки в Аксае
Неучеными растут,
Подписаться не умеют,
Даже строчки не прочтут.

Если знаньями богаты
У детей отец и мать,
Смогут многое о жизни
Нам, ребятам, рассказать.

Если ж мать читать не может
И отец не грамотей,
То откуда знать им, темным,
Как воспитывать детей?

Долг родителей священный
Воспитанье детям дать,
Если ж знанья нет у старших,
Так чего от младших ждать?

«Дайте нам богатство знанья!» —
Умоляем мы родных,
И да будут наши жизни
Вечной жертвою за них!

ЗЕЙНАЛАБИДИН БАТЫРМУРЗАЕВ

Зейналабидин Батырмурзаев родился в 1897 году в ауле Аксай. Отец его, серебряных дел мастер, был писателем, автором первых прозаических произведений на кумыкском языке.

Учился Зейналабидин в хасав-юртовском реальном училище, затем в Казани и Астрахани. Юношей принимал участие в студенческих волнениях, приобщился к революционному движению. С приходом Великой Октябрьской революции был в 1917 году избран членом первого Дагестанского революционного комитета, принимал участие во многих революционных событиях в Дагестане.

В 1917—1918 годах выходит организованный Зейналабидином первый общественно-политический и литературно-художественный журнал на кумыкском языке «Танг-чолпан» («Утренняя звезда»), где печатаются его стихи и публицистика. В 1918 году он редактирует первую кумыкскую демократическую газету «Ишчи халк» («Трудовой народ»).

Полный кипучей энергии, всего себя отдавая делу революции, он многое успевает делать и как литератор. Он создает стихи, пьесы, переводит на родной язык «Кавказского пленника» Л. Толстого.

Это был писатель-боец. Рассказывают, что Зейналабидин был левшой, и один из его идейных врагов, чтобы высмеять его, спросил: «Почему ты пишешь левой рукой?» — «Потому, что в правой я держу саблю!» — ответил Батырмурзаев.

Осенью 1919 года Зейналабидин в качестве командира отряда действовал против деникинских банд в кумыкских районах. Отряд его был разбит, а сам он 10 октября был захвачен белыми.

Его расстреляли в Батаюрте.

Через несколько дней был расстрелян и его отец.

Краткая, но плодотворная деятельность Зейналабидина Батырмурзаева, писателя-революционера — яркая страница кумыкской литературы предреволюционных лет и первых лет революции.

НАРОДНОМУ ЗАСТУПНИКУ

Шагай вперед! Шагай вперед быстрее!
Ломай, круши преграды на пути!
Взяв за руку народ свой истомленный,
Его ты должен к счастью повести.

Вслед за народами передовыми
Всё тверже, всё упорней наступай!
Назад — ни шагу! Если нужно будет,
Отдай и кровь свою за отчий край!

Что знает в жизни твой народ несчастный?
Подавлен он, унижен, угнетен,
Но никому не в силах, бессловесный,
О горестях своих поведать он!

Его вороньей, черной, жадной стаей
Клюют и душат крыльями враги,
Его живьем хоронят... Встань, товарищ,
И племени родному помоги!

Эй, честный юноша, борец народный,
Перед врагом колен не преклоняй!
Ведь стоит перед недругом склониться,
И он задушит твой несчастный край.

Эй, выше голову, народ печальный,
Взгляни вокруг: зарей сияет высь!
Проснись, народ! Спать на рассвете вредно,
Повсюду утро настает, — проснись!

1917

КАРАВАН УШЕЛ

Звезда поднялась над нами,
Заря занялась вдали.
Пришла пора пробужденья,
Сияет лицо земли.

Открой глаза! Оглянись-ка!
Ушел караван с утра...
Отсталыми мы остались,
Подняться и нам пора!

1917

УТРЕННЯЯ ЗВЕЗДА

Густые тучи небо покрывали,
Но вот они уходят чередой,
И новый свет встает над краем неба
Сверкающею утренней звездой.

Да! Вот она над нами льет сиянье,
Светлеет даль, развеялся туман...
Встает заря над родиной! Проснулся
Весь наш родной, любимый Дагестан!

1917

ЛАКЦЫ

ПАТИМАТ ИЗ КУМУХА

Патимат родилась в Кумухе в знатной семье. Даты рождения и смерти ее не установлены. Известно, что она жила и творила в конце XIX века и умерла в 90-х годах. Известно, что она (большая редкость для девушки-горянки в ее время) была образованна, знала арабский язык, восточную поэзию.

Творческое наследие Патимат — это, в основном, ее переписка в стихах с любимым ею Маллеем (Малла-Магомедом) из аула Балхар. Она, знатная девушка, аристократка, полюбила простого юношу, муталима. Брак между ними был невозможен, сословные и имущественные преграды оказались неодолимыми. Переписка длилась восемь лет, пока мать Патимат (сама неравнодушная к Маллею) не добилась своего и не разлучила влюбленных. Надломленная бесплодным ожиданием, крушением своих надежд, Патимат умерла.

Трагическая история любви Патимат и Маллея типична для своего времени: «История их любви была возведена самой жизнью на уровень общественного явления... Переписка их — это поэзия самой действительности, вопль страдания отчаявшихся душ» (Э. Кассиев. «Очерки лакской дореволюционной литературы»).

Маллей (1870—1924) известен в лакской литературе не только как автор стихотворных любовных посланий к Патимат, но и как поэт, писавший религиозные стихи.

* * *

За что меня винишь ты,
Вечерняя звезда?
Нависла надо мною,
Как мрак ночной, беда.

Ах, если бы могла я
Стать утренней звездой!

Вслед жениху пошла бы
Дорогою прямой!

Погибни мир свирепый,
Добычей стань огня!
Пусть я исчезну, словно
И не было меня!

ИЗ ПЕРЕПИСКИ МЕЖДУ МАЛЛЕЕМ И ПАТИМАТ

ПИШЕТ ПАТИМАТ

Истоки любви безграничной моей —
В спине у Адама, в начале вещей,
Когда еще не были сотворены
Мельчайшие зарры — зачатки людей.

Чтоб гром разразил тебя, город Кумух,
Где он подкупил мое зренье и слух!
Кадийская в бездну да канет мечеть,
Где учат науке, смущающей дух!

Проклятье тебе, о ревнивая мать,
Велевшая мне в Азайни уезжать!
О мать! .. О владычица жизни моей,
Позволь мне в Кумух возвратиться опять!

Неужто Кааба — одна из высот? ..
Там сердце-паломник свершает обход.
Не райский ли сад эта Шуту-гора,
Которая сердце и взоры влечет?

Тюрьмой обернулся мне дедовский дом.
Не слышу вестей о любимом моем. . .
Здесь, в ханском гнезде, на железной цепи
Заржавеет сердце в уныньи глухом.

Ты знаешь ли, мать, что пригрезилось мне?
Двух птиц я видала недавно во сне.
Кровавые слезы точили они,
Но каждая — в дальней своей стороне.

Одна закричала — пронзительный звук!..
Другая упала, не выдержав мук.
А я с удивленьем смотрела на них,
И вдруг опалил меня страшный недуг.

И — знаешь ли, матушка? — с этого дня
Жестокие муки терзают меня.
Лежу, обессилев, на ложе своем,
Недуга название в тайне храня.

Нет, нет, не горячка бушует в крови, —
На сердце обрушилось горе любви.
Ты — враг мой коварный, ревнивая мать!
Пусть прокляты будут все козни твои!

Умру я в мученьях... На ком этот грех?
Не дочь ли — помеха тебе из помех?..
А съедутся гости меня хоронить,
Ты сахаром белым попотчуй их всех.

Придут, может статься, подруги мои —
Напитками сладкими их напои!
А будет меж прочими гость молодой —
Скажи ему всё, ничего не таи!

Да ведает он, молодой муталим,
Как лоб этот нежный был страстью палим.
Да вспомнит с раскаяньем гость молодой,
Как взоры мои устремлялись за ним!

О, пламя, которое любящих жжет,
И я угодила туда в свой черед!
О, враг, убивающий пленных своих!
Он жертв не щадит, и меня он убьет.

Ты слышишь ли, матушка, эти слова
Любви ликованье узнавшей едва?..
Поток взбушевал вслед за ливнем любви,
В пучину морскую несусь чуть жива.

Дорога — длинней, горы встали стеной...
От милого весточки нет ни одной...
Любимый, желанный! Не горько ль тебе,
Что счастье проходит для нас стороной?..

Далекий мой сокол!.. Пусть множество лет
Глаза твои зоркие смотрят на свет!

ПИШЕТ МАЛЛЕЙ

О красавица! Твой сон, —
Разве впрямь не вещий он?
Разве я на самом деле
От тебя не отдален?

Восемь слов за восемь лет
Произнес ли я в ответ?
Не солгало сновиденье,
Если я ответил: «Нет».

Разве я когда-нибудь
На меня просил взглянуть?
На любовь твою не думал
Я ни словом посягнуть.

Укроти огонь души!
Даже взглядом не греши!
Горемыке муталиму
Больше писем не пиши!

О любви забудь своей,
Несчастливца пожалей.
Да не будет он добычей
Злоязычия людей.

Наши книги говорят:
За один лишь грешный взгляд,
За нечистое желанье
Уготован вечный ад.

Умоляю: отойди!
Грешным взглядом не гляди!..

ПИШЕТ ПАТИМАТ

Ласточка моя, дай срок,
Хоть аул Балхар далек,
Попадешь ты в мой силок!..
Злой разлучнице — проклятье!

Сокол, что глядит светло,
Ты меня, судьбе назло,
Под свое возьмешь крыло!
Злой разлучнице — проклятье!

Книги мудрые давно
Изучать тебе дано.
Где ж лекарство?.. Где оно?..
Злой разлучнице — проклятье!

Я пылаю, как в огне.
Гибну по твоей вине.
Что ж не дашь лекарства мне?
Злой разлучнице — проклятье!

Страсть меня бросает в дрожь.
Ты вонзил мне в сердце нож.
Что ж лекарства не даешь?
Злой разлучнице — проклятье!

Милый, как хочу я знать,
Что тебе сказала мать?
Что родным пришлось сказать?
Злой разлучнице — проклятье!

Ты уходишь по горам
От своей Асли Карам...
Я — вослед, я — по пятам...
Злой разлучнице — проклятье!

О Меджнун, на край земли
Уходящий от Лейли,
За тобой влачусь в пыли...
Злой разлучнице — проклятье!

Как Фархад своей Ширин,
Ниспошли ко мне с вершин
Слово или взгляд один...
Злой разлучнице — проклятье!

Лишь при мне проговорят:
«О Кааба! .. О Суад!» —
Вспомню твой горящий взгляд...
Злой разлучнице — проклятье!

Захочу еды простой —
Будет мне любовь едой.
Слышишь, нелюбивший мой?
Злой разлучнице — проклятье!

Захочу воды живой —
Будет мне любовь водой.
Мой безгрешный, мой святой! ..
Злой разлучнице — проклятье!

Страсть горит во мне, паля.
Если бы вздохнула я —
Загорелась бы земля.
Злой разлучнице — проклятье!

В сердце — слез кипит струя.
Если б зарыдала я —
Вмиг иссохли бы моря!
Злой разлучнице — проклятье!

Что там книги говорят?
Рай за что они сулят?
И за что готовят ад?
Злой разлучнице — проклятье!

Ты страшишься адских мук?
Кто же вверг меня в недуг?
Иль не ты, безгрешный друг? ..
Злой разлучнице — проклятье!

Как начнется Страшный суд,
Где добро и зло сочтут, —
Оправдаешься ли тут?!
Злой разлучнице — проклятье!

Щедрый! .. Как ты без стыда
Встанешь пред лицом суда? ..
Чем прикроешься тогда?
Злой разлучнице — проклятье!

Добрый! .. В рай направив путь,
Взять меня не позабудь.
Я — твоих деяний суть!
Злой разлучнице — проклятье!

Что ж, палач души моей,
Не смущайся, не робей, —
Прямо в рай ступай скорей! ..
Злой разлучнице — проклятье!

Где мускус и амбра струят аромат,
Где воды в колодце священном блестят,
Для сокола светлый постройте дворец,
Разбейте вокруг хризолитовый сад.

В тени, средь фиалковых тихих полян,
Где сыплет алмазы и жемчуг фонтан,
Весь день предлагайте ему, не скупясь,
Премудрости цвет — золотистый шафран.

Пусть яхонт на башне дворцовой горит.
На башенной двери да блещет нефрит!
Пусть сокола в башне покрепче запрут, —
Не то он еще в Азайни улетит!

Тюрьмою да будет ему медресе —
Из камня и мрамора, в мрачной красе.
Пускай поживет в одиночестве там,
Изучит узорные надписи все...

Мягчайшее ложе внесите в тюрьму,
Алмазы вплетите щедрей в бахрому,
Пусть верные слуги и сахар и мед,
Как знатному хану, подносят ему.

Пускай для него у высоких ворот
Чудесный, прозрачный источник забьет.
Пускай отдыхает в тиши муталим,
Пускай пития он медвяные пьет!

Пускай мастера для него возрастят
Из женских влюбленных сердец вертоград,
И да усладит его зренье и вкус
Блаженного сада того виноград!

А я протянула по небу туда
Из глуби влюбленной души провода,
Чтоб вести скорей получил дорогой
О страсти, зажженной в душе навсегда.

Но ветер жестокий сломал телеграф,
Серебряные провода оборвав,
И светлые вести о вечной любви
Исчезли, в бездонный колодец упав.

С постылой низины в Кумух свой родной
Дугой изогнула я мост золотой,
Чтоб светлые вести о вечной любви
Скорей от меня получил дорогой.

Но бешеный вдруг разъярился поток,
Он мост золотой поломал и повлек,
Он светлые вести порвал, разметал
По горным теснинам, по скатам дорог...

Любимый! Желанный!.. Конец мой настал.
На кладбище, где похоронен шамхал,
Прошу тебя, знамя любви водрузи,
Чтоб ветер нагорный его развевал.

Мне воздух низины, должно быть, во вред,
Когда я умру — о души моей цвет! —
На кладбище камень любви положи,
Чтоб теплый на нем золотился рассвет.

Тебе, справедливый, хочу завещать
Мою сострананья не знавшую мать.
В колодец тоски ты ее заточи!
В железные цепи вели заковать!

Пусть черные мысли ей душу гнетут!
Пускай на земле, как Марут и Гарут,
Томится она вплоть до Судного дня...
Веками пускай она мучится тут!

Согласна ли, мать, на страданья в веках
За козни твои, за ревнивый твой страх?!
Не гневайся, мать, на несчастную дочь,
А лучше подумай об этих словах.

ПАТИМАТ ПИШЕТ МАЛЛЕЮ

«Нет», — во сне ответил. «Нет».
По-арабски был ответ.
Сердце горько приуныло.
Помутился белый свет.

Что ты сделал?.. Как ты мог?!
«Нет» — оно сбивает с ног.
«Нет» — палящим этим словом
Ты меня и вправду сжег.

«Нет»... Зачем нам слово «нет»?
Если «нет» — любить запрет,
Пресечет ли слово муку,
Длящуюся восемь лет?!

Или, думаешь, замок —
Слово «нет», что ты изрек, —
И уста мои закроет,
Страстных слов прервав поток?!

Или на́ море забот
Горя белый пароход
Слово «нет» волною черной
Опрокинет, разобьет?..

Или сердцу в сладкой пище
— Нет нужней ее и чище —
Вдруг откажет слово «нет»,
Точно сердце — это нищий?

Разве страсть — как райский луг,
Что меня спугнул ты вдруг?
Или слово «нет» считаешь
Ты одним из райских слуг?

Иль еще какая сила
В слове «нет» тебя прельстила?
Иль во сне пресветлый рай
Показать я попросила?

По-арабски дал ответ...
Разве я Абул-поэт?
Разве я Аби, который
По-арабски пишет «нет»?!

Или слова «нет» значенье —
Это средство для леченья,
И его просила я
Как лекарство от мученья?..

Чем так горько отвечать,
Лучше было промолчать.
Слово «нет» я не просила
Класть на сердце, как печать!

Чтоб усилить боль и бред,
Всё окрасить в черный цвет, —
Разве я тебя просила
Говорить мне слово «нет»?!

Если в лучшей из бесед
Спросят: «Любишь ли, мой свет?» —
Прекращают ли беседу
Безнадежным словом «нет»?

Иль прервать любовь пора
Быстрым росчерком пера?!
Словом «нет» ее прикончить,
Точно взмахом топора?!

Нет! Пиши его умело,
Амброй на бумаге белой,
Присылай мне слово «нет», —
Нет до этого мне дела!

Нет, любовь моя — при мне,
Что б ты ни сказал во сне!
Нет, любовь не обездолю
Даже по твоей вине!

Сниться может то и это...
Не нарушу я обета.
Нет, надежды не убьют
Все недобрые приметы!

Хоть тебя я удивила —
Не суди меня, мой милый,
Что в неистовстве любви
Столько слов наговорила!

Твой да будет счастлив путь...
Нет, счастливым ты не будь,
Если мне, хотя бы в гневе,
Не напишешь что-нибудь!

ПАТИМАТ ПИШЕТ МАТЕРИ

Что за цель ее влекла?
Почему, сгорев дотла,
Дочь ее навек ушла, —
Ханшу Аймисай спросите.

Где алмаз ее кольца?
Почему в садах дворца
Тоненького деревца
Больше не видать? .. — Спросите.

Пусто в доме и в садах.
Где схоронен бедный прах?
Обо всех своих делах
С кем толкует мать? — Спросите.

А кому ты будешь, мать,
Ханский дом передавать?
Роз цветущих благодать
Передашь кому? — Спросите.

Род шамхалов знаменит.
Кто преданья сохранит?
Для кого цветник пестрит
Всеми красками? .. — Спросите.

Ханов звонкую казну
Побросайте в быстрину!
Пусть казна идет ко дну!
Для кого она? .. — Спросите!

Чтоб не видел чуждый взор
Тайной совести укор,
Крепко ль сердце на запор
Ханша заперла? .. — Спросите.

Средь владенья своего
Ханша правит торжество.
Всё ли знатное родство
Собралось на пир?.. — Спросите.

Чтоб еще возвысить род,
Пусть она войска зовет.
Может, замуж мать пойдет
За начальника?.. — Спросите!

Или — если так сильна —
Будет ханствовать одна.
Только справится ль она
С черным ангелом?.. — Спросите.

Пусть она стеной кругом
Обнесет шамхалов дом.
Знатным именем, родством
Нужно ль чваниться? — Спросите!

А в кого вперяла дочь
Очи грустные, как ночь?
Захотела ль ей помочь
Мать ревнивая?.. — Спросите.

Не она ль всему виной?
Хорошо ли ей одной?
Обрела ль теперь покой?
Отдохнула ли?.. — Спросите.

Как теперь ее житье?
В дрожь бросает ли ее?..
Глубоко ли острие
В сердце воткнуто?.. — Спросите.

Снова ль ярко зажжены
Лампы солнца и луны?
Если камню нет цены,
Как терять его?.. — Спросите.

Может, стало ясно ей,
Кто из всех друзей ценней?
Может, сделалось добрей
Сердце злобное?.. — Спросите.

Светел род и знаменит.
Кто ж теперь его грязнит?
Не сама ль она глядит
На незнатного?.. —
Спросите.

ПЛАЧ ХАНШИ АЙМИСАЙ

О, горе! Увял нерасцветший цветок!
В лугах ароматный шиповник поблек!
Да хлынет поток на луга и леса!
Владенья шамхала да смоет поток!

Пропала твоя голова, Аймисай!
Поток заливает цветущий наш край...
Ярись, о поток, по дворам, по горам,
До неба гремящие волны вздымай!

Нет больше на свете моей Патимат!
Цветок мой весенний могилою взят.
Блестящие черные косы ее
В холодной могиле недвижно лежат.

Услышь мои стоны, земля Азайни!
Желанную дочь мне живою верни!
Не можешь?.. Немедля меня поглоти!
Пусть матери горькой окончатся дни!

Под мертвенной тяжестью каменных плит,
В могиле, где дочь злополучная спит,
Пускай упокоют и бедную мать,
Чье сердце ослепло, чей разум убит.

О, что ты сказала в предсмертный свой час,
Когда потускнели огни твоих глаз?!

«Меня не касайся рукою своей!» —
Ты мне приказала, и взор твой угас.

А тот, кто повинен в несчастье твоем,
О ком тосковала ты ночью и днем,
Не он ли по тропам блуждает, как вор,
Всё ищет кого-то и смотрит кругом.

Бейте, девушки, тревогу!
Выходите на подмогу,
А иначе к нам, в аул,
Подлый вор найдет дорогу.

Сердце у него стальное
Под железною бронею...
Кто ворота не закрыл?
Вор стоит передо мною.

«К нам сюда ты не был зван!
Иль наказ шайтаном дан?
Что тебе о нас поведал
Повелитель твой, шайтан?..»

Чтоб забыть свою вину,
Горы я считать начну.
Чтобы с гневом совладать,
Серебро пойду считать.

Горы все продам подряд,
Брошу я луга и сад...
Побегу, себя спасая,
Прочь, куда глаза глядят.

О чем говорят у меня за спиной?
Кто вести дурные приносит домой?
Чьи злые наветы, какая напасть
Меж мною и дочерью стали стеной?

О, как мне их жалко, сады Азайни!
Не цвесть им, как прежде, в прохладной тени.

Лишились они золотого дождя,
Под солнцем бесплодно иссохнут они!

Пропала, погибла моя голова!
Без цели и смысла бреду чуть жива.
Так тяжко рыдаю о горе своем,
Что очи померкли и видят едва.

Гремящий поток, уноси меня прочь!
Мне больше томиться на свете невмочь,
Не я ли жестокою волей своей
Навеки сгубила желанную дочь?

Тоска меня гложет... О, горе! О, стыд!
Он людям в глаза поглядеть не велит.
Ударила молния в розовый сад,
Обуглен мой розовый сад и разбит!

Простите, родные, меня не виня.
Сама я себя обвиняю, кляня...
День скорбной кончины моей Патимат, —
Кончиною мира он стал для меня.

ПИШЕТ МАЛЛЕЙ

Милая моя! Мой друг!
Я — во власти страшных мук.
Только мы с тобою знаем,
Как зовется мой недуг.

Кто подаст благой совет,
Как спастись от черных бед?
Ни в одной премудрой книге
Для меня лекарства нет.

Сердце мне недуг пронзил —
Стал я немощен и хил.
Даже богу помолиться
Не хватает больше сил.

Милый образ, дорогая,
Гостья радостного рая!
Где лекарство мне найти?
Где искать его? Не знаю!

Если даже есть оно,
Если будет мне дано,
Верно ли, что нам с тобою
Счастье в жизни суждено?

О владыка смертных всех!
Огради от злых помех
Любящего столь глубоко!..
Господи, прости мой грех!

О владыка смертных всех!
Огради от всех помех
Любящую столь глубоко!
Господи, прости мой грех!..

Да отсохнет мой язык,
Что к признаньям не привык,
Если я за дни разлуки
Глубь страданий не постиг!

Даже светлым, ясным днем
Тучи — ná небе моем.
А из глаз моих померкших
Слезы катятся ручьем.

Может статься, потому
Превратился свет во тьму,
И в таком просторном мире
Тесно сердцу моему...

Мой цветок душистый, летний,
Свет очей моих последний!
Ты не слушай, что плетут
Мастерицы хитрой сплетни!

Ох, язык их злоречив!
И шайтана с толку сбив,
Успокоятся ль вещуньи,
Нас с тобой не разлучив?

Ночь сейчас, но мне не спится.
Задремлю — всё то же снится,
И во сне еще нежней
Речь моя к тебе струится.

Если даже нам с тобой
Счастье не дано судьбой —
Помни обо мне, голубка,
Райский цветик голубой!

МАХМУД ИЗ КУРКЛИ

Махмуд родился в 60-х годах (точная дата не установлена) в селении Куркли, в бедной крестьянской семье. Учился в начальной духовной школе при мечети.

Как тысячи лакцев, Махмуд в поисках заработка спускался с гор на плоскость. Многие годы он работал поваром в одной из портовых харчевен Баку.

В народе живет память о его любви к младшей сестре поэтессы Щазы — Патимат. Махмуд уже был в летах и женат, когда встретился с ней, совсем юной, это помешало им соединиться, хотя Патимат также любила Махмуда и после его смерти не вышла замуж, осталась в девушках.

Умер поэт в 1912 году.

Сведения о жизни и творчестве Махмуда из Куркли собраны лакским литературоведом Э. Кассиевым.

На русском языке стихи поэта печатаются впервые.

ПЛАЧ ПО ЗАЙДИЛАВУ КУРКЛИНСКОМУ

Куда все мужчины идут?
Ведь не без причины идут?
Но спросишь — в ответ тебе скорбно
Все лишь головами качнут.

Аул Шахувá на устах —
Печали слова на устах.
О, день всенародного горя,
Смятенье в умах и в сердцах!

На площади толпы стоят,
И, в скорбный одеты наряд,

Старухи вопят над покойным,
Творят причитанья обряд.

О, место слиянья двух рек,
Будь проклят их буйный набег,
И мост Карашинский висячий,
Сиратским мостом стань навек!

Иль стал бесталанным ты вдруг,
Иль ног ты лишился и рук,
Что мудрую голову отдал
Взбесившимся водам, наш друг!

О, лакцы мои, земляки,
Скажите нам вы, старики,
Не мира конец ли, не кара ль
Казнящей господней руки?

Холера одних унесла,
Болезням иным нет числа,
Но хоть бы судьба Зайдилава,
Опору народа, спасла!

Отец твой был угнан в Сибирь,
И там был он наш поводырь, —
Теперь же рекой разъяренной
В морскую ты выплеснут ширь!

Вдоль берега моря ль брожу
Иль на корабле я сижу
И буря грозит моей жизни, —
О нем, лишь о нем я тужу.

Когда уходил лишь вчера
В Ахар на совет ты с утра,
Сказал ли ты матери старой:
«Навек проводи со двора!»

Ушел — и погиб не в черед,
Оставил детей ты — сирот.
Судья справедливый и мудрый,
Ты осиротил весь народ!

Сверкал ты не только для нас, —
Всего Дагестана алмаз,
Ты, саваном белым укутан,
Для нас, безутешных, погас.

С плеч мокрую бурку сорвав,
Оружье в воде растеряв,
Водой побежден, обессилен, —
Погиб, утонул Зайдилав!

Природа рыдала! Увы,
Лишился народ головы
В ту ночь, когда с грозным потоком
Ты встретился близ Шахувы!

Померкли звезда за звездой,
И черной смолою густой
Всё небо вдруг залито было,
Когда ты был схвачен водой.

Наш светоч нас не озарит,
Нас мудростью не одарит, —
Десятками бурок в кунацкой
От взоров живых он укрыт!

Когда над твоей головой
Лег каменный груз гробовой,
То солнце застыло в зените
Средь летнего дня над тобой.

Ты мир украшать родился,
Народ утешать родился,
Ты тополем беложемчужным
Возрос высоко в небеса!

И девы и богатыри
Согнулись от скорби — смотри!
О столп золотой поученья,
Воскресни и заговори!

ЮСУП ИЗ МУРКЕЛИ

Юсуп родился в 1864 году в селении Муркели, в зажиточной семье. Отец его решил своих трех сыновей определить к различным занятиям. Средний был приставлен помогать ему в торговле, младший овладел мастерством ювелира; Юсупу, как старшему, выпала судьба стать ученым. Он был муталимом в различных медресе Дагестана: в Кумухе, Салтах, Ботлихе, Кумторкале, Тарках — и в Осетии. Получив высшее духовное образование, служил кадием Кумуха. (Поэтому его называют также Юсуп-Кади.)

Тридцати пяти лет он женился, причем не по выбору родителей, как было принято, а по любви. Умукусум, которую поэт любил, была круглая сирота и убежала ради него из дома своих родственников. Как ни противился отец поэта, Юсуп решительно настоял на своем и взял ее в жены. Решимость его была тем настойчивее, что отец уже разрушил однажды его любовь: когда он в Тарках, муталимом, полюбил кумычку, отец запретил «безумцу» жениться на девушке «чужого племени».

С 1901 по 1908 год Юсуп жил в Ашхабаде, сотрудничал в Среднеазиатском издательстве в качестве переводчика на арабский язык и консультанта. Ашхабадский период его жизни был очень плодотворным. Он много работал над собой, глубоко ознакомился с восточной классикой, изучил русский, азербайджанский и персидский языки. (Кроме родного он в совершенстве владел русским, арабским, персидским, азербайджанским, аварским, кумыкским и осетинским.)

В 1908 году поэт переехал во Владикавказ. Здесь он был кадием мечети, принимал участие в работе городского музея. Во Владикавказе жило много лакцев-кустарей. По предложению Юсупа для их детей была создана начальная примечетская школа, в которой изучали русский и арабский языки и другие предметы.

В 1914 году поэт возвратился на родину. В Кумухе он преподавал в лакском вышеначальном училище арабский язык.

Слагать стихи Юсуп начал еще в годы учения. Творческая деятельность его длилась до последних лет жизни. До нашего времени дошел лишь один рукописный сборник поэта («Диван

Юсуфа Кади Загиди-заде Муркели»). Многие стихи поэта стали песнями, вошли в народный обиход лакцев.

Писал Юсуп не только на родном, но и на арабском и персидском языках. (Сохранилось несколько его арабских стихотворений.) Восточная литература, обогатившая его, оставила заметный след на его творчестве.

Умер поэт в 1918 году в Кумухе.

На лакском языке произведения Юсупа Муркелинского впервые опубликованы в «Антологии лакской поэзии» (Махачкала, 1958).

ЖАЛОБА НА ЖИЗНЬ

Я правды в жизни никогда не видел,
Я только ложь всегда и всюду видел.
Товарищей и близких и родных — не видел,
И справедливости я в них — не видел.
Я честного среди людей — не видел.
Я знал рабов, гонимых беспощадно,
За жизнь свою хватающихся жадно
И потерявших разум свой, — я видел.
По волнам горя многие плывут,
Откроешь сердце людям — засмеют.
Ты с дружбой истинной подходишь к людям сам,
Врагу доверься, но не верь друзьям.
И брат на брата смотрит, как на вора, — видел.
И жен, их вызвавших на ссору, — видел,
Соседей, хуже, чем собаки, видел,
И женщин я — виновниц драки — видел...
Ты сделал сотню тысяч добрых дел —
Неблагодарность будет твой удел.
Ошибся раз — уж люди заняты
Молвой: всю жизнь лишь ошибался ты...
Святых, ученых, целую страну
Я видел, изнывающих в плену,
Я видел грешников, завоевавших страны,
Пророков и глашатаев обмана,
Нашедших счастие в чужой беде, — я видел,
Счастливой жизни я нигде не видел...

Я жизнь осматривал со всех сторон —
В ней фальшь и грязь застыли испокон.
Царей в стране моей родной — я видел,
В погоне за чужой землей — я видел...
Тебя влекут легко к любимой ноги —
Ты будешь остановлен на дороге!
Чтоб человек совсем счастливым стал,
Чтоб всем он был доволен — я не видал.
Найди алхимик жизни эликсир —
Его достойно не оценит мир.
В садах наук жемчужные плоды,
Но к тем садам потеряны следы.
И мой родной аул, и мой народ
В садах наук не обрывают плод...
Я знал богатство, славу и мечту,
И всё, что есть, и власть, и красоту,
Пока я жил, на всё смотрел всегда,
Но только правды — никогда не видел.
И сам морщинистый, измученный в борьбе,
Я признаюсь, что добрых дел в себе —
не видел!..

1907

ОБВИНЯЮ РОДСТВЕННИКОВ

При вдохе — к высям гор я грудь подъемлю,
При выдохе — свергаюсь вниз, под землю.

Тяжелым вздохом пламя раздувая,
Мне душу горе жжет, — дышу едва я.

В степь выйду — муки облегчить на воле, —
Как я, степное мучится раздолье.

Хочу, чтоб ветер сдул с меня усталость, —
Он слаб, как я, не знаю, что с ним сталось.

И ночью было мне светло когда-то,
Теперь и днем всё темнотой объято.

За ночью ночь безрадостная длится,
И не с кем даже горем поделиться.

А в дни, когда я оглушен тоскою,
Никто не спросит — что со мной такое?

Я уповал на родственников прежде,
Но тщетно предавался я надежде.

Я всё им был готов отдать заране:
И жизнь свою, и труд, и достоянье,

Об их благополучии радея,
Я жил в заботах, прозябал в нужде я,

Я жертвовал здоровьем, если надо,
И что же? Горе — вот моя награда!

Невежды, чье и днем бессильно зренье,
Ночных трудов разрушили творенье,

Свалили стену, что высокой слишком
Вдруг показалась низким их умишкам.

Всё созданное мной разбито ими,
Их умозаключеньями тупыми.

Я вещи дивные творил, но сразу
Мне их в лицо швыряли вместе с грязью.

Убогие созданья, не они ли,
Не смысля в красоте, — ее чернили?

Для них я жил, собой пренебрегая,
Смотрите, благодарность их какая!

В дурном под старость каются, смиряясь,
А я из-за родни в хорошем каюсь.

Пришла пора благим делам, раздумьям,
Но связан я родных «благоразумьем».

Не жаль мне лет, прошедших в жертвах
трудных, —
Жаль, стерлись грани самоцветов чудных...

Ох, пропади ты пропадом, мирское
Существованье мерзкое такое!

Хочу я поступить как можно лучше —
Добро во зло ты превращаешь тут же.

Ох, суетная жизнь, как ты бесстыжа!
За вечный труд награды я не вижу.

Я иногда так злюсь на всё на это,
Что глаз не закрываю до рассвета.

В моей груди такое пламя злобы,
Что до небес оно дойти могло бы!

Грудная клетка выдержит едва ли
Столь мощный вздох — хоть будь она из стали!

В ночи́ — угрюмых мыслей вереница,
И нет родных, кому б я мог открыться.

В тоскливый день приходится мне туго,
И рядом нет участливого друга,

И родственника рядом нет, который
В несчастье послужил бы мне опорой.

Я в горе жил и в горе мир покину,
И кто поймет тоски моей причину?

Чем я могу пронять, уйти готовясь,
Того, кому чужда и честь и совесть?

Как наделить мне разумом свободным
Того, кто обделен умом природным?

Слепца, что не спешит добру навстречу,
Возможно ль научить добросердечью?

Как объясниться с тем, кто глух к советам
И высмеян за это целым светом?

Безумец избегает мысли здравой,
Невежде знанье кажется отравой.

Ученый может для людей трудиться,
И всё ж науку осмеет тупица.

Так говорилось нашими отцами:
«Глупцы считают мудрецов глупцами».

Дотла бы ты сгорела, жизнь людская!
Ты губишь правду, кривде потакая.

Юсуп, забудь все огорченья эти:
Не ценят добродетели на свете.

1912
Тифлис

НАСТАВЛЕНИЯ

Пусть благородным был поступок твой, — о нем
Твой недруг раззвонит, как о грехе большом.

Юсуп, нарви цветов, гуляя на лугу,
Колючками они покажутся врагу.

Не так ли чудное сияние зари
Считают бедствием и злом нетопыри?

———

Как ямы не наполнит росы скупая влага,
Так алчных не насытят земные наши блага.

———

Голодный пес, найдя мясца кусок,
Не спросит — чье оно или откуда:
Даджалова ль осла или верблюда,
На коем ездил сам Салих-пророк.

———

Великодушья древо выше гор.
Плодов его возжаждав, полных сока,
Не подрубайте ствол его жестоко,
Вонзив неблагодарности топор.

Нет, ты не ученый, пока не научен
Использовать в жизни всю мудрость наук!
Пусть множеством книжек осел твой
навьючен —
Тебя ведь умнее не сделает вьюк.

Как платят злом за зло, легко увидеть,
Ты ж человек — добром за всё плати.
Немудрено обидчика обидеть,
Но если ты мужчина — всё прости.

Большое горе быть лишенным власти,
Но горше тем, кто обретает власть:
Нет более мучительной напасти,
Чем в лапы страха вечного попасть!

Осел, хотя бы побывал он в Мекке,
Как был ослом — пребудет им вовеки.

Корабль — это рай для спасенного из водоверти,
Кто на море не был, тот видит в нем ангела смерти.

Брось друга, коль твои враги — друзья ему.
Запомни, человек, одно из мудрых правил:
Не открывай души, не доверяй тому,
Кто, другом став тебе, друзей своих оставил.

Сынок, не раздражаясь, не грубя,
С мужчинами лишь мирно ты беседуй.
Не оскорбляй и бранью не преследуй
Того, кто хочет выслушать тебя.

Что о паломнике сказать? Он явный плут.
Он обирает нас, подачки вымогая.
Паломник истинный не он, а тот верблюд,
Который на своем горбу таскал лентяя.

Если б кошки летали — не только бы пуха,
Не осталось бы и воробьиного духа!

Приятно услужить, но неумнó
Помочь злодею залечить увечье.
Жалеть змею — ведь это всё равно,
Что уничтожить душу человечью!

Невежда, не нашедший путь к удаче,
Честней, чем образованный подлец:
Ведь первый — лишь споткнувшийся слепец,
А тот, второй, — попавший в яму зрячий.

Коль мало смыслишь ты в предмете спора —
Внимай, ни слова сам не говоря:
Болтун теряет уваженье скоро,
А умный языком не треплет зря.

И за час можно в каждом из честных людей
Распознать чистоту, благородство души.
Грязь души обнаружить гораздо трудней,
Потому доверяться другим не спеши.

* * *

Черноокого сокола, за добычей следящего в оба,
Приручить, не пустить, привязать — попытайся,
попробуй.

И уста, обагренные розовым соком, весной
Могут насытиться только медом пчелы молодой.
Напоенное вдоволь, примяв голубые цветы,
Тело мое! Что иное почувствуешь ты?

* * *

Я весла отбросил, решил я напиться,
Но кормчий упрямо велел торопиться.
Хотел я попробовать розовый сок,
Но пробку из склянки я вынуть не мог.

Кто в мире подобными муками мучим?
Чье небо так плотно закутали тучи?
В кувшин я поставил цветы, но взгляни:
Там не было влаги, — увяли они.

Узнали б друзья мои, как я тоскую,
Как страсти моей беспределен порыв, —
Они бы ко мне даже в полночь глухую
Примчались, из ветра коня смастерив!

* * *

Мне бы сильные крылья, и к вам я готов
Полететь над вершинами снежных хребтов.

Той, что чище эфира, алмаза светлей,
Расскажу, что в душе затаилось моей,

Чтоб часы за часами в беседе текли,
Чтобы ею насытиться мы не могли.

* * *

Два соловья в садах Багдада обитали,
И песня их любви звенела без печали.

Раскрылись два цветка среди гранитных скал,
И каждый, полюбив, нежней благоухал.

Карама и Асли восславь союз влюбленных,
Что сеть любви плели среди ветвей зеленых.

Из сердца моего, как розы нежный дар,
На званом торжестве она пила нектар.

Хоть ястреб кормится голубки плотью сладкой,
Он стал охотиться за юной куропаткой.

Откуда в золоте взялась простая медь?
Откуда в соколе взялась печаль, ответь?

Любовь грызет его, а где же врач искусный?
И горю сдался он, беспомощный и грустный.

О боже, помоги! Ты ж видишь, сколько мук
Приносит мне опять неистовый недуг!

* * *

Послушай, красавица, слово того,
Чей разум одно твое имя смутило.
Взгляни на меня, на раба твоего,
Чье тело теряет последние силы.

Я ночью уснуть не могу ни на час,
Поднявшись — к тебе устремляюсь, бедняга.
А встречу тебя — тут и слезы из глаз,
Бегут, как из тучек весенняя влага.

Могу ли сдержаться, влекомый тобой,
Дитя цветников — соловей Хоросана?
На сабле каирской узор золотой,
Твой блеск ослепляет меня непрестанно.

Красавица, черные очи твои
Черней виноградных сверкающих ягод,
Движенья — стремительней горной струи...
Телесных я больше не выдержу тягот!

Влюбленного в солнце — любовь извела,
Покоя лишил меня стан лебединый.
Ты — райская птица. Нежна и бела,
Ты горлинка Мекки, голубка Медины!

Огонь твоих взоров мне сердце обжег,
Ты — как письмена золотые на храме.
Взращенный в саду падишаха цветок,
Смягчу ли я бога своими мольбами?

Чудесным бальзамом меня излечи,
Недугов любви врачеватель известный!
Халат златотканый из яркой парчи,
Мне может помочь лишь владыка небесный!

О светоч, даруй мне целительный свет,
Пока от страданий не стал я незрячим!
Всемирно прославленный дивный портрет,
Ужели творцом ты не мне предназначен?

На редкостных книгах мерцающий знак,
Сражу ли недуг, навлеченный тобою?
Луч солнца, с вершин совлекающий мрак,
Измучена грудь моя болью тупою.

Тобой мое сердце полно до краев,
А силы всё меньше в истерзанном теле...
Заря, что встает из-за горных хребтов,
О светлая ликом, дойдем ли до цели?

ЩАЗА ИЗ КУРКЛИ

Щаза родилась около 1880 года в ауле Куркли, в бедной семье. Она была очень красива, поэтому от молодежи, желающей взять ее в жены, не было отбоя. Она полюбила юношу из богатого рода, по имени Амир-Али, и дала согласие выйти за него замуж. Родители его были против этого брака. Соблазнив Щазу обещаниями жениться, а затем обманув, Амир-Али бросил ее. Отец выгнал опозоренную Щазу из дому. Участь девушки была ужасна. Она убежала в Кумух, скиталась по чужим домам. Люди, принявшие в ней участие, выдали ее замуж в аул Вачи. Но Щаза оставила мужа, не в силах терпеть его издевательств. Она с маленьким сыном вернулась в Кумух. Начала слагать песни, петь на свадьбах и праздниках, причитать над умершими. Поэтический дар Щазы и ее прекрасный голос принесли ей широкую известность. О ней говорят как о непревзойденной у лакцев певице.

Умерла Щаза в 1931 году.

Ее песни и биографические сведения о ней разысканы лакским литературоведом и фольклористом Х. Халиловым.

На русском языке стихи Щазы печатаются впервые.

* * *

Мой сокол желанный!.. Прощай, дорогой!
Мы счастьем сполна насладились,
Всю чашу любви мы испили с тобой,
Хотя мы и не поженились.

Мой милый, хочу, чтоб ты помнил добром
Со мной проведенное время,
Когда мы любовным пылали огнем,
Надеждами тешились всеми...

В душе у меня он горит до сих пор
Во всю свою прежнюю силу —
В дни юности нашей зажженный костер...
А как же давно это было!

* * *

Одевает иней белый
Поздней осени жнивье...
Что же инеем оделось
Сердце бедное мое?

Покрывает снег зимою
Грудь широкую полей.
Что ж покрылось снегом сердце
В молодой груди моей?

Снег холодный не растает
В сердце горестном моем,
Если даже солнце станет
Ночью припекать и днем.

Слезы лить пойду на речку.
Да боюсь я, что река
От горючих слез бессчетных
Вдруг затопит берега.

Брошу я в почтовый ящик
Груз тяжелый дум своих...
Да боюсь я, что дорога
Вдруг обвалится от них.

* * *

Как в обойме тесной — пули,
Думы — в сердце день и ночь.
Грянет залп — умчатся пули,
Думам вырваться невмочь.

Сердце — круче вешней почки,
Но из почки по весне
Всё же выбьются листочки,
А печаль всегда при мне.

Сердце! Что ты онемело?
Или ждешь, покуда тело
Не угаснет в свой черед,
Тихо в землю не сойдет? ..

Очи! Что вы слез не льете? ..
Плачьте! Плачьте! .. Или ждете
Вы минуты черной той,
Как придавят вас плитой?

* * *

Глупых юношей упреки
В край подола завяжу.
Женщин сплетни и намеки
Я на песню положу.

Юбку сделаю длиннее
И прикрою сплетню ею.
Под большим своим платком
Спрячу сплетню целиком.

* * *

Как выйду с рассвета
В зеленое поле,
Всей грудью, свободно
Вздохну на приволье.

Как вечером в дом
Ненавистный вернусь —
Слезами горючими
Я обольюсь.

* * *

Чем быть нелюбимого
Горькой женой,
Уж лучше бы маяться
Болью зубной!
Чем с просьбами кланяться
Мужней родне,
Уж лучше бы в трауре
Плакать — по мне...

* * *

Ненаглядный ты мой сокол,
На кого я погляжу?
Чьей душе — горе высокой
Все печали расскажу?

Ты зеленой был травою,
Но весенний сад заглох.
Был водою ключевою,
Но источник мой иссох.

Не мои ль глаза сияли
Ярче молодой луны?
А теперь они запали,
От горючих слез — мутны.

Развели нас злые руки.
Не встречаться нам опять.
Но душа моя разлуки
Не желает признавать.

* * *

Если в горести великой
Я скончаюсь средь забот —
Кто из рук у горемыки
Резвое перо возьмет?..

Коль помру в такой недоле,
Мне в могилу не войти, —
Лестница под грузом боли
Поломается в пути.

* * *

Сверкающий снег на зеленом лугу
На солнце белеет и блещет с утра.
Сверкающий снег на зеленом лугу
Мне кажется белым куском серебра.

Стонала душа, когда боль ее жгла,
Но разум твердил: «Потерпи! Потерпи!»
В терпеньи вся юность моя протекла,
Вся жизнь у терпенья была на цепи.

Кремневка твое охраняет жилье.
Пускай разобьется она на куски!
И сердце твое, точно сердце мое,
Пускай разорвется от жгучей тоски.

* * *

Что, фиалка, что с тобой,
Горный цветик голубой?
Почему поникла роза
Над гористою тропой?

Молодое мое тело
Из слоновой кости белой
Всё болит, клянусь Кораном! —
Как в горячке, пожелтело...

Чуть вздохну — под потолком
Всколыхнутся облака.
Чуть заплачу — на полу
Разливается река.

Думала — ты ближе брата.
Думала — ты любишь свято.
Думала — что ни случись,
Не изменишь никогда ты.

* * *

Чтоб взглянуть на мир с вершин,
Поднялась я на утес.
Белый налетел буран,
Кисею мою унес.

В поле я гулять пошла,
Чтоб набраться новых сил, —
Страсти налетел огонь,
Платье красное опалил.

Чтоб не лить горючих слез,
Вышла я на свежий луг.
Горе, горе мне!.. Трава
Вся в слезах стоит вокруг.

* * *

Ранней юности любовь,
Видно, точно цепь, куется.
Как ни рвут ее потом —
Цепь нигде не разорвется.

Веру первых, ранних лет
Серебром, как видно, кроют.
Как ни трут ее потом,
Серебра вовек не смоют.

* * *

Из железа разве тело,
Чтоб любви не захотело?
Иль глаза мои свинцовы,
Чтоб не глянуть на иного?..

Песню радостью зовете,
От веселья вы поете.
«Песня — горе», — говорю.
Только с горя я пою.

* * *

Проворная серна
В нагорном краю
Спустилась в долину
На гибель свою.

В лугах куропатка,
Уставшая петь,
Играя, попалась
Охотнику в сеть.

Увидишь ли серну
Средь ясного дня,
Ее убивая,
Ты вспомни меня.

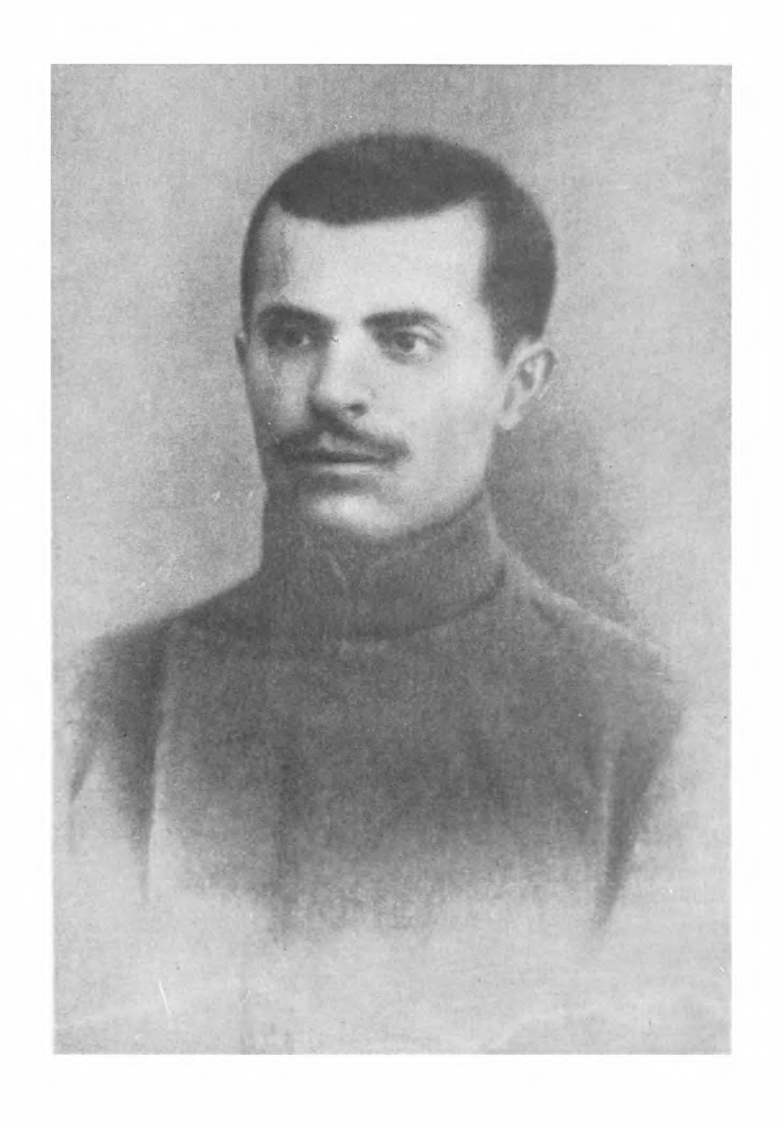
Заметишь подснежник
У белого пня,
Подснежник срывая,
Ты вспомни меня.

* * *

Если боль души моей
На́ десять разбить частей
И одну частицу бросить
Средь равнин и средь полей,
Пожелтеют все кусты,
Помертвеют все цветы,
И ни капли влаги больше
Не прольется с высоты.

Если скорбь души моей
Разделить на сто частей
И одну частицу бросить
В глубь зеленую морей,
Пересохнет вся вода,
Рыбы сгинут без следа,
Кручи вырастут до неба,
Тучам не взойти туда!..

ГАСАН ГУЗУНОВ

Гасан Гузунов родился в Кумухе в семье горца-крестьянина в 1854 году. Учился в медресе под руководством большого знатока арабского языка и арабской литературы Гаруна Кадиева. Изучив арабский язык в медресе, русским языком Гузунов овладел самостоятельно.

Во второй половине 70-х годов поэт начал работать в канцелярии Казикумухского окружного управления, общался с русскими служащими, читал многие произведения русских классиков. Экстерном он с золотой медалью окончил дербентское русское училище. Гузунов был первым лакским писателем, хорошо знакомым с русской литературой, с русской культурой.

Интересы поэта были разносторонними. Он увлекался научными проблемами, изучал философию, природоведение. Его перу кроме стихов принадлежит несколько книг по различным отраслям знания.

В годы гражданской войны Гузунов помогал лакским красным партизанам; он. был начальником канцелярии Казикумухского окружного военкомата. После окончания гражданской войны работал в исполкоме, отделе народного образования и других советских учреждениях.

В преклонном возрасте Гузунов по слабости здоровья оставил работу и с 1925 года жил на покое.

Умер поэт в 1940 году.

Поэтическое наследие Гузунова объединено в рукописном сборнике, озаглавленном им самим «Диван». Сборник этот содержит более ста стихотворений, записанных автором (с помощью дочери) в 1930 году. В одном из своих стихотворений, датированном этим же годом, поэт сетует, что из написанного им за долгую жизнь сохранилось лишь немногое.

На родном языке стихи Гузунова впервые напечатаны в «Антологии лакской поэзии», изданной в 1958 году.

В русских переводах ранее не публиковались.

Жизни и творчеству поэта посвящена критическая статья лакского литературоведа Э. Кассиева «Гасан Гузунов» в книге «Очерки лакской дореволюционной литературы» (Махачкала, 1959).

ПЕТУХ ЮСУП-ХАНА

На Юсуп-хана жаловался раз
Один петух. Послушайте рассказ.

Кюринцы обнищали, извелись, —
Послали заявление в Тифлис.
Вот приезжает как-то поутру
Чиновник губернатора в Кюру —
Расследовать причины местных бед:
Кто виноват, кому держать ответ.
Легко сказать: пойди такому чину
Открой виновных, объясни причину!
Но у кюринцев — сметка неплоха:
Между собою сговорясь, в складчи́ну
Большущего купили петуха.
Не только перья — ощипали пух:
Остался голым великан петух!..

Едва на сход тифлисский чин пришел,
Поставлен был петух ему на стол.
Сказали так: «Мы не имеем жалоб,
Но петуха послушать не мешало б».
И тут петух как закричит: «Ой-ой!
Гляди, сардар, что сделали со мной!
Ощипан догола — хоть помирай!
Вот так же гол, обобран весь наш край.
Такая нищета настала тут,
Что даже мыши крошки не найдут.

А дом у Юсуп-хана так добром
Битком набит — не описать пером, —
Да разразит его небесный гром!
Не только хан, любой его служитель —
Грабитель наш, мучитель и душитель!
Они весь скот кюринский захватили, —
Народ уже терпеть их гнет не в силе
И ждет, чтоб кто-нибудь прочел достойно
Всему народу стих заупокойный.
Так угнетает Юсуп-хан народ!
Ты видишь — все воды набрали в рот,

И только я, ободранный петух,
Решился твой обеспокоить слух! ..»

И вот — приказ: «Беде народной внять,
За беззаконье Юсуп-хана снять».
Другой назначен был в Кюру начальник, —
Возликовал было народ-молчальник,
Но хрен не оказался редьки слаще:
И новый хан был изверг настоящий!
Хитер, коварен, жаден, лжив и зол,
С Юсупом в сделку сразу он вошел —
И стали грабить вместе: «Ха-ха-ха!
Мы им того припомним петуха!
Подохни вся кюринская община —
Хлебов больших мы напечем в складчину.
На масле будем есть курдючный жир, —
Им — плач и голод, нам — веселый пир!
А жалобщиков дерзких, как овец,
Терзать мы будем, изведем вконец! ..»

Знай: ханы — волки, волки и сардары;
Не всё ль равно — что новый волк, что старый!
Взаимная порука их крепка —
Нам силу их не одолеть пока.
Всем хищникам извечный покровитель —
Могучий лев, верховный наш правитель.
Но знай, петух ощипанный, что ты
Недаром стал за дело бедноты:
Да, свергнем мы, с мечом в руках воспрянув,
Львов и волков — царя, сардаров, ханов!

1874

ГОЛУБОК

В ямке, где стоит овин,
Голубок живет один, —
Он пшеницу там клюет,
Он клюет и слезы льет.

Если б дерево в саду
Знало про его беду —
Сбросило б листву с себя
И зачахло бы, скорбя.

СТАРУХИ ГОВОРЯТ

Старухи частенько чудны́е слова говорят:
Мол, есть сверхъестественные существа, говорят;
Имеются, мол, домовые в домах, говорят,
Ночами на спящих наводят, мол, страх, говорят;
Кричит, мол, во сне человек, сам не свой, говорят, —
Пытался его удушить домовой, говорят.
У матери не́слух ребенок, никак не унять, —
«Отдам домовому тебя!» — пригрозит ему мать,
Ребенок в испуге притихнет, умолкнет, — гляди —
Уснул до утра, к материнской прижавшись груди...
Ой, сгинь, пропади ты, злосчастный наш век домовых,
Избавь нас от страхов, от злых наваждений твоих;
Мне стоит уснуть, домовой уже душит меня,
Мечусь, как больной, на постели, вопя и стеня, —
Проснусь весь в поту — и не верю себе, что живу,
А выйду — и все эти сны предо мной наяву!
А если приснится приятное изредка что-то, —
Проснулся — и нет ничего, снова страх и забота!

1889

ЛИСА И ВЕРБЛЮД

Пока еще дороги хороши,
Свое удобрить поле поспеши.

Хвостом вертя, лиса хитрит по гроб, —
Особый в лисьих кознях есть микроб.
Чтоб вам такой заразы не набраться,
Хвостом виляя, не лукавьте, братцы!

Стремитесь к просвещенью, к благородству, —
Вот путь к успехам, к счастью руководство.

Жил, говорят, верблюд в саду густом;
Ручей журчал в саду прекрасном том,
Трава росла там сочная, густая,
Верблюда сладостью своей питая.
Жил без врагов верблюд-счастливец тот,
Пьет воду там и травку там жует,
Упитан стал, красив, могуч — и тут
От радости распелся наш верблюд —
И разбудил коварную лису,
Что где-то далеко спала в лесу...

Бежит лисица хитрая к верблюду:
«Ты кто, урод? Свалился ты откуда?
Кто дал тебе права на этот сад?
Проваливай, нахал, скорей назад!
Мой это сад, не смел ты в нем селиться!..»
— «Нет, мой! Я тут живу уже лет тридцать!
Прочь убирайся, наглая лисица!..»
— «Коль так, — лиса кричит, — я в суд подам!
По шариату нас рассудят там!
Уж я в делах судебных знаю толк...»
А состоял судьей в то время волк.
Лиса к нему: «Почтеннейший судья!
Разбогатеть надумала я средство:
Один верблюд живет здесь по соседству —
Вот будет нам доходная статья!
Такой дородный, тучный, — я б сказала,
Что ни одна так не жирна свинья:
С него так и сочится наземь сало!
Зарежь его — нам хватит на года
Запаса верблюжатины тогда.
Не мешкай же, пойдем — суди нас, волк!»
Волк облизнулся — и зубами щелк:
«Сдурела ты, лиса, дружок мой милый!
Твой план заманчив, но отнюдь не прост:
Могу ль с верблюдом я сравняться силой?!
И пасть моя узка, и мал мой рост,
А он — верзила! Эти ноги, шея!

Нет, слишком уж рискованна затея!..»
— «Не бойся, — волку говорит лиса, —
Не сомневайся, друг мой, будь смелее:
Пусть силой он и ростом удался,
Я хитростью верблюда одолею!
Хоть у меня свидетелей-то нет,
Что сад исконно мой уж тридцать лет,
Но выйти ты из затрудненья сможешь,
Если пастушью клятву дать предложишь
Ответчику. Вот мой тебе совет!
Верблюд, конечно, с этим согласится —
Ты сразу за язык его хватай —
И всё!.. Ну, бог удачи дай!..»

Ох, как заманчив был совет лисицы!
Волк соблазнился. Вот уже несут
Зверям повестки, вызывают в суд.
Проходят дни в гаданьи, в ожиданьи —
Судебное открылось заседанье.
Вот выступает хитрая истица:
«Сад был всегда моим! — твердит лисица. —
Свидетелей представить не могу,
Пусть суд решит. Но я, клянусь, не лгу!»
На стол законов книгу положили,
Листали — нужную нашли статью
И дать пастушью клятву предложили
Ответчику-верблюду: «Дашь?» — «Даю!
Решеньем я доволен: в самом деле,
Что путаться в излишней канители?» —
Так заявил суду верблюд — и вмиг
Верблюжий длинный высунул язык,
А волк, в успех уже поверив твердо,
Так прямо на язык повыше прыг!
Но вышла тут промашка: волчью морду
Верблюд, что вовсе не был простаком,
Перехватил, зажал в зубах, рывком
Катнул врага направо и налево
И вновь и вновь туда-сюда катал.
Он как бы втрое стал сильней от гнева,
И лишь когда он всё-таки устал
И понял, что издох коварный враг,
Он подлеца судью швырнул в овраг:

«Ну, в царствие небесное ступай-ка!..»
А между тем лисица-негодяйка,
Ворча: «Связалась с дурнем неуклюжим!» —
Давай бог ноги!.. Но ничуть она,
Представьте, не была огорчена,
Хоть мясом и не разжилась верблюжьим:
Волк был ее врагом — и втихомолку
Лиса готовила погибель волку.

На этом басню кончил я, а вы вот
И между строк прочтете должный вывод.

1894

МЫШЬ И КОКОСОВЫЙ ОРЕХ

Жила-была в Индии мышь одна,
Была в ту пору она голодна,
И вдруг находит — вот это успех! —
Большой кокосовый свежий орех!
Радостью сердце мыши вскипело —
Орех осмотрела она кругом,
В свирель задула, песню запела, —
А как не сплясать при счастье таком!
Пошла счастливица наша в пляс
И благодарит судьбу всей душой
За этот подарок вкусный, большой...
Благочестивый паломник семь раз
Обходит Каабу в молитвенной пляске,
А мышь, закатив умиленно глазки,
Находку свою без всякой опаски
Не семь, а семьдесят раз обошла!
Шутка ль! Сокровище ведь нашла,
Какое найти можно только в сказке!
Мышь скорлупу грызет-прогрызает
И с песней веселой в орех влезает.
Живет в роскошном она жилище,
Которое служит ей также пищей,
Живет себе мышка, время идет —
Не знает глупышка, что ее ждет...
Питаясь орехом, живя в безделье,

Мышка толстеет — жирок не в грех,
Но дни идут, проходят недели —
Мышь всё толстеет — пустеет орех!
Дурочке мышке уже не до песен, —
Большущий орех, как тюрьма, ей тесен.
Сама, как орех этот, стала кругла,
А выйти на волю уже не могла.
Вновь голодает, худеет мышь —
Кости да кожа остались лишь.
Тут вышла она, чуть живая, больная,
Орех кокосовый проклиная.

Кто рад сомнительным удачам,
Кончает часто горьким плачем.

1894

ПОДЛЫЙ МЕДВЕДЬ

Жил в туркестанских лесах медведь,
Был он звериным ханом грозным.
Трепещет лес, как начнет реветь!
Был злодей Зелим-ханом прозван.
Не было меры гнету его,
И подлость его была безграничной.
Медведь, а когти — тигру под стать,
Кто подвернется — лапой хвать! —
Враз оторвет кусище отличный.
Дракон бы такой позавидовал пасти,
А смех — как будто собачий лай.
На всякие пытки большой был мастер,
Тюремные ямы — врагу не желай!
Настежь открыты ворота гнета,
Всегда на замке милосердья ворота.
Дела Зелим-хана — тиранство, обман, —
Хоть раз бы издал справедливый фирман!
Страдали звери, терпели... Доколе!
Стали всё чаще они роптать,
Кой-что на ушко друг дружке шептать, —
Пошли выбирать комитеты в подполье.

Против тиранства и своеволья
Лесной звериный народ поднялся.
Примкнули соседние к ним леса...
Узнал Зелим-хан — от этой вести
Медвежьей болезнью заболел на месте.
Шкуру спасая, родной свой лес
Ночью он тайно покинул — исчез!
И вот — не в далеком, но и не в близком
Он очутился в лесу киргизском.
Явился там к местному хану он,
А тот, не в пример ему, был умен:
«Здравствуй, сосед, дорогой мой друг,
Какое сюда привело тебя дело,
Что к нам среди ночи пожаловал вдруг?
Ты, вижу, встревожен, в глазах испуг,
Дрожишь, озираешься. Что, почему?..»
— «Знай, мне родина осточертела! —
Беглец Зелим-хан отвечает ему.
Народ мой восстал, я с ним не сладил
И сам свое место изрядно загадил.
Вижу — твои леса хороши, —
Пришельцем жить у тебя разреши...»
— «Загадить родину! Как это можно?! —
Прервал хозяин его слова. —
Ужели натура твоя такова?
Ведь это же низко, подло, безбожно!
Натуру свою ты оставил дома?
Иль к нам решился ее принесть?
Отродья медвежьего грязный потомок,
Что знаешь ты про гуманность и честь?!
Мне и общаться с тобой зазорно, —
Ты грязен, дух твой заразен тлетворный!
Ступай отсюда вон, навсегда,
Чтоб наши не взволновать города!..»
Обратно побрел Зелим-хан понуро:
Не станет чистой медвежья натура!

ГАРУН САИДОВ

Гарун Саидов родился в 1891 году в ауле Вачи. Отец его был мелким чиновником (переводчиком Казикумухского окружного управления). Гарун учился в русской школе, в темир-ханшуринском реальном училище. За год до окончания учебы едва не был исключен — его подозревали в подстрекательстве «писарского» бунта.

Окончив реальное училище, Саидов по настоянию отца определился в юнкерскую школу, однако вскоре ее покинул.

Два года он жил в родном ауле. Готовился к поступлению в высшее учебное заведение. Много работал над собой, читал классиков мировой литературы, революционную литературу, в том числе «Капитал» Карла Маркса.

В 1915 году Г. Саидов поступил на техническое отделение Московского коммерческого института. Здесь он становится членом подпольного студенческого марксистского кружка, решает всего себя посвятить делу революции.

В 1916 году он написал первую лакскую пьесу — драму «Лудильщики», талантливое, социально острое произведение.

После февральской революции 1917 года Саидов возвращается в Дагестан, принимает самое деятельное участие в борьбе за установление советской власти в горах. Он член Дагестанского областного военно-революционного комитета, редактор газеты «Илчи» («Вестник»), организатор партизанских отрядов в Лакии.

В эту горячую пору борьбы Саидов создал несколько стихотворений, ставших песнями лакских красных бойцов.

В 1919 году он попал в руки деникинских карателей и был убит выстрелом в затылок на пути в Темир-Хан-Шуру близ аула Цудахар.

На родном языке произведения Саидова впервые были напечатаны в сборнике «Шаги революции» (Махачкала, 1932). Там же была помещена его биография. «Лудильщики» в 1944 году вышли отдельным изданием с предисловием поэта Юсупа Хаппалаева.

ПАРТИЗАНСКАЯ ПЕСНЯ

Мы долго терпели, друзья. Не пора ль
В бою испытать амузгинскую сталь?
Мать-свобода!
Свет-свобода!

Враги наши — ханы, купцы и князья.
За нами победа! Мужайтесь, друзья!
Мать-свобода!
Свет-свобода!

Вставай, угнетенный! Вперед, батраки!
В сердца им нацелясь, спускайте курки!
Мать-свобода!
Свет-свобода!

ЕСЛИ ВЕТЕР ПОДУЕТ

Если ветер подует
По зеленому полю,
Людям кажется, будто
Поле крыльями машет.

Если крыльями машет
Даже мертвое поле,
Можно ль сдерживать сердце,
Что дано для полета?

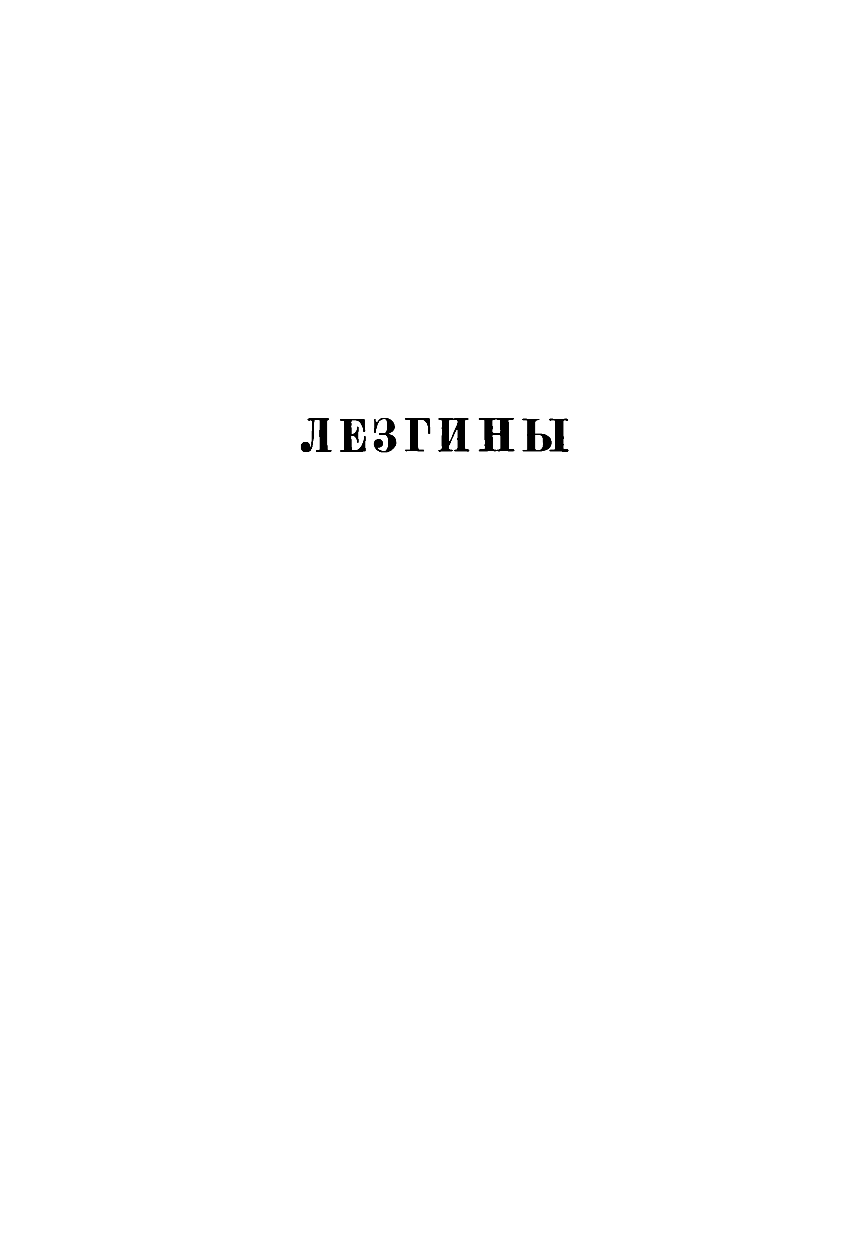
Если ветер подует
По зеленому саду,
То и розы роняют
Слезы крупных росинок.

Если плачут от горя
Даже розы немые,
Как же сдерживать людям
Слезы истинной боли?

Если я поднимаюсь
На высокую гору, —
Что я вижу в дороге?
Только серые камни.

Но когда поднимусь я
На высокую гору,
То весь мир необъятный
Пред моими глазами.

Под высокой горою
Злые ветры гуляют,
Над высокой горою
Светит яркое солнце.

ЛЕЗГИНЫ

САИД ИЗ КОЧХЮРА

Считают, что Саид родился в 1767 году, умер в 1812. О жизни его известно мало.

Был он беден. В поисках средств к существованию ушел из родных мест в Азербайджан. То было в Азербайджане время Вагифа и Видади, наполнивших поэзию своего отечества новым, реалистическим содержанием. Саид был знаком со стихами азербайджанских ашугов, воспринял некоторые их традиции. (В частности, им были введены в лезгинский стих новые формы, унаследованные ныне советскими лезгинскими поэтами.) Сам он слагал стихи на лезгинском и на азербайджанском языках.

Вернувшись на родину, поэт осмелился поднять голос против жестокого феодального гнета и притеснений. В Лезгинии правил тогда тиран и деспот Мурсал-хан (Сурхай-хан II). По его приказу Саиду за «дерзостные» песни выкололи глаза.

Впервые стихи Саида были записаны в 1926—1935 годах лезгинским языковедом Г. Гаджибековым. Затем их разыскивал писатель Кияс Меджидов, создавший в соавторстве с Т. Хрюгским пьесу о поэте — «Ашуг Саид». В 1956 году еще одну песню Саида записал исследователь его творчества дагестанский критик Ахед Агаев.

Стихи Саида на родном языке впервые напечатаны в книге «Лезгинский фольклор» (Махачкала, 1941), а затем в «Антологии лезгинской поэзии», изданной в 1959 году.

ПРОКЛЯТЬЕ МУРСАЛ-ХАНУ

Будь проклят свет, где ты рожден на свет,
Будь проклят свет, где тьма, где правды нет.
Кровавый хан — источник наших бед,
Скажи, доколе нам терпеть, проклятый?

Ты разорил аулы наших гор,
На женщин наших ты навлек позор.
Терпеть нам это всё до коих пор?
Когда, скажите, грянет час расплаты?

Давно в саду не слышно соловья.
Давно в саду черно от воронья.
Вокруг темно, померкла жизнь моя,
Поругано всё то, что было свято.

Пусть грянет гром, пусть превратится в прах
Всё, что в твоих домах и закромах.
Пусть будет страх в твоих пустых глазах,
Пусть будет всё добро огнем объято.

И пусть тебе все десять жен твоих
Родят детей увечных и больных,
И пусть на всей земле среди живых
Не будет друга у тебя и брата.

Не знающий пути добра и зла,
Зловещи и черны твои дела.
Лишь шкура у меня еще цела,
Поторопись, сдери ее с меня ты!

Песок моей ты кровью обагрил,
За всё тебе я кровью заплатил,
Прочь от меня. Довольно. Нету сил.
Всё то, чем я владел, тобою взято.

О Шалбуз-Даг — священная гора,
Какая нынче тяжкая пора!
Мне неоткуда ждать уже добра,
Вся жизнь моя погибла без возврата.

Что делать мне? Трясется каждый раз
Моя рука, когда беру я саз.
Струится кровь из выколотых глаз.
Вот что ты сделал, хан — мой враг заклятый.

* * *

Колесо моей судьбы повернулось вспять,
Погружаюсь я во тьму, ханский гнет кляня.
У меня Сурхай сумел зрение отнять,
Глаз пылающих моих он лишил меня.

О аллах! Ответь — зачем мир устроен так?
Звезды, очи и сердца гасит мертвый мрак.
Душу вольную мою душит черный враг,
Благ сияющих земных он лишил меня.

У одних — стада коров, сундуки монет.
У других — дырявый кров, ни полушки нет.
О господь! Зачем таким создан этот свет?
Светлых радостей живых он лишил меня.

О Саид! Обглодан ты жадною тоской.
Бог, что сотворил тебя, пренебрег тобой.
С миром разлучил меня властелин тупой,
Только горестей мирских не лишил меня!

О, ГРОЗА!

Как гроза, ты хмур и лют.
Обобрал ты бедный люд.
Даже камни слезы льют —
Хватит, клятый черный ворон!

О кровавый хан Сурхай!
Как ни буйствуй, ни карай —
Ропщет разоренный край.
Жди расплаты, черный ворон!

Все двенадцать жен подряд
Пусть щенят тебе родят.
Не шербет, а едкий яд
Пей всегда ты, черный ворон!

Будешь горьким горем сыт,
Будешь бедствиями бит,
Будешь богом позабыт,
Вор завзятый, черный ворон!

Пусть изъест тебя недуг,
Пусть покинет брат и друг,
Пусть твой сад погибнет вдруг
И палаты, черный ворон!

Смолкли песни соловьев,
Слышен лишь ослиный рев.
Жду я: шкуру ведь готов
Снять с певца ты, черный ворон!

О, ПРИТЕСНИТЕЛЬ!

Уймись, о притеснитель мой!
Ты сделал жизнь мою тюрьмой.
Халат мой белый шерстяной
От крови ал — так тяжко мне!

Чужак — ты глух к беде страны.
Тобою мы разорены.
Сбылись чудовищные сны —
Я в ад попал... Так тяжко мне.

В крови купающийся змей,
Смотреть на солнце ты не смей —
Ослепнешь от его лучей!
О, злой шакал! Так тяжко мне...

Дрожит в руках бессильных саз.
Ручьями хлещет кровь из глаз.
О люди! Божий свет погас,
Конец настал — так тяжко мне!

ЖАЛОБА

Королева красавиц, шахиня шахинь,
Ты в горах — словно пери, прекрасная!
Я страдаю — в напасти меня не покинь,
Отвори свои двери, прекрасная!

Да не меркнет вовеки очей твоих свет!
Не встречаю тебя я — и пасмурен свет.
Погибаю — лекарство мне дай иль совет,
Лишь тебе я поверю, прекрасная.

Я сгораю — водой бы меня обдала!
Но к другому летишь ты, раскинув крыла...
Проклинаю я царство неправды и зла,
Мир, где властвуют звери, прекрасная!

НОВОЛУНИЕ

Я встал с постели, спину разогнул,
На крышу вышел, веки разомкнул.
Передо мною стелется аул.
Увы! Его сейчас не вижу я.

Я взял чунгур, настроить захотел,
Но струн блистающих не разглядел.
Смеется дочь — но слезы мой удел:
Улыбки, ясных глаз не вижу я.

Ночь... Новолунье, — люди говорят.
Но серебра луны не видит взгляд.
О хан Сурхай! Я сумраком объят.
Исполнен твой приказ: не вижу я!

Аллах, когда ты скосишь палача?
Тот долгожданный час увижу ль я?

ЕТИМ ЭМИН

Етим Эмин (настоящее его имя Магомед-Эмин) родился в 1838 году в ауле Ялджух. Отец его был кадием. Надеясь, что сын также будет духовным лицом, он отдал его в обучение арабисту Агамирзе-Эфенди в аул Кеан. К этому времени относят первые стихи Эмина.

Муллой Эмин не стал. Этому помешала, как говорят, вызвавшая шумную огласку любовь поэта к Тюкезан — дочери его наставника Агамирзы-Эфенди Кеанского.

Женившись на Тюкезан, Эмин вернулся в родной Ялджух. По преданию, позже он был судьей, столь уважаемым и почитаемым крестьянской беднотой, что к нему обращались не только по поводу разбора тяжб, но даже за излечением недугов.

Обычно лезгинские поэты присоединяли к имени название своего аула. Эмин взял псевдоним «Етим», что означает сирота, обездоленный.

Начал он с любовных стихов, но вскоре заговорил о скорбях и бедствиях народа, о жизни лезгинских землепашцев. Он первый у лезгин записывал свои стихи. До него поэтические произведения распространялись лишь устно.

К концу жизни Эмин впал в нужду. Как сообщает Ахед Агаев, автор первой на русском языке статьи о жизни и творчестве Эмина: «Его родной брат Мелик после смерти отца затеял с ним тяжбу, и весь скудный крестьянский инвентарь и скот Эмина перешли к брату». Кроме того поэт, с детства не отличавшийся крепким здоровьем, тяжело заболел.

Умер Етим Эмин в 1889 году.

Богатое его наследие живет в наши дни как народное песенное достояние. Сохранились рукописные сборники его произведений. Один из них был обнаружен совсем недавно.

Первый печатный сборник стихов поэта на родном языке — «Избранные произведения», подготовленный лезгинским языковедом Г. Гаджибековым, вышел в Махачкале в 1931 году. Наиболее полно стихи Эмина представлены в лезгинском издании 1960 года.

В 1959 году Гослитиздатом выпущен в Москве сборник Етима Эмина «Стихотворения», включающий лучшее из созданного им.

Поэт народной темы, новатор стиха, Етим Эмин оказал огромное влияние на развитие лезгинской поэзии. Сулейман Стальский называл его своим учителем.

СТАРУХАМ СПЛЕТНИЦАМ

Прошу, предупреждаю вас,
Не лейте сплетен яд, старухи!
Не за горами смерти час,
А всё еще грешат старухи.

Я, лгуньи, одного б хотел,
Чтоб шах жестокий повелел
Вам души вытрясти из тел, —
Когда же замолчат старухи?!

Хочу, чтоб брань — не похвала —
Вас и в могиле обрела.
Чем хуже у меня дела,
Тем веселее взгляд старухи.

Одни наветы вам милы.
Душой черны, коварны, злы,
Меня — искусницы хулы —
Поносят и бранят старухи.

О силе ваших сплетен слух
Мне каждый день тревожит слух.
Умрете — бог к вам будет глух,
Он вас низвергнет в ад, старухи!

На вас, проклятых, смерти нет.
Устав от сплетен и клевет,
Раскрыл свои уста поэт,
Уста одно твердят: «Старухи!»

Вы лгали милой обо мне.
Грустит от милой в стороне
Етим Эмин по чьей вине?
Кто в этом виноват? — Старухи!

ЭМИН ПРОСИТ ПРОЩЕНИЯ У СТАРУХ

Поэт по глупости своей
Ошибся и скорбит, старушки.

Вам обещает он — ей-ей, —
Что впредь не оскорбит, старушки.

Болтали люди тут и там,
А сплетни приписал я вам.
У вас прощенья просит сам
Мой виноватый вид, старушки.

Своих врагов я не щадил,
Своих друзей всегда любил, —
А тут ошибся, начудил,
И мной владеет стыд, старушки!

Когда душа, осиротев,
Готова грусть сменить на гнев, —
Поэт, не тот избрав напев,
Уже весь мир винит, старушки.

ЭМИН И ЕГО ПОДРУГА

Эмин

Дорогая, тоскую. Тоска растет.
Ты слезам моим положила почин.
Добиваюсь ответа седьмой уж год.
Ты страданий моих причина причин.

Подруга

Дорогой, не тоскуй, если я живу,
Я живу для тебя, души господин.
Я страданья твои своими зову,
Ты из чаши печали пьешь не один.

Эмин

Только рядом с тобой будет мир хорош.
Но подумать ужасно: надежда — ложь,
И другого любовь моей предпочтешь, —
О тебе не один ведь грустит лезгин.

Подруга

Дорогой, не тоскуй, — не моя вина.
Ты поверь и пойми — я тебе верна.

Навсегда одному душа отдана,
Только ты снов и дум моих властелин.

Эмин

Нынче плачет Эмин, слезы горя льет.
Знала тайну его только ты, но вот
О несчастной любви слух везде идет:
В одиночестве дожидаюсь седин.

Подруга

На земле лучше нет твоей дорогой:
Мир еще не видал красоты такой.
Не слыхал, не услышит никто другой
От меня «я люблю», — только ты, Эмин.

ДВЕ ЖЕНЫ

1

Хорошо, если в доме одна жена:
Жить с одною женой вполне хорошо.
Если будет она мила и нежна —
Жить с такой женой вдвойне хорошо.

Хорошо, если женишься пожилым,
Лучше всё ж, если женишься молодым —
Не мальчишкой, однако, — будет двоим —
И тебе и твоей жене хорошо.

Две жены — это тысячи тысяч ссор,
Две жены — это драка, война, раздор.
Если женщина с женщиной вступит в спор —
Им без сабель на той войне хорошо.

Я, Эмин Сирота, был влюблен семь лет,
На восьмой — «я твоя» услыхал ответ.
Оказалась строптивой, — сил моих нет:
И с одной мне женою нехорошо.

2

Не дай бог никому две жены иметь, —
И страдать и вздыхать будет он всегда.
Пусть беднягу всю жизнь будет солнце греть,
Будет он раздражен, оскорблен всегда.

Бессердечность — таков всех женщин порок.
Как из кожи ни лезь, а лучший урок
Не пойдет ни одной сварливице впрок, —
Будешь смертной тоской отягчен всегда.

Всё равно, если будут судьбой даны,
Незадачливый муж, тебе две жены, —
Дни спокойных трудов твоих сочтены, —
Будет ругани звон-перезвон всегда.

А уж если одну другой предпочтешь,
А уж если конфет одной принесешь, —
Тут упреки пойдут, тут пойдет галдеж, —
Будет бой — да какой — между жен всегда!

В доме двадцать мужчин, а в нем тишина.
Если женщина есть хотя бы одна,
Зашумит, завопит, крик подымет она, —
Будет слышать Эмин шум и стон всегда.

О ПЛОХОЙ ЖЕНЕ

Не дай бог, попадется жена плохая.
Попадется — твоя жизнь пропащей будет.
Испытаешь все беды, отрады не зная,
Для тебя жизнь отравой горчайшей будет.

Расскажу о жене нрава скверного, злого:
От нее не услышишь ты доброго слова;
Но она погубить твою душу готова,
Она ведьмою настоящей будет.

Тихо с ней говоришь — заорёт она дико,
В своем собственном доме оглохнешь от крика.
Гость придет — убежит от скандала он мигом,
А скандал повторяться всё чаще будет.

Коль к соседям придет, им поведает бредни,
И падут на твой дом все поклепы и сплетни.
Был ты первым в ауле — станешь самым последним,
Светлый дом твой землянкой несчастного будет.

У Етима страданий и бедствий много,
Но к спасенью возможна еще дорога.
Ожидает плохую жену суд бога,
Пред аллахом злодейка молчащей будет!

ЧЕТВЕРОСТИШИЯ

Ты в этот мир остерегись влюбиться:
Изменчив он — душа увянет скоро;
Подобна миру женщина-блудница:
Ты полюбил — она обманет скоро.

Эй, дели-дивана, безумец шальной!
Не рвись к обладанью чужой женой,
Стихи о врагах напиши поскорее —
И страсть, словно ливень, пройдет стороной

О, СЧАСТЛИВАЯ!

С подружками до родника
Идешь в траве ты, о счастливая,
Твоя походка так легка,
Звенят браслеты, о счастливая!

Как сокол ты летишь ручной,
Твой смех что плеск воды речной;
Но ты смеешься надо мной,
Мне счастья нету, о счастливая!

Все говорят, кому не лень,
Что очень близок свадьбы день,
А я — как раненый олень.
Поймешь ли это, о счастливая?

Етим Эмин твой приуныл,
Душа печальна, свет не мил,
Но я тебя не осудил,
О, как пригожа ты, счастливая!

РАЗГОВОР

— «Наконец ты добилась, что стал я больным,
Мое сердце не жги ты огнем, Серминаз.
Страсть сильна, и недуг этот неизлечим,
Светоч ты, а я стал мотыльком, Серминаз».

— «Я, не видя тебя, позабыла покой,
Хоть со мной ты недавно знаком, милый юноша.
Умоляю тебя: не встречайся с другой.
Ведь не думаю я о другом, милый юноша».

— «Нашей тайны тогда ты не выдай другим,
И тогда всё наладится, как мы хотим,
И тогда, может быть, мой недуг исцелим,
Днем и ночью мечтаю о том, Серминаз».

— «Не печалься и слез понапрасну не лей,
От страданий твоих мне еще тяжелей,
Всё тебе я отдам, если буду твоей,
Поселился ты в сердце моем, милый юноша».

— «Полюбил я твой лик снеговой белизны,
Бархат черных волос не имеет цены.
Я хочу, чтоб друг другу мы были верны,
Чтобы счастье явилось в наш дом, Серминаз».

— «Прокляни меня, если обижу тебя,
Стать другому женой не смогу, не любя,
Ну а скажет отец, шла к другому чтоб я,
Для меня это будет концом, милый юноша!»

НЕ ВЕДАЮЩЕМУ О МИРЕ

Разве, с книгой не ведя знакомства,
Можно стройность мирозданья знать?
Можно ли, не заводя потомства,
Радость брачного слиянья знать?

Не познав, что хорошо, что худо,
Можно ль истины увидеть чудо?
А слепорожденному — откуда
Солнца и луны сиянье знать?

На равнине — зной, в горах — прохлада,
Добрый — мягок, злой — иного склада.
Разве может разоритель сада
Плодосбора ликованье знать?

Верьте были — не пустому сказу!
Тот, кто чая не пивал ни разу, —
Сахара, подобного алмазу,
Сладость разве в состояньи знать?

Речь твоя, Эмин, людей тревожит.
Берегись, — а вдруг властям доложат?
Кто не странствует, тот разве может
Радость дальних расстояний знать?

СИТЕЦ В ПЕСТРЫХ ЦВЕТАХ

Хорошо тебе жить — не тужить, гордец, —
Удивительный ситец в пестрых цветах!
Удовольствие глаз, отрада сердец —
Поразительный ситец в пестрых цветах.

Ты народом прославлен, ты знаменит,
Для детей и для взрослых ты как магнит.
Пробежала неделя, меняешь вид,
Изумительный ситец в пестрых цветах.

Говорит лишь о ситце вся сторона.
Хоть различен узор, но цена — одна.
Кто купил — тот и рад, нет — душа больна,
Исключительный ситец в пестрых цветах!

Взяв тебя, согрешит старик не один.
Очарован рисунком твоим Эмин.
Набирай на бешмет ситцу пять аршин, —
Есть пленительный ситец в пестрых цветах!

КУЦЫЙ ВОЛ

Ты мне опротивел, бездельник убогий,
Ты за день раз пять упадешь на дороге,
Смеется бычок над тобою безрогий:
«Куда он годится, бесхвостый лентяй?»

Животные все над тобою глумятся,
Издох бы ты, что ли, бесхвостое мясо!
Когда за работу пора приниматься —
Не хочет трудиться бесхвостый лентяй!

Я больше не буду возиться с тобою,
Я шкуру сдеру, излупцую клюкою,
И ты пожалеешь, клянусь головою,
Что вздумал родиться, бесхвостый лентяй!

Впустую угроз и проклятий лавина —
Упорствует куцый в безделье своем.
Ну полно, не мучай беднягу Эмина,
Примись за работу, не мешкай, скотина,
Ведь ты молодчина во всем остальном!

РЫЖИЙ ВОЛ

Жалко мне, как только взглядом грустным
Я тебя окину, рыжий вол.
Ты мой корм всегда считал невкусным,
Презирал мякину, рыжий вол.

Видно, божья воля уж такая:
Без скота — у бедных доля злая.
Я тебя подбадривал, ругая,
Брал я хворостину, рыжий вол.

Одинок твой друг, он как в пустыне,
Горько плачет о твоей судьбине.
Ах, на ком дрова из леса ныне
Я свезу в долину, рыжий вол?

Знал бы, что кормить свой скот рогатый
Не смогу, — тебе сей мир проклятый
Я покинуть бы помог, когда ты
Жирной был скотиной, рыжий вол...

КОТ, СОЖРАВШИЙ МЯСО

Ах, мяса я не уберег —
Им завладел мерзавец кот!
Едва я вышел за порог —
Есть захотел мерзавец кот.

Понюхал мясо — первый сорт.
Унижен я, паршивец горд.
Я плачу, торжествует черт, —
Повеселел мерзавец кот.

Я прозевал кошачий пир.
Как падишах или эмир,
С улыбкою взирал на мир
Вор и пострел мерзавец кот.

О, милых запахов струя!
Едва свой дом покинул я,
Мяукнул «душенька моя»
И мясо съел мерзавец кот.

Эмин, послушай, сирота,
Поставь капкан, поймай кота,
Отрежь ворюге нос. Беда!
Мне надоел мерзавец кот.

ВООХВАЛЕНИЕ КОНЯ

Конь без изъяна и порока,
Он сходен с жеребцом пророка,
И слух о нем идет далёко, —
Поздравляю с гнедым скакуном.

И в Дагестане и повсюду
Дивятся все такому чуду,
Его хвалить я вечно буду, —
Поздравляю с гнедым скакуном.

Он — словно плод садов аллаха,
Он под седлом не знает страха,
С ним рядом ветер — черепаха, —
Поздравляю с гнедым скакуном.

ЖЕНЩИНА, ПРОГНАВШАЯ ГОСТЯ

О братья, слушайте о том,
Во что поверил я с трудом:
Я гостем в дом не мог попасть,
Хозяйка не пустила в дом —
Да поразит ее напасть!

Когда вошел, на мой привет
«Будь гостем, друг, — сказал сосед. —
Жена, встречай же!» А в ответ
Стенанья, жалобы и крик,
Проклятья: «Чтоб ему пропасть!»
А я к такому не привык —
Да поразит ее напасть!

Да если знал бы я тогда,
Что нет тут чести и стыда,
Что тут безумной бабы власть,
Я б не пришел вовек сюда —
Да поразит ее напасть!

Позор ей до скончанья дней —
Ведь ниже невозможно пасть!

Етим Эмин, будь впредь умней,
Не связывайся больше с ней —
Да поразит ее напасть!

КРАСАВИЦЕ ТАМУМ

Мутится ум
От черных дум,
В душе огонь —
Пойми, Тамум!

А пламень глаз
Померк, погас,
Лишь сердца стон
Звучит сейчас.

Как далека
Твоя рука!
Кого смутит
Моя тоска?

Мне давит грудь
Страданий груз,
Покоя нет —
Печаль и грусть.

Молю всегда:
Не будь горда!
Лишь ты ушла —
Пришла беда.

Смеясь, гоня,
Не мучь меня —
Душа моя
В когтях огня.

Влюблен ашуг —
И душу вдруг
Испепелит
Любви недуг.

О, как мне быть?
Ведь жизни нить
Без глаз твоих
Нельзя продлить!

Ведь с давних пор
Наш уговор;
Порвешь его —
Беда, позор!

Конец всему!
Я боль приму
И губ своих
Не разожму.

Соперник мой —
Шайтан прямой;
Не верь ему,
Он недруг злой.

А я, Эмин,
Совсем один,
Ищу пути
Среди кручин.

Сестра мечты!
Любима ты,
Не оставляй
Етима ты!

ЕСТЬ У МЕНЯ ОДНО ЖЕЛАНЬЕ ВЛАСТНОЕ

Есть у меня одно желанье властное:
Приди, забудь про все дела, любимая!
Поговорить с тобою жажду страстно я,
Ты, словно райский ключ, светла, любимая.

Ах, разве так возлюбленные дружатся?
Ты на меня вдруг можешь зря обрушиться.
Не смейтесь, люди, — слезы вмиг осушатся,
Лишь будет вновь со мной мила любимая!

В Кюре́, в Кубе́ — нигде, подруга славная,
Не сыщется тебе красою равная.
Тебя в шелка б одел я, своенравная,
Ты всех красавиц превзошла, любимая.

Твоих зубов сверкают перлы белые...
Страдаю днем, не сплю я ночи целые.
Как уговор наш? Я что хочешь сделаю,
Но ты не причиняй мне зла, любимая!

Етим Эмин сгорел в любовном пламени.
В пучину мук навек ты погребла меня,
Ты вышла замуж, ты с ума свела меня.
Вокруг — зима, весна прошла, любимая...

БУДУЩЕМУ ЗЯТЮ

Зять, мой будущий зять, невесте своей
Ты наряд — пусть он будет богат — купи!
Хоть один наряд, но рублей не жалей,
Пусть насмешки подруг не звенят, — купи!

Ты к невесте своей с подарком идешь, —
Значит, должен быть твой подарок хорош.
Ей чувяки из лучших тебризских кож,
Коль в гостиный ты выбрался ряд, купи!

Все в негодность придем, все оставим свет.
Не подумай, что сносу чувякам нет.
«Башмаки ей зеленые, наш совет, —
Те чувяки твердят-говорят, — купи!»

Ничего не забудь, купи, женишок,
Покрывало, наперсток и гребешок,
Первосортного шелку купи, дружок,
В золотых украшеньях наряд купи.

Нужен тюль и атлас — шелк «гаджиабас».
К платью с красною вставкой идет как раз
Золотистый платок — он радует нас.
Ты его — шлет такие Герат — купи!

А еще я скажу, мой будущий зять,
Ты дешевых материй не думай брать.
Чтоб подружкам невесту не осмеять,
Ты наряд — пусть глаза их горят — купи!

Я, Эмин Сирота, и беден и хвор.
Для меня это всё — мишура и вздор.
Но, мой будущий зять, помни уговор, —
Ты наряд, не жалея деньжат, купи!

ЧТО К ЧЕМУ ПОДХОДИТ

Терпенье — беднякам,
Похлебка — старикам,
Осанка — молодцам,
Свет солнца — мирным дням,
О, как подходит!

Недужному — уход,
Воителю — поход,
Отважному — почет,
А соколу — полет,
О, как подходит!

Преданья — людям гор,
Неправде — приговор,
Волне морской — простор,
Зурне — лихой танцор,
О, как подходит!

Любви — безмерный срок
И верности залог,
А миру — ложь, подлог,
И зыбкость, и порок,
Писцу — бумаги клок,
Чернильный пузырек,
О, как подходит!

Конечно, прав Етим,
Твердя стихом своим:

Свет мудрости — седым,
Цвет жизни — молодым,
Богатство — щедрым сим,
О, как подходит!

АХ, НАША ЖИЗНЬ!

Тут козни плетут,
Тут честь продают,
И хвалится плут
Бесчестьем своим.

Нет правды нигде,
Нет счастья в труде,
Стал пленник везде
Товаром живым.

Злословье, навет —
Источник всех бед...
Ведь этак мы свет,
Свет мысли затмим!

Клич сильных таков:
«Дави бедняков!»
Слова — лишь покров
Деяниям злым.

Куда ни пойдешь —
Господствует ложь.
Чего же ты ждешь
От мира, Етим?

УТЕШАЮЩИМ МЕНЯ

Вам, спросившим, о чем я рыдаю, скажу я:
Разве тот, кто бедою разбит, не заплачет?
Вас, не знавших любовных страданий, спрошу я:
Разве тот, кого горе слепит, не заплачет?

Да, едва меня лоно любви приютило,
Сразу впутался бес между мною и милой,
И увел ее третий — обманом и силой...
Кто в такую минуту навзрыд не заплачет?

Пересуды людские о страсти несчастной
Настигают и жалят тебя ежечасно;
Ты о помощи к близким взываешь напрасно...
Разве тот, кто родными забыт, не заплачет?

Хоть кричи — не дождешься ты доброго слова.
Жизнь мою ни за что загубили сурово.
Я покинут подругой — она у другого!
Разве тот, кто душою скорбит, не заплачет?

Крепко спит мое счастье... Я брошен друзьями.
Вся земля пропиталась моими слезами.
Разве тот, кого злыми поносят словами
И навьючили ношей обид, не заплачет?

Не зовут уж меня на пирушку ночную...
Я в постели своей одинокой тоскую.
К милой близко, но с ней говорить не могу я!
Разве тот, кто, измучась, не спит, не заплачет?

Почему награжден я подобным недугом?
Даже дом мой обходят стыдливо, с испугом.
Мир обширен, а стал он мне крохотным кру́гом...
Разве тот, кто унижен, забит, не заплачет?

Разве тот, у кого даже юность украли,
Тот, кто гнется под грузом страданий, печали,
Тот, чьи волосы смолоду белыми стали, —
В безнадежности не завопит, не заплачет?

О подруга, приди хоть бы гостьей мгновенной,
Чтобы в явь претворился мой сон сокровенный, —
Верный друг твой в слезах, сокрушенный изменой...
Разве тот, кто мученьями сыт, не заплачет?

ВОССТАНИЕ 1877 ГОДА

Дома и скарб, сады и скот —
Всё было продано, — беда!
О, сколько плачущих сирот
Несчастью отдано — беда!

Кто жизнь за правду не отдаст?
Свет справедливости угас,
Мирзагасана нет средь нас —
Большая к нам пришла беда!

Твой путь нелегок, правды брат!
О, где ты, наш Гаджи-Мурад?
Надела траурный наряд
Семья ушедшего — беда!

Когда же наконец народ
Покой и волю обретет?
Империи тяжелый гнет
Терпеть покорно — вот беда!

Гляди — ударами судьбы
Разбито дело Ших-Бубы;
Когда же встанем для борьбы,
Чтоб изгнана была беда?!

НЕСЧАСТЬЕ

Когда, не дай бог, попадешь ты в беду,
Своим управлять языком ты не сможешь.
Строптивый, он будет с тобой не в ладу,
Поведать, что в сердце твоем, ты не сможешь.

Коль скажешь ты правду — рассердишь людей,
Ведь право на правду забрал богатей,
Ославят — хоть будь ты святого святей,
Спастись в положеньи таком ты не сможешь.

В семье твоей дружной начнется раздор,
Грызней обернется любой разговор,
Пойдут твои дети тебе вперекор,
И быть для них добрым отцом ты не сможешь.

Свой холст не заменит чужая парча,
Не дай вам господь быть в руках богача:
Лицо улыбается, речь горяча,
Но знать, что он мыслит при том, ты не сможешь.

Ты будешь своей же побит добротой,
И друг твой тебя очернит клеветой,
И даже добиться, чтоб твой золотой
Сочли хоть простым медяком, ты не сможешь.

Тебя все вороны возьмутся клевать,
И родственники поспешат оплевать,
И сын будет против тебя восставать,
Найти себе друга ни в ком ты не сможешь.

Не будь этих мук — не скорбел бы Етим,
И мир не казался бы мрачным таким.
Без счастья бессмысленна жизнь... А за ним
Угнаться, слывя бедняком, ты не сможешь.

МИРУ

Гей, ты, мир преходящий,
Всех ты мучишь, тиранишь!
И меня ты всё чаще
В сердце бедное ранишь.

Ты мне страшен... Я буду
Откровенен и честен:
Мир коварный, повсюду
Ты как сплетник известен.

Правду ты незаметно
Делать сплетней умеешь,
А взывать к тебе — тщетно:
Ты мгновенно немеешь!

Если, мир, ты не в силе
Дать нам счастье простое —
Зря тебя сотворили,
Сгинь, оставь нас в покое!

Сколько способов гнета
Ты придумал, размножил!
Горемык ты без счета
Раздавил, уничтожил.

К счастью, истина эта
Многим ясною стала,
Но не видящих света
В мире тоже немало!

Кто узнал тебе цену —
Прочь бежит, отступая...
От тебя несомненно
Не увижу добра я.

Мир, неся твое бремя,
Мы тебя разгадали,
И твоими на время
Мы гостями лишь стали.

Плачет сердце Етима,
Почернев от страданий,
Тяжек невыносимо
Воз его испытаний...

В СМЯТЕНЬИ МИР...

В смятеньи мир. Безумьем всё объято.
Любой плешивец — ханом в этом мире.
Все люди — или волки, иль ягнята.
Кто честен — жертва в странном этом мире.

. . . .

Но дружба есть! В согласии желанном,
Пастух, чабан стоят единым станом, —

И жизнь уже не кажется обманом,
Не застлан день туманом в этом мире!

Не нужен друг, что может срезать пятку.
Он жжет, как уксус, хоть болтает сладко.
Друг другу будем жертвой без остатка,
Рабéу и Салмáном в этом мире.

Етим Эмин — друг верный, неизменный,
Все этот мир покинут, люди — бренны,
Лишь добрые слова о них нетленны
Живут в непостоянном этом мире.

Я ВИДЕЛ ПОДОБНУЮ ГУРИИ

Диво дивное возле ручья
Со скалы я отвесной увидел.
Словно с гурией встретился я,
Красоту я небесную видел.

Как была ее поступь легка!
Как горела румянцем щека!
Схвачен стан серебром пояска...
Красоту я телесную видел.

Тот, чьи взоры ее покорят,
Будет рад, будет счастлив стократ.
Облаченную в яркий наряд
Красоту я небесную видел.

Гюльбатун! Ты как сад молодой,
Где созрел урожай золотой.
Ты равна Зулейхе красотой.
Облик гордый, чудесный я видел!

А чело у любимой моей
Самаркандской бумаги белей.
Для Эмина ты жизни милей,
И во сне он прелестную видел!

О, БРЕННЫЙ МИР!

Мучить будешь ты меня доколе?
Хватит, дай душе покой, о бренный мир!
Ты одних содержишь в ласке, в холе,
А другим грозишь бедой, о бренный мир!

Ты суров, безжалостен к несчастным,
А другим ты кажешься прекрасным.
Кто — в наряде шелковом, атласном.
Кто — измучен нищетой, о бренный мир!

А когда мы страждем, смерть встречая,
Помощь от тебя, скажи, какая?
Ты ведь вроде караван-сарая,
Где живут лишь день-другой, о бренный мир!

Никому бессмертия покуда
Ты не дал. Никто не видел чуда.
Ни Халиф-пророка, ни Намруда
Ты не спас от смерти злой, о бренный мир!

Я — страдалец и зовусь Эмином.
Ты несешь несчастье нам, невинным.
Ты кому навечно дан, скажи нам?
Ни одной душе живой, о бренный мир...

КРИК О ПОМОЩИ

Кричите, сзывайте на помощь людей,
Весь мир изменился — куда ни пойти!
Везде торжествует иль вор, иль злодей,
А честным приюта нигде не найти.

Наденет иной богомольный чалму,
Мирские соблазны, мол, чужды ему,
А сам — конокрад и уводит во тьму
Коня со двора самого эфенди.

Злодейское сердце, как камень, черство.
Ни крики, ни стоны не тронут его,
Ограбят, лишив человека всего,
Лишь горе и скорбь поселяя в груди.

Злой рок нависает над нами, как ночь,
Мы слишком слабы, чтоб его превозмочь,
Но разве владыки не могут помочь,
Не могут от этой болезни спасти?!

Так чем же, скажите, Эмин виноват?
Семь раз он безбожно ограблен подряд,
Вор за руку пойман — не вор, говорят,
Попробуй, бедняк, правосудье найти!

ЕСЛИ СПРОСЯТ ДРУЗЬЯ

Если спросят друзья о жизни моей:
Как живу? — Ничего, — передай друзьям.
Слово ласки услышать былых друзей, —
Я хочу одного, — передай друзьям.

Ах, как сердце болит, как плачет оно!
Солнце ярко горит, а душе темно.
Ты скажи, хочет жить поэт всё равно.
Не браните его, — передай друзьям.

Он совсем извелся́ от мук и тревог.
Было много друзей — теперь одинок.
И не знает никто, как друг изнемог,
Как скорбит оттого, — передай друзьям.

Сироту навещать не спешили вы,
Нищету уважать не любили вы.
Надо правду сказать, позабыли вы
Бедняка своего, — передай друзьям.

Всем друзьям передай: долетят до вас
Только слухи о том, что ваш друг угас.
Умирает Эмин, слезы льет из глаз,
А кругом никого, — передай друзьям.

СЛОВО УМИРАЮЩЕГО ЭМИНА

Пусть, когда я умру, проститься со мной
Только добрый придет, кто, как я, страдал,
Кто обижен судьбой и забыт родней,
Кто устал от забот, кто, как я, страдал.

Кто родным обедневшим открыл свой дом,
Кто, от них пострадав, живет бедняком,
Кто с нуждой и бедой хорошо знаком,
Кто вино скорби пьет, кто, как я, страдал.

Кто такой же узнал от родни урон,
Кто заклеван родней, как стаей ворон,
Кто ограблен родными и разорен,
Кто несчастья клянет, кто, как я, страдал.

Кто двоюродных братьев обул-одел,
Кто, найдя в них врагов, потом пожалел,
Кто увидеть бы в доме своем хотел
Благородных сирот, но, как я, страдал.

Ты, Эмин, воспитал молодых людей,
Но не стали они опорой твоей.
Пусть придет справедливый, а не злодей,
Пусть придет только тот, кто, как я, страдал.

МАЗАЛИ АЛИ

Мазали Али родился в ауле Маза в 1850 году. Был батраком, пас чужие стада. Имел хороший голос, играл на чонгуре и славился как искусный певец. Стихи слагал на лезгинском и азербайджанском языках.

Умер в 1890 году.

Произведения Мазали Али на русском языке публикуются впервые.

РОДИНА МОЯ

Лежа на постели, вижу дальний путь.
По тебе тоскую, родина моя!
На чужбине горе тяжко ранит грудь.
Кровь — не слезы лью я, родина моя!

Тот, кто дом оставил, — стал безродным тот.
Сердцем он черствеет средь тоски-забот.
От болезни лютой средства не найдет...
Жизнь идет впустую, родина моя!

Мазали веселье любит всей душой,
Пусть они ослепнут — лиходей с ханжой!
Знай, тебя я помнил на земле чужой,
Коль с тоски умру я, родина моя!

СКУПОМУ ЗЛОДЕЮ

Послушайте, люди, рассказ мой о нем...
Обманом добро наживает злодей.
Что — в сакле, то подлым добыто путем,
Чужое — в мешке, что таскает злодей.

Лепешки — вот пища его много лет.
Он богу противен, шайтаном пригрет.
От скупости кости он жарит в обед...
Пусть зубы свои поломает злодей!

Злодею ни в чем не пытайся помочь!
Зовет не зовет, — ты ступай себе прочь.
Презренною дружбой себя не порочь!
Пускай в одиночку страдает злодей!

При стаде злодей проживает весь год
И всё умножает свой собственный скот.
А если кто в гости к злодею придет —
От злости слезинку роняет злодей.

Увертки не бросит он даже в аду...
Пусть столько же терний взрастит он в саду!
Пусть ворон накаркает скряге беду!
Во мраке пускай пребывает злодей!

Вам чистую правду сказал Мазали.
Да будет добро украшеньем земли!
Пусть пропадом все пропадут холуи, —
Пусть в песне и в той не мелькает злодей!

ГАСАН АЛКАДАРИ

Гасан Алкадари рассказал о себе в своей книге «Асари — Дагестан» («Исторические сведения о Дагестане»). Он родился в 1834 году в аварском селении Балакан, где жила тогда его семья. Когда родители вернулись с ним в Лезгинию, Гасан в течение пятнадцати лет проходил в медресе Алкадара курс духовных наук. Кроме того он овладел персидским и азербайджанским языками. По окончании учения он сам стал преподавать, но вскоре его призвал правитель Кюры Юсуп-хан и определил состоять при нем в секретарях. Позднее Гасан Алкадари был секретарем русского окружного управления, членом окружного суда. Более двенадцати лет он занимал пост наиба в Южной Табасарани.

В 1877 году по подозрению в участии в восстании против царизма Гасан Алкадари с семьей был сослан в Тамбовскую губернию. Через четыре года ему разрешили вернуться в Алкадар, где он снова занялся преподаванием и литературными трудами.

В 1891—1892 годах им написана (на азербайджанском языке) обширная историческая хроника «Асари — Дагестан». Книга была издана в 1908 году. Проза в ней, по восточной манере, перемежается стихами.

Алкадари — автор многих трудов. Кроме сборника «Диван-ал-Мамнун» («Ал-Мамнун» — так называл себя поэт), изданного в 1913 году в Темир-Хан-Шуре в типографии М. Мавраева, у него было несколько трактатов на религиозные темы и такие оригинальные работы, как «Подтверждение поговорок в нравах народа», «Выявление состояния народа». Некоторые из его сочинений написаны на арабском языке.

Писатель был сторонником просвещения, культурного сближения с русским народом. Эти взгляды он проводит и в «Асари — Дагестан». Всем своим сыновьям Алкадари, кроме традиционного арабистского обучения, дал возможность получить русское образование.

Умер писатель в 1910 году.

На русском языке книга Гасана Алкадари «Асари — Дагестан» в переводе А. Гасанова была напечатана в 46-м выпуске «Сборника сведений для описания племен и местностей Кавказа» в 1929 году в Махачкале.

Стихи на русском языке публиковались в книге «Поэзия горцев Северного Кавказа» (М., ГИХЛ, 1934).

ДОШЕЛ ЧЕРЕД!

Восславим аллаха, дошел до России черед!
Дыхание правды почуял впервые народ.
Для нас, дагестанцев, открылась к познанию дверь.
Мы можем трудиться, учиться мы можем теперь.

Проснитесь, лезгины! Иные пришли времена!
Но братья лезгины никак не очнутся от сна.
Не скажут лезгины: и мы теперь люди на свете!
Пускай обучаются грамоте горские дети!

Пусть учатся дети под сенью великой державы,
Поймут, где их слабость, узнают, в чем люди неправы,
Кругом оглядятся, подумают сами о многом,
По рекам поездят, по дальним железным дорогам...

...А братья лезгины всё так же беспечны и нищи,
Подумаешь, право, что с неба к ним падает пища!
Хоть есть и такие, что разумом вовсе не плохи, —
И тянутся к знанью, и видят запросы эпохи.

Но яркая роза, при всем своем великолепьи,
В цветник превратит ли глухие, бесплодные степи?

* * *

Довольно жеманства, душа, черноокая красавица.
Я сгораю любовным огнем. Ты мне, джигиту, так нравишься.
Нет исцеленья мне, сам хоть Лукман вмиг появится,
Ты — болезни моей исцеленье одно, черноокая!

Ты мимо проходишь — душу мою зажигаешь.
Уйдешь — пораженную память зачем отнимаешь?
Глаз не свожу с твоего я пути, дорогая.
Не заставляй страдать меня, черноокая!

Хоть и не любишь, скажи мне: «Люблю!» — умоляю.
Плох этот мир — всё на свете теперь презираю.
Пусть в воздухе горном певучий вопрос не растает:
От болезни моей лекарство скорей назови.

Ангел ли ты, гурия ль ты, кто ты — скажи?
Неужто красивым таким человек бывает — скажи?
Ты мне дороже, чем солнце и самая жизнь.
Скажи: «Я согласна!» — и руку любви протяни.

Не могу разгадать тебя... Скажи, кто ты?
Павлин ли ты, коршун ли, голубка ли ты?
Зюгре ли ты, звезда ли ты, месяц ли ты, кто ты?
Лицо твое подними — покажись, кто ты?

В нашем ауле, когда ты проходишь, хвалу говорят.
В жизни с тобой хочу в один стать я ряд:
Если судьба нам написана — вместе будем страдать.
Выходи же мне навстречу, душа черноокая, джан!

ГАДЖИ АХТЫНСКИЙ

Гаджи родился в ауле Ахты в 1865 году. Покинув, как и многие бедняки лезгины, в поисках заработка свою родину, он долго жил в Азербайджане, в Баку, где работал на нефтепромыслах тартальщиком. Гаджи Ахтынский — первый рабочий поэт в лезгинской литературе. Творчество его носило эпистолярный характер. Стихи-письма к друзьям и близким, приходя в Ахты, сразу же становились достоянием крестьянской бедноты, тесно связанной с рабочими-отходниками. В ауле Ахты рассказывают, что письма-стихи поэта читались всенародно и что это нередко приводило к вмешательству местных властей.

Скончался поэт в 1914 году в родном ауле.

ПИСЬМО РАБОЧЕГО

Ты хочешь знать про жизнь мою, —
Я — жертва дней лихих, дружище!
За речи не кори, молю:
Нет горше дней моих, дружище!

Как тяжко в стороне чужой!
Грошами труд оплачен мой,
О близких я скорблю душой, —
Тоскливо мне без них, дружище!

В Баку должны мы вживе гнить,
Хлеб с ядом есть, отраву пить,
Нам остается лишь вопить
О бедствиях сплошных, дружище!

О, нефтяные промысла!
Тюрьма, что вышки вознесла!
Томящим думам нет числа
Вдали от мест родных, дружище!

Пускай цветут Кю́ра́ с Кубо́й,
В них много прелести живой, —
В Баку я больше ни ногой!
Дождусь ли дней иных, дружище!

Еще в душе довольно слов
Для устрашения врагов, —
Пускай услышит отчий кров
Печаль стихов живых, дружище!

Придут стихи — сойдется люд,
Гурьбой товарищи придут,
Руками щеки подопрут, —
Им близок каждый стих, дружище!

Терпеть мне больше мочи нет,
Согнулся я, стал сух и сед,
Влача годами бремя бед
Меж голых и босых, дружище!

ТВОЙ СЫН

Нечистым вороном руин
Стал твой сынок, скажу открыто.
Как буйвол, встречных всех твой сын
Сбивает с ног, скажу открыто.

Он, вновь и вновь к вину влеком,
Не расстается с кабаком,
В нем оставляет целиком
Свой кошелек, скажу открыто.

О, сколько лет в дому родном
Усердно мать пеклась о нем,
А он родителей потом
Стыду обрек, скажу открыто.

В нем незаметен нрав мужской,
Утратил облик он людской,
Стал толстошеею свиньей
Он в краткий срок, скажу открыто.

Игрою в карты увлечен,
Он ставит и штаны на кон,
Помалу превратился он
В дерьма кусок, скажу открыто.

Ты слишком на своем веку
Был снисходителен к сынку;
Он, подбочась, задрал башку, —
Пустой горшок, скажу открыто.

Не совладать с твоим сынком —
Чтó терпят от него кругом!
Он стал, как в глотке жесткий ком,
Нам поперек, скажу открыто.

Совет Гаджи: родных жалей,
Стремись приобретать друзей,
А от него в округе всей
Люд изнемог, скажу открыто.

ТАЙГУН

Вкруг пальца обвести парней
Сумела ты не раз, Тайгун.
Избранника души своей
Ты ждешь в урочный час, Тайгун.

Пленились многие тобой.
Кисейной, легкою чадрой
Лицо прекрасное закрой, —
Дурной опасен глаз, Тайгун.

В Ахты красой твоей горды,
О ней твердят на все лады.
Ты — сад, где спелые плоды
Открыты напоказ, Тайгун.

Ты — как на троне госпожа.
Ты — солнце, что, огнем дрожа,
Встает, когда заря свежа,
Дарить лучами нас, Тайгун.

Твой светел взор, твой лоб высок,
Пленителен румянец щек,
Одета с головы до ног
Ты в шелк, в парчу, в атлас, Тайгун.

У нас, о чудо красоты,
Тобой лишь сваты заняты,
Но, к деньгам равнодушна, ты
Шлешь женихам отказ, Тайгун.

Гаджи, твой блеск обняв умом,
Стал в восхищении немом:
Навек тот будет счастлив дом,
Где вспыхнешь, как алмаз, Тайгун!

ЕСЛИ БЕДНЯК НАЧНЕТ УЧИТЬ...

Начнет учить бедняк иной —
Его обходят стороной.
А сукин сын с тугой мошной
У всех найдет почет... Не так ли?

Когда беда явилась вдруг —
Прихлопнул богача недуг,
Купеческий скончался внук,
Сбегается народ... Не так ли?

Зурнист — он каждому хорош.
Не ставят умника ни в грош.
Сильней богатых не найдешь.
Смотреть — тоска берет... Не так ли?

На годекан пойдем, друзья.
Из вас любой, скажу вам я,

Над нищим стариком — судья.
Всяк сводит с бедным счет... Не так ли?

Гаджи изведал жизнь сполна.
Не по душе мне времена.
Душа страдать в тиши должна,
Молчать из года в год... Не так ли?

ПРОШУ — СООБЩИ!

К тебе издалёка шлю просьбу свою:
Ответь, как живется в родимом краю?
Коль бедный, как встарь, не прокормит семью —
О муках его, о слезах сообщи!

Ведет ли беседу бедняк с богачом,
Иль бедного гонят с порога бичом?
Как можно прожить?.. Чтó на рынке почем?..
О ценах на всё, о делах сообщи.

Как брынзу да сыр на базар привезут,
Кружатся ль, как встарь, перекупщики тут?..
На прежнем ли месте мошенник и плут?..
Ты мне о старинных врагах сообщи!

Какие приказы услышал народ?
Властям старшина воздает ли почет?
С живого иль мертвого суд наш дерет?
Решенья суда в двух словах сообщи!

Всему джамаату поклон от меня!
Как братья и сестры мои?.. Вся родня?
Как прежде ль не видят спокойного дня?
Всё ль мучит их голод и страх?.. Сообщи!

Домой возвратиться надумал Гаджи.
Уеду!.. Хоть весь мне Баку предложи!
Ты вправду ли, друг, занедужил?.. Скажи!
Чем лечишься? — в первых строках сообщи!

ПРОБУЖДЕНИЕ

Весь мир снует вперед-назад.
А ты ни с места, Дагестан.
И даже камни говорят,
Что ты беспечен, Дагестан.

Весь мир не покладает рук.
А нам с тобой не до наук.
Одним лишь только занят друг —
Своим желудком, Дагестан.

Перевернись вверх дном весь свет,
Разбейся в прах, — нам дела нет:
Нам только б набрести на след
Животной жвачки, Дагестан.

Над шахматной доской застыть,
На сборищах поговорить,
Посплетничать — вот наша прыть,
Вот наше дело, Дагестан.

О, мы и нужное вершим,
Но, совершив, разносим в дым.
Мы слова общего двоим
Вдвоем не сложим, Дагестан.

Над этой ночью вековой,
Над этой тусклотой мирской
Да вспыхнет мысль твоя звездой,
Чтоб стал ты садом, Дагестан.

Раскинь, о знание, лучи,
Мужчин и женщин обучи,
Чтоб не блуждали мы в ночи,
Чтоб стал ты садом, Дагестан.

Слова, рожденные в крови,
Ты бреднями не назови:
Гаджи страдает от любви
К тебе, беспечный Дагестан.

ПРИМЕЧАНИЯ

Настоящее издание — наиболее полный свод богатой и оригинальной, но доныне малоизвестной лирической поэзии Дагестана XIX—XX веков. XVIII век представлен только стихами лезгинского поэта Саида из Кочхюра.

В книгу вошли стихи выдающихся лириков пяти основных дагестанских народов: аварцев, даргинцев, кумыков, лакцев и лезгин. Расположены они по языковому принципу в алфавитном порядке. В каждом разделе авторы представлены в хронологической последовательности. В расположении стихов каждого поэта соблюдение хронологического принципа в большинстве случаев невозможно. Только произведения немногих поэтов прошлого сохранились в Дагестане в рукописном виде, еще реже — в печатном. Обычно стихи бытовали устно и записывались уже после смерти авторов. Определить точное время создания произведений невозможно, за исключением немногих случаев, когда речь идет об известном событии или определенной ситуации. Тогда в расположении стихов сохраняется последовательность. Даты даются, если они есть в авторской рукописи либо в ранних публикациях.

Лишь некоторые из поэтов, чье творчество представлено в книге, более или менее полно известны по русским изданиям. Еще не появлялись в русских переводах стихи Сукура Курбана, Ахмеда Мунги, Щазы из Куркли, Махмуда из Куркли, Гасана Гузунова, Мазали Али.

Значительная часть стихотворений, вошедших в настоящее издание, на русском языке печатается впервые.

АВАРЦЫ

ЭЛЬДАРИЛАВ ИЗ РУГУДЖИ

Сон. *Хунзах* — аварский аул. *Согласно закону, в положенный час Хунзахской водой совершив омовенье.* Верующие мусульмане совершают пять ежедневных молитв, одна из которых читается перед полуночью или в самую полночь. Омовение рук, ног и головы входит в обряд молитвы. Молятся на особом коврике («намазлыке»), в данном случае — вне дома — на бурке.

Меседо, дочь Алдана. *Шелк голодинский.* Голода и упоминающиеся далее *Гимри, Хайдак* — аварские аулы. *С тобой мы не крови одной*... и т. д. Ислам поощряет браки между двоюродными братьями и сестрами. *Хадижат* — жена пророка Магомета. *Аюб* — библейский пророк Иов.

Песня строителей дороги. Стихотворение известно не полностью. Поскольку поэт говорит о приказе *светлейшего князя* — видимо, наместника Кавказа, — возможно, что речь идет об одной из дорог, которые проводились в 1871 г. к ожидаемому приезду в Дагестан Александра II, пожелавшего осмотреть Гуниб, место пленения Шамиля. На строительство сгонялись горцы-крестьяне: это была одна из тяжелейших повинностей. *Хуршил-Магомет* — наиб Чохского округа. *Казикумух* — аул, центр Лакии. *Хиндах* — аварский аул.

Смерть поэта. *Темир-Хан-Шура* (ныне г. Буйнакск) — до Октябрьской революции административный центр Дагестана. *Чох* — один из древнейших аварских аулов. Из Чоха происходили многие семьи старой феодальной знати.

АЛИ-ГАДЖИ ИЗ ИНХО

О дружбе. Стихи написаны по поводу частых ссор между дочерью и зятем поэта.

«Ну и мельница в Зонобе...» *Зоноб* — аварский аул.

Появление седин. Тема и образы стихотворения имеют подобия в старой поэзии Востока. У Саади, например: «На ворона крылья, на кудри мои снег выпал, и мне не друзья соловьи...» *С крыши сову не прогонишь.* Сова, по аварским поверьям, — птица, приносящая несчастье.

МАГОМЕД ИЗ ТЛОХА

Дочь и мать. Диалог между матерью и дочерью — одна из любимых форм горской лирики, посвященной женской судьбе и любви.

МАГОМЕД-БЕГ

Пленение Шамиля. *Шамиль* (ок. 1798—1871) — руководитель освободительного движения горцев Дагестана и Чечни, направленного против колониальной политики русского самодержавия. Борьба, которую он возглавлял в течение двадцати пяти лет, и сама личность имама Шамиля широко отразились в поэзии и фольклоре Дагестана. *Царский сардар* — князь Александр Иванович Барятинский (1814—1879), командующий Кавказской армией. Ему в 1859 г. на горе Гуниб сдался в плен Шамиль. *Подачки давать.* В стихах Магомед-Бега говорится об измене, погубившей Шамиля. Хотя из-

мена и не была единственной причиной поражения, как представляется поэту, но часть наибов Шамиля царское правительство действительно склонило на свою сторону золотом и чинами.

Лорис-Меликов Михаил Тариелович (1825—1888) — участник Кавказской войны, впоследствии военный начальник Южного Дагестана. *С карабахцами, что вели караван.* Карабах — бывшее ханство на Кавказе, в Азербайджане. Славились карабахские кони. *Дарги* — аул в Чечне, до 1845 г. — резиденция Шамиля. *Львы буртанайские.* Буртанай — селение и местность в Кумыкии. *Сардар-полуцарь* — видимо, предшественник Барятинского, граф Михаил Семенович Воронцов (1782—1856). В 1845 г. его войска в Чечне оказались в тяжелом положении. *Сабли курдские.* Курдистан — часть передней Азии. Входил в состав Турции и Ирана. *Хаджи-Мурат, Ахвердилав, Магомед-Алим, Гаджияу, Идрис, Муртазали, Али, Сааду, Джебраил, Муса-Магомед, Гаджи-Махад, Заги* — наибы и соратники Шамиля. *Согри* — аварский аул. *Садурская равнина* (Саду) — местность близ аула Ахульго в Аварии. *Андийцы, багалинцы, хунзахцы, хебдавальцы, гидатлинцы, андалальцы* — жители аварских обществ. *Ули* — местность близ аула Гергебиль в Аварии. *Акуша* — даргинский аул. *Мюрид* — здесь: последователь и воин Шамиля. *Угодный владыке небес газават.* Движение Шамиля проходило под лозунгом «газавата» — «священной войны» против «неверных». Погибшим в сражениях газавата мусульманская религия обещала место в раю. *Гази* — Гази-Магомед (Кази-Мулла) — первый имам Дагестана, убитый в бою в ауле Гимры в 1832 г. *Верных в Хунзахе Гамзат истребил.* Предшественник Шамиля — Гамзат уничтожил аварских ханов, не пожелавших признать его имамом и принять участие в действиях против царя.

ЧАНКА

Гулишат. *Радугу жаждет увидеть любой, Счастье дарующую в рамазан.* У мусульман существует поверье, что увидевшему в месяц поста радугу на небе бог посылает счастье. *Гергебильский сыр.* Гергебиль — аул в Аварии. *Аксай* — кумыкский аул.

Любимая Далгата. *Бывало, ты жарко когтишь мою грудь.* Образ, уходящий в далекую древность восточной поэзии. У Низами в «Семи портретах красавиц» читаем: «Не давал он пери отдохнуть, куропатке сокол сел на грудь...» *Ануширван* — царь из иранской династии Сассанидов. Здесь, видимо, название древней крепости. *Дербентская ханша.* Дербент — город на берегу Каспия в Дагестане и крепость, построенная в VI в. и сохранившаяся до наших дней.

Подняться бы мне в гору... *Провидец Иса, что из мертвых воскрес. Иса* (Иисус) — почитается мусульманами как один из шести главных пророков, «установивших новые законы и веления божии». *Хизри* — пророк, открывший, по мусульманскому сказанию, воду бессмертия.

Шумайсат из Каха. *Ках* — аварский аул. *Став к югу лицом, начинаю намаз*... и т. д. Молитву мусульмане совершают, став лицом к той стороне, где находится Мекка.

Разговор влюбленных на свидании. *Станом черкесским.* Черкешенки слыли на всем Кавказе образцом красоты и стройности. Эпитет «черкесский» всегда употребляется как похвала.

Араканинка. *Араканы, Чалда* — аварские аулы. *Бровь, как арабское «н».* Буква «н» арабского алфавита напоминает по очертанию полукружие.

Склони свою голову мне на плечо. *Сулейман* (библейский царь Соломон) — один из мусульманских пророков. *Ружье с кубачинской насечкой.* Оружие работы мастеров аула Кубачи славилось красотой отделки. *Балкис* — легендарная царица Сабы, государства в Южной Аравии, возлюбленная Соломона. *Ты камень священный* — черный камень («Асвад»), оправленный в серебро и замурованный в одном из углов Каабы, — самая почитаемая из мусульманских святынь. *Семижды мне плохо На небе седьмом.* Число семь, часто встречающееся в письменной и устной поэзии гор, вошло в обиход из религиозных представлений. (Семь небесных сводов расположены один над другим, на седьмом небе находится престол аллаха, семь раз совершают паломники обход Каабы и т. д.)

МАХМУД ИЗ КАХАБ-РОСО

Земной праздник. *Повстречался я с джином, с бесовским владыкой.* В горах Аварии существовало поверье, что с джинами можно заключить договор о дружбе, и тогда они исполнят любое желание человека. *Как ездок на подъемной машине в Тифлисе.* Поэт подразумевает фуникулер, называя его по-своему «подъемной машиной». *Я — волшебная рыбка в Джайхуне-реке.* Джайхун — древнее название Аму-Дарьи, часто упоминаемое в классической поэзии Востока. *Моря не хватит для синих чернил* — одна из древнейших метафор восточного поэтического мышления. («Если бы море сделалось чернилами для написания слова... то море истощилось бы прежде, чем истощились бы слова...» Коран. Сура 18, стих 109.)

Мое поражение. *Очарованы пеньем пророка Давида.* По библейскому преданию, воспринятому и мусульманами, царь Давид слагал псалмы и пел их, сопровождая игрой на гуслях.

О моей любимой. *Красно-золотое знамя* — обычный у Махмуда «пышный» образ. *Почет, Словно кесареву туру.* При дворах властителей Востока принято было держать диких животных.

Измена подруги. Махмуд со своей возлюбленной Муи бежал в аул Ашильта, где заявил сельским властям, что похитил ее.

Горский обычай принуждал родных Муи дать согласие на ее брак с Махмудом. Однако Муи заявила, что она не бежала с Махмудом, а приехала в Ашильта по собственным делам. Она назвала Махмуда «низким рабом» и отреклась от него.

Мариам. Одно из самых прославленных произведений Махмуда. Поэма создана им на фронтах первой империалистической войны в те дни, когда Дагестанский конный полк вступил в Карпатские горы. На русском языке впервые напечатана в точном прозаическом переложении проф. Л. И. Жирковым в работе «Старая и новая аварская песня» (Махачкала, 1927). В поэтическом переводе — Эффенди Капиевым в его книге «Резьба по камню» («Советский писатель», М., 1940).

ДАРГИНЦЫ

БАТЫРАЙ

ГЕРОИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

«В среброкованой броне...» *Египетский клинок* — обычное в старой даргинской поэзии выражение, похвала высокому качеству оружия.

«Джамав-хана табуны...» *Джамав-хан* — даргинский феодал, правивший в первой половине XIX в.

«Ты руками в плен берешь...» *Ловишь сокола конем На подъемах Эндери.* Соколиная охота была обычной забавой при ханских дворах Дагестана в прошлом веке. Эндери — кумыкский аул.

«Гриву чудища схватив...» В подлиннике «гриву ашдага». Ашдага — дракон горских сказок.

«Там, где конь стреножен твой...» *Шахбагдадские ковры* — синоним высшей роскоши («Шахбагдад» — «Багдад царей»).

«Грудью своего коня...» *Ворочан* — сказочный непереходимый поток, описание которого встречается в горском эпосе. *Самур* — река в Южном Дагестане.

«Нет, прославленный герой...» *И надгробья храбрецам Ставят на краю дорог.* Эффенди Капиев в книге «Песни горцев» (М., 1939) дает к этим строкам следующее примечание: «Существует пословица: герой умирает не на постели. Кто бывал в горах, тот видел у дорог одинокие, покосившиеся надгробные камни. В старину их ставили в память о погибших в бою или без вести исчезнувших героях, чтобы каждый прохожий помянул их молитвой».

К стр. 168—188

ЛЮБОВНЫЕ ПЕСНИ

«Да погибнет твой Бидав...» *Бидав* — богатырский конь горского эпоса. *Мажар* — кремневое ружье.

«Есть в Египте, говорят...» *Шемаха* — город в Азербайджане.

«Черный коршун со скалы...» *Сердце сахарное съесть*. «Сердце из сахара» — любимое выражение не только даргинской народной поэзии. У лакцев, например, в исторической поэме о Давди герой тоскует о сахарном сердце любимой. Сахар в прошлом веке был новинкой, редкостным лакомством в горах.

«Под бумажно-белым лбом...» *Из серебряных монет Ожерелья на груди*. Еще в первые десятилетия нашего века в отдаленных горных аулах Дагестана сохранялся у женщин обычай носить на лбу и на груди мониста из серебряных денег (подчас целый клад старинных монет), во времена Батырая — это было самое любимое и распространенное украшение.

ИЗ ПЕСЕН О СЕБЕ

«Больше, чем в лесу ветвей...» Песня рисует независимый нрав Батырая. Полагают, что в ней описаны подлинные происшествия и лица. *Хайдак, Сираги* и далее *Мугри* — участки бывшего даргинского округа. *Чуллинский мой чунгур*. Чунгуры, сработанные мастерами аула Чулли, были особенно любимы за их легкость и звучность. *Аль-Асхаба Зульпухар* — шуточное обращение к кинжалу. («Асхаб» — сторонник пророка Магомета, «дгульфикар» или, как произносит Батырай, «зульпухар» — одна из девяти сабель Магомета, самая знаменитая). *Если никелем покрыть, Медь сверкает белизной*. Поэт иронически говорит о лести. Смысл пословицы не совсем ясен, как и содержание заключительной строфы в целом. Полагают, что под «златоухим ослом» Батырай иносказательно подразумевает свою жену, которую мать уговорила оставить обедневшего мужа.

«Ах, могу ль я песни петь...» По преданию, предсмертная песня Батырая.

СУКУР КУРБАН

Проданная Меседу. *Ведь имени дочки с рожденья Мать не произнесла*. В горах существовал обычай, запрещающий называть близких по имени. Имя заменялось ласкательным прозвищем. *Талханы* — знать. *С кос своих черных Шаль сорвала* — знак крайнего отчаяния, унижения, а также высшей просьбы. Если горянка снимала перед мужчиной платок, ее желание считалось священным и должно

было быть выполнено. *Как две капли росы, в одну каплю слились* — традиционный, древний образ поэзии Востока. Навои говорит о Лейли и Меджнуне: «Слились две капельки живой воды, их не разлить, напрасны все труды». *Кувшин вина притащили.* Ислам запрещает употребление вина. *Была для молитвы ей постлана́ Шкура черного кабана.* Свинья для верующего мусульманина животное нечистое. Предложить вместо молитвенного коврика — «намазлыка» кабанью шкуру значило смертельно оскорбить Меседу.

Бедный парень из Кубачи. *Кубачи* — знаменитый аул оружейников и ювелиров, чеканщиков по золоту и серебру, мастеров черни и цветной эмали, широко известный на Востоке более тысячи лет. Древние историки называли кубачинцев «зирахгеран» — делатели кольчуг. В старину здесь выделывались также тонкие сукна. В поисках сбыта своих произведений (нередко подлинных шедевров) кубачинцы странствовали не только по всей России, но и за границей, где их оригинальная и высокохудожественная работа всегда находила сбыт. Искусство кубачинцев процветает и в наши дни. Они участники многих отечественных и зарубежных художественных выставок. *В Хибарае — ауле богатом — Нашел он дружеский дом.* По обычаю, убийца (кровник) должен был покинуть родину и скрываться в чужих аулах. *Сделал ей ожерелье Из тридцати монет.* См. примечание к стихотворению Батырая «Под бумажно-белым лбом. . .», стр. 384. *Уркарах* — даргинский аул. *Аман!* (беда, худо!) — восклицание, выражающее огорчение, досаду, скорбь.

Касамал Али. Сюжет стихотворения заимствован поэтом из устного творчества. Песня о Касамал Али бытует не только у даргинцев, но и у других народов Дагестана. Лакцы дали возлюбленной героя имя, они зовут ее Парил-Меседу.

О тебе. *Индирай* — Волга. *Я бы для перьев деревья Рубил.* Одна из вариаций традиционного образа, рожденного древней поэзией арабов: «Если бы все деревья, какие есть на земле, сделались бы письменными тростями. . .» (Коран. Сура 42, стих 46), *Яхсай* — кумыкский аул. *Рум* — Византия.

Бедная девушка. *Родич курейшида.* Арабы, принесшие в Дагестан ислам (VII в.), оставляли здесь своих правителей. Наследуя им, семьи некоторых дагестанских феодалов вели родословную «от самих курейшидов», т. е. от рода, из которого происходил Магомет. *Талгаты* — знатный род.

ЗИЯУДДИН КАДИ

Моей красавице. *Ювелиры Цудахара.* Даргинский аул Цудахар известен мастерами граверами и серебрянщиками. *Видел я красавиц Мекки, Рима и садов Ирана.* Полагают, что эти строки автобиографичны и Зияуддин Кади много странствовал по свету.

Письмо к любимой. *Украсил бы смело я стены мечети, На них начертал бы твой чудный портрет.* Образ дерзкий для того времени и для среды, в которой жил поэт. Мусульманство запрещает не только изображение простого «смертного» человека, но даже «святых». Ислам не знает ни икон, ни религиозной скульптуры.

АХМЕД МУНГИ

Мадам. *Говорит «манжур» она.* В такой транскрипции передает Ахмед Мунги слово «бонжур» (добрый день, здравствуйте).

Суд Шамиля. В Кубачи живет предание о том, что Шамиль присылал своего гонца в этот аул мастеров за шкатулкой, предназначенной для уха какого-то наказанного наиба. Говорят даже, что выполнял этот заказ отец Ахмеда Мунги.

В день смерти осла. Стихи написаны по случаю смерти кубачинского старосты Умаратта, отличавшегося своей несправедливостью и жестокостью.

«Воля аульчан — закон...» В стихотворении идет речь о действительно существовавших в Дагестане адатах.

«Я свободна, как птица...» Исследователь творчества Ахмеда Мунги, Фатима Абакарова толкует это стихотворение так. Некогда в ауле Кубачи существовали «Дом девиц» и «Дом неженатых». В них раздельно собирались девушки и юноши. Каждой вдове решением Совета Чинэ (старейшин) разрешалось раз в месяц приглашать к себе из «Дома неженатых» любого юношу по ее выбору. Эта своеобразная — и относительная, конечно, — свобода и определяет настроение данной песни.

КУМЫКИ

ИРЧИ КАЗАК

Дружи с отважным! *Набег — что сабля. Не стремись к разбою.* Горские феодалы охотно подстрекали своих приближенных и подчиненных совершать набеги на земли соседних народов. (В высокогорном Дагестане — на Грузию, в приморских местностях — на казачьи станицы.) Угон коней, захват чужого имущества возводился знатью в доблесть. Некоторая доля добычи перепадала при этом каждому участнику набега. Казак осуждает набеги, порождавшие межплеменную вражду и месть.

Три года — мой срок. Казак был сослан в Сибирь на три года за то, что помог своему другу Атабаю умыкнуть из ханского дворца возлюбленную Атабая — рабыню кумыкского властителя шамхала.

Гей, джигиты! *Сколько месяцев долгих бредет Атабай?* Атабай был сослан в Сибирь вместе с Казаком. Шли они по этапу.

Из сибирских стихов. *Райханат* — жена шамхала Абу-Муслим-хана. *Не вызволят нас и крылатые кони.* Крылатый конь (Тулпар) часто упоминается в кумыкских сказках.

Как я мог предвидеть коварство ханов? *Герменчик* — селение и местность в Кумыкии. *Грозный Алескендер* — князь, обещавший Казаку с Атабаем свое покровительство. По обычаю, если похитителей девушки брал под свою защиту князь или другой знатный человек, преследование прекращалось, и покровитель приводил дело к мирному концу. Но Алескендер обманул Казака, изменил своему слову и выдал поэта и его друга в руки Абу-Муслим-хана. *Гора Тусари* — сказочная исполинская гора, покрытая густыми лесами. *Шава* — равнина, расположенная между реками Тереком и Сулаком.

Письмо из Сибири. Первое, напечатанное на русском языке стихотворение Казака (в переводе А. Штернберга — «Дагестанская антология», М., 1934).

Письмо Магомед-Эфенди Османову. С *Магомед-Эфенди Османовым* Казак сблизился по возвращении из Сибири. Османов высоко ценил творчество поэта и старался облегчить его опальную участь. *Люди ставят тебя выше ханов-князей.* См. биографическую справку о М.-Э. Османове. *Умар* и *Питат* — возможно, арабские поэты.

МАГОМЕД-ЭФЕНДИ ОСМАНОВ

Первая песня из «Кумыкской свадьбы». *«Кумыкская свадьба»* — собрание народных песен, записанных кумыкским поэтом Манаем Алибековым. В него включены некоторые ставшие народными стихи Магомед-Эфенди Османова, в том числе это и «Спор парня со стариком». *Азраил* — ангел смерти.

Спор парня со стариком. Стихотворение написано в форме спора-соревнования певцов, издавна распространенного у кумыков. Обычай вызывать на спор, исполняя «сарыны» — четверостишия, жив здесь до наших дней. Такие соревнования происходят на свадьбах, на аульных празднествах. Соревнуются обычно юноша и девушка (в этом смысле стихи Османова не совсем типичны). Форма песенного диалога живет и в современной кумыкской поэзии. *Темир-казык* — Полярная звезда (буквально «железный кол»).

Шамхал. Отрывок из небольшой поэмы Османова «Дворец шамхала».

О тех, кого не спасает чалма. *Ты, хаджи, даешь взаймы, Не стесняешься чалмы.* Белую чалму, знак «святости», носили хаджии, совершившие паломничество в Мекку («хадж»).

Обычаи кумыков. Угнетенное положение женщин в старом Дагестане связано было с множеством унизительных ограничений в быту. Женщины не носили зимой теплой верхней одежды, не имели права сидеть в присутствии мужчин, есть с ними за одним столом или одновременно. Ели то, что оставалось после мужской трапезы. Пословица гласила поэтому: «Быка зарежут — девушке супу не достанется».

МАНАЙ АЛИБЕКОВ

Жалоба аксайских девушек. Женщины в прошлом были в Дагестане почти сплошь неграмотны. Учить девочек в одной школе с мальчиками было не в обычае, а обучать дочерей дома было доступно лишь состоятельным людям, да и не считалось обязательным.

Жалоба кумыкских детей. Алибеков ратует в этих стихах за обучение в светской школе. Начальные духовные школы и средние (медресе) были почти в каждом более или менее крупном ауле.

ЗЕЙНАЛАБИДИН БАТЫРМУРЗАЕВ

Караван ушел. *Ушел караван с утра* — слово «караван» употребляется здесь иронически. Батырмурзаев под ним подразумевает царизм.

Утренняя звезда. По-кумыкски утренняя звезда — «Танг-чолпан». Этим стихотворением открывался первый номер издаваемого Батырмурзаевым на родном языке журнала «Танг-чолпан» (1917).

ЛАКЦЫ

ПАТИМАТ ИЗ КУМУХА

Из переписки между Маллеем и Патимат. *В спине у Адама.* По мусульманским религиозным воззрениям, Адам (так же, как и у христиан) — первый, сотворенный богом человек. При этом мусульмане считают, что, создавая Адама, бог на его спине сотворил также в виде мельчайших частиц, называемых *зарры,* зародыши всех будущих людей. Патимат, таким образом, выражает мысль об изначальности ее любви к Маллею. *Город Кумух.* Центр своих земель, богатый аул с более чем полуторатысячелетней историей — Кумух лакцы издавна называли городом. *Азайни* — древнее

селение на берегу Каспийского моря. Стремясь разлучить Патимат с возлюбленным, мать отправляет ее далеко к морю. *Кадийская мечеть* — большая мечеть Кумуха, при которой муталимы обучались арабской грамоте и основам мусульманского богословия. В этой мечети на празднике, когда Маллей читал перед верующими молитву, его впервые увидела Патимат. *Неужто Кааба — одна из высот?.. Там сердце-паломник свершает обход.* И дальше: *Не райский ли сад эта Шуту-гора.* Патимат говорит о горах Илу и Шуту близ аула Балхар, откуда родом ее любимый Маллей. Вокруг Каабы паломники совершали семикратный обход — «товаф». *Здесь, в ханском гнезде.* Патимат происходила из знатного рода. *Где ж лекарство?.. Где оно?..* У Патимат «савав», т. е. написанные на клочке бумаги шафраном «священные» стихи, отводящие беду и болезнь. *Асли* и *Карам* — влюбленные из одноименной восточной поэмы. *Меджнун, на край земли уходящий от Лейли.* Герой знаменитых восточных поэм Меджнун, рассудок которого помрачился от любовных мук, покинув Лейли, убежал в пустыню. *Фархад* и *Ширин* — герои поэм ряда восточных поэтов (Низами, Эмира Хосрова, Арифи). *«О Кааба!.. О Суад!»* — буквально: «О Кааба! О окрестности!» Подразумеваются окрестности Мекки, где находится Кааба — знаменитый мусульманский храм. *Где воды в колодце священном блестят.* Речь идет о колодце Зем-Зем близ Мекки, почитаемом мусульманами священным. Зем-Зем как синоним чистой, сладкой воды часто встречается в горской поэзии. *Марут и Гарут* — легендарные праведники, согрешившие из-за женщины. Принося признание и покаяние в совершенном грехе, они просили бога не лишать их рая, наказать их не на том свете, а при жизни.

Патимат пишет Маллею. Ответ на стихотворение Маллея «О красавица, твой сон». Маллей употребил в нем арабское слово «наам» — «нет», и Патимат это обыгрывает. *Абул* и *Аби* (Аби-Кухана) — арабские поэты.

Патимат пишет матери. *Черный ангел* — ангел смерти. *Не сама ль она глядит На незнатного?* Намек на чувства Аймисай, матери поэтессы, к Маллею.

МАХМУД ИЗ КУРКЛИ

Плач по Зайдилаву Курклинскому. *Зайдилав Курклинский* — мудрый и справедливый судья в Лакии. Решая многие дела в пользу трудового люда, он пользовался в народе большой известностью и уважением: когда он однажды шел на суд в селение Ахар, разлившаяся после дождей река Казикумухская Койсу унесла его и выбросила мертвым около селения *Шахувá.* Махмуд был близок с Зайдилавом. Стихотворение — образец песни-оплакивания. *Караши* — лакский аул. *Сиратский мост* — в исламе — мост «тоньше волоса и острее лезвия меча», по которому праведные после смерти проходят в рай. *Отец твой был угнан в Сибирь.* Отец Зайдилава — Зайду, участник восстания 1877 г., был сослан в Сибирь. *Десятками бурок в кунацкой.* Бурками горцы укрывают покойника от взоров окружающих.

К стр. 303—322

ЮСУП ИЗ МУРКЕЛИ

Жалоба на жизнь. Мотивы «Жалобы на жизнь» перекликаются с «Мухамессами» классика азербайджанской поэзии Вагифа:

Я правду искал, но правды снова и снова нет.
Всё подло, лживо и криво — на свете прямого нет.
Друзья говорят, в их речи правдивого слова нет,
Ни верного, ни родного, ни дорогого нет.
Брось на людей надежду — решенья иного нет...

Обвиняю родственников. История написания стихотворения такова. Поэт, годами живший вдали от родины, служа в Ашхабаде, во Владикавказе, жену и детей оставлял в Кумухе. Жена поэта жила вместе с его многочисленной родней. Все, что он присылал ей и детям, уходило в общий котел обширной родни. Тихая и покорная горянка, жена не решалась даже пожаловаться мужу. Узнав наконец о ее бедственном положении, Юсуп решил разделиться со своими тремя братьями и тремя сестрами. После раздела на долю поэта пришлось более чем скромное имущество и шесть сабу (около трети гектара) земли. Свое негодование на родню он излил в стихах.

Наставления. *Дажжал* — своего рода мусульманский антихрист. Дажжал, по исламу, должен явиться на землю за сорок лет до пришествия Махди (Мессии). При этом он будет на осле и сидеть на нем будет лицом к хвосту. *Салих* — мусульманский пророк. *Хоросан* — северо-восточная провинция Ирана («хоросанский» — высокая степень похвалы).

ЩАЗА ИЗ КУРКЛИ

«Мой сокол желанный!.. Прощай, дорогой!..» Темой стихотворения послужили реальные события из жизни Щазы.

«Если в горести великой...» *Лестница под грузом боли Поломается в пути.* Подразумеваются деревянные носилки в виде лестницы, на которых у горцев несут хоронить покойника.

«Что, фиалка, что с тобой...» Фиалка в лакском фольклоре цветок, символизирующий любовь.

«Чтоб взглянуть на мир с вершин...» *Кисею мою унес.* Кисейный платок — знак девичества.

ГАСАН ГУЗУНОВ

Петух Юсуп-хана. Сюжетом стихотворения послужил подлинный факт из жизни крестьян Кюринского (лезгинского) округа в старом Дагестане. Юсуп-хан, упоминаемый в стихах, был владе-

телем Кюры (1842—1864) и жестоко притеснял народ. *На масле будем есть курдючный жир.* В подлиннике: «жиром будем мазать курдюк» — лакская идиома, соответствующая русскому «масло масленое». *Могучий лев, верховный наш правитель* — намек на царя Александра II.

Голубок. Стихотворение посвящено возлюбленной поэта, сосланной в Сибирь вместе с отцом, участником восстания 1877 г. против царизма.

Старухи говорят. Стихотворение-аллегория содержит намек на мрачную действительность, на угнетение горцев царским самодержавием.

Лиса и верблюд. Сюжет басни заимствован поэтом из народной сказки, известной у всех народов Дагестана. *Пастушья клятва* — шуточный обряд. К ней приводили обычно провинившегося или нашалившего ребенка. Делалось это так. Приводивший к «клятве» накрывал кисть своей руки платочком так, чтобы на нем между большим и указательным пальцами была небольшая впадинка. Сюда клали соломину. Провинившийся должен был поднять ее кончиком языка. В это мгновение берущий «клятву» двумя пальцами старался защемить язык «клянущегося». Если это не удавалось — ребенка «оправдывали».

ГАРУН САИДОВ

Партизанская песня. Организатор партизанских отрядов в годы гражданской войны, Саидов написал для своих бойцов несколько походных песен. Приведенная песня — одна из них.

ЛЕЗГИНЫ

САИД ИЗ КОЧХЮРА

Проклятье Мурсал-хану. *Мурсал-хан Курахский* — Сурхай-хан II, называемый лезгинами Мурсалом, владетель Казикумухского и Кюринского (в Лезгинии) ханств, тиран, ослепивший в конце XVIII в. Саида за «дерзкие» песни. *Шалбуз-Даг* — гора в Южном Дагестане. Лезгины считали ее священной.

«Колесо моей судьбы повернулось вспять...» Стихотворение сложено на азербайджанском языке. В переводе на лезгинский впервые опубликовано в «Антологии лезгинской поэзии» (Махачкала, 1959).

О, притеснитель! *Чужак — ты глух к беде страны.* Чужаком поэт называет Сурхая потому, что тот был родом из казикумухских (лакских) ханов.

ЕТИМ ЭМИН

Старухам сплетницам. Поэт обрушивается в этих стихах на женщин Кеана — аула, в котором он учился и где полюбил дочь своего учителя Тюкезан, — пытавшихся помешать его браку с любимой.

Две жены. Эмин высмеивает многоженство, форму брака, узаконенную исламом.

О плохой жене. Древняя тема восточной поэзии, разработанная еще у Саади. В «Бустане» Саади есть стихотворение «О женщинах добрых и дурных», звучащее так:

С женой добродетельной, честной в делах
Ликуй, о бедняк, точно сам падишах!
Ударить вели перед дверью своей
Пять раз в барабан, как у царских дверей
и т. д.

Четверостишия. *Дели-дивана* — юродивый.

Будущему зятю. *Герат* — древний город в Афганистане («ключ к Индии»).

Что к чему подходит. Стихотворение написано в форме, воспринятой позже Сулейманом Стальским и применяемой другими дагестанскими поэтами.

Восстание 1877 года. Одно из самых крупных восстаний кавказских горцев против гнета царизма. Оно было жестоко подавлено, несколько тысяч его участников были сосланы в Сибирь. События 1877 года отразились в фольклоре и поэзии Дагестана во множестве скорбных откликов. *Мирзагасан, Гаджи-Мурад, Ших-Буба* — участники восстания.

В смятеньи мир... *Плешивец* (гачал) — глупец и неудачник, персонаж многих лезгинских сказок. *Срезать пятку* — обмануть, обворовать. *Рабе́у* и *Салма́н* — легендарные неразлучные друзья.

Я видел подобную гурии. *Ты равна Зулейхе красотой.* Зулейха, влюбленная в Юсуфа (библейского Иосифа), — героиня поэм Фирдоуси и Джами.

О, бренный мир! *Намруд* — библейский Немврод, основатель Вавилона.

ГАСАН АЛКАДАРИ

Дошел черед! Стихотворение служит вступлением к книге Г. Алкадари «Асари — Дагестан».

«Довольно жеманства, душа, черноокая красавица...» *Лукман* — легендарный врач, мудрец. Предания о нем имеют много общего с рассказами об Эзопе. *Зюгре* (Зухре) — Венера, утренняя звезда. Образ безумно влюбленной.

ГАДЖИ АХТЫНСКИЙ

Письмо рабочего. *Кубá* — северный Азербайджан, где живет много лезгин.

Твой сын. Поэт резко осуждает тех молодых лезгин, которые, попав в Баку, становились «кьучи» — прислужниками богачей.

СЛОВАРЬ

Абид — верующий, посвятивший себя изучению религиозных книг.
Агач-комуз — струнный музыкальный инструмент.
Адамант — алмаз, бриллиант.
Адат — обычай; свод народных обычаев и народной юридической практики у горцев Кавказа.
Алим — ученый.
Алкоран — см. Коран.
Алыча — сорт сливы.
Амузги — селение, некогда знаменитое в Дагестане своими мастерами холодного оружия.
Арак — хмельное питье, водка.
Асхар-тау — легендарная «гора гор» у кумыков.

Будун — помощник муллы.

Годекан — место, где собираются мужчины в свободное время для бесед, обычно на площади аула, в старину — у мечети.
Гурия — вечно юная красавица мусульманского рая.
Гяур — «неверный», иноверец.

Джамаат — общество аула (соответствует русскому понятию «мир»).
Джин — добрый или злой дух.
Дибир — духовное лицо, одновременно исполняющее должность судьи.
Диван — государственный совет. Другое значение: сборник стихов.

Имам — представитель духовной и светской власти у мусульман.
Итарку — сказочная птица.
Ифрит — глава духов.

Кааба — «святой дом», мечеть в Мекке, предмет особого поклонения мусульман.
Каджарский — иранский.
Кадий — духовное лицо, судья шариатского суда.

Кайс (Меджнун) — нарицательное имя человека, одержимого безумной любовью, вдохновенного. Образ нескольких классических восточных поэм (Низами, Навои, Джами).

Калым — выкуп за невесту.

Камалил Башир (Камалул Баши) — имя легендарного красавца горского фольклора. По решению народа он был убит собственным отцом, чтобы за убийством не последовала кровная месть, ибо каждая женщина, однажды увидевшая его, забывала все, бросала мужа и семью ради одного его взгляда.

Кара — мера длины, равная полуаршину.

Карам (Керем) — герой арабской любовной легенды.

Коран — священная книга ислама, по преданию написанная пророком Магометом.

Кубачи — даргинский аул, знаменитый своими мастерами оружейниками и ювелирами.

Кумаги — см. Годекан.

Курайши (корейшиды) — по преданию, потомки древнего арабского рода, из которого происходил Магомет.

Мажар — кремневое ружье.

Медина — «город пророка», наряду с Меккой место паломничества мусульман.

Муталим — ученик мусульманской духовной школы, медресе.

Муэдзин — низшее духовное лицо, созывающее с минарета мечети верующих на молитву.

Мюрид — ученик духовного наставника мюршида, мусульманский послушник.

Наиб — правитель округа.

Намаз — обряд мусульманской молитвы.

Нарт — богатырь кавказского эпоса.

Нукер — слуга, телохранитель, вооруженный стражник при дворе горского феодала.

Пери — волшебница, добрая фея восточной мифологии, ангел.

Рамазан — девятый месяц мусульманского лунного календаря, время поста «уразы».

Ревза — в стихах дагестанских поэтов прошлого местонахождение «храма пророка», синоним самого прекрасного места на земле.

Саба — старинная мера зерна, равная полутора пудам.

Саз — струнный музыкальный инструмент.

Сардар — наместник, военачальник, главнокомандующий.

Сура — глава Корана.

Сурьма — черная краска для бровей.

Тухум — род.

Узденъ — свободный крестьянин.

Фирман — указ, грамота.

Хабало — длинное нарядное женское платье.
Хадис (хедис) — собрание изустных преданий и наставлений Магомета и примеров из его жизни.
Хаким — правитель.
Хинкал — распространенное в горах кушанье: род галушек из кукурузной или пшеничной муки.
Хункар — владыка, властелин.

Цор — Кахетия, часть Грузии, соседствующая с Аварией. Название происходит от грузинского селения Цнори, ближайшего к Дагестану.

Чарыки — горская обувь из сыромятной кожи.
Чуяки — обувь из мягкой кожи.
Чунгур (чонгури) — струнный музыкальный инструмент.

Шамхал — титул кумыкских феодалов.
Шариат — свод законов, основанный на Коране.
Шейх — буквально «старейшина» — духовное лицо, глава общины.
Шербет — напиток из фруктов и сахара; варенье.

Эмир — повелитель, княжеский титул в странах Востока.
Эфенди — уважительное обращение, соответствует русскому «господин».

ПОЭЗИЯ ДАГЕСТАНА В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ

(Основные издания)

1. Дагестанская антология. М., ГИХЛ, 1934.
2. «Поэзия народов Дагестана». Махачкала, 1954.
3. «Поэзия народов Дагестана». М., ГИХЛ, 1960.
4. Батырай. Махачкала, 1947.
5. Батырай. Песни. Махачкала, 1957.
6. Батырай. Песни. М., ГИХЛ, 1959.
7. Ирчи Казак. Иные времена. Махачкала, 1960.
8. Махмуд из Кахаб-Росо. Песни любви. Махачкала, 1954.
9. Махмуд из Кахаб-Росо. Песни любви. М., ГИХЛ, 1959.
10. Чанка. Стихотворения. Махачкала, 1960.
11. Етим Эмин. Стихотворения. М., ГИХЛ, 1959.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

Между стр. 144 и 145. Аварский поэт Махмуд из Кахаб-Росо.

Между стр. 272 и 273. Кумыкский поэт Зейналабидин Батырмурзаев. Портрет работы Муэтдина Араби Джемал.

Между стр. 320 и 321. Лакский поэт Гасан Гузунов.

На обороте. Лакский поэт Гарун Саидов.

СОДЕРЖАНИЕ[1]

АВАРЦЫ

ЭЛЬДАРИЛАВ ИЗ РУГУДЖИ

АЛИ-ГАДЖИ ИЗ ИНХО

---

[1] Первая цифра указывает страницу текста, вторая (курсивом) — страницу примечания.

АНХИЛ МАРИН

КУРБАН ИЗ ЭНХЕЛО

МАГОМЕД ИЗ ТЛОХА

МАГОМЕД-БЕГ

ЧАНКА

МАХМУД ИЗ КАХАБ-РОСО

ДАРГИНЦЫ

БАТЫРАЙ

ГЕРОИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

ЛЮБОВНЫЕ ПЕСНИ

ИЗ ПЕСЕН О СЕБЕ

СУКУР КУРБАН

ЗИЯУДДИН КАДИ

АХМЕД МУНГИ

КУМЫКИ

ИРЧИ КАЗАК

МАГОМЕД-ЭФЕНДИ ОСМАНОВ

МАНАЙ АЛИБЕКОВ

ЗЕЙНАЛАБИДИН БАТЫРМУРЗАЕВ

ЛАКЦЫ

ПАТИМАТ ИЗ КУМУХА

МАХМУД ИЗ КУРКЛИ

ЮСУП ИЗ МУРКЕЛИ

ЩАЗА ИЗ КУРКЛИ

ГАСАН ГУЗУНОВ

ГАРУН САИДОВ

ЛЕЗГИНЫ

САИД ИЗ КОЧХЮРА

ЕТИМ ЭМИН

МАЗАЛИ АЛИ

ГАСАН АЛКАДАРИ

ГАДЖИ АХТЫНСКИЙ

Примечания

ДАГЕСТАНСКИЕ ЛИРИКИ

Редактор *Г. М. Цурикова*

Художник *И. С. Серов*
Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*
Техн. редактор *В. Г. Комм*
Корректор *Ф. С. Флейтман*

Сдано в набор 28/VIII 1961 г. Подписано в печать 13/XI 1961 г. М 74042. Бумага 84×108$^{1}/_{32}$. Печ. л. 12$^{5}/_{8}$+3 вкл. (21,01). Уч.-изд. л. 18,79. Тираж 4500. Зак. № 1159. Цена 74 коп.

Ленинградское отделение издательства «Советский писатель»
Ленинград, Невский пр., 28

Типография № 5 УПП Ленсовнархоза
Ленинград, Красная ул., 1/3

74 коп.